

Александр
Литвиненко

Дубинская
Преступная
Группировка

Офицер ФСБ даёт показания

Annotation

Автор, бывший подполковник ФСБ, рассказывает о грязных методах работы спецслужб, о их плотной связи с преступными группами.

О том, кто заказал Листьева и многое другое.

Читается, как захватывающий детектив, на одном дыхании.

После этой книги становится понятно почему автора отравили в Лондоне.

-
- [Александр Литвиненко](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Александр Гольдфарб](#)
 - [Акрам Муртазаев](#)
 - [Глава 1. Тюрьма](#)
 - [«ФСБ! Вы арестованы»](#)
 - [Кто не был в тюрьме, тот не видел звёзд на небе](#)
 - [В плену у Патрушева](#)
 - [В Африку!](#)
 - [Засада в зале суда](#)
 - [Бутырка](#)
 - [Освобождение](#)
 - [Глава 2. Разработчик](#)
 - [Личное дело](#)
 - [«А ты не лётчик»](#)
 - [Опер оперу рознь](#)
 - [Коллеги](#)
 - [Повадки РУОПов](#)
 - [Москва и москвичи](#)
 - [Клиент Пичуга](#)
 - [Среди своих](#)
 - [Начальники](#)
 - [Глава 3. Военные тайны](#)
 - [Глава 4. Узбекский след](#)
 - [Хохольков и его команда](#)
 - [Компромат в ГУОПе](#)
 - [«Коля, кому ты даёшь генерала?»](#)
 - [Генерал Женя](#)

- [Вертикаль власти](#)
- [Справка для Путина](#)
- [Общие деньги](#)
- [Глава 5. Большая война](#)
 - [Взрыв у «ЛогоВАЗа»](#)
 - [Первая жертва](#)
 - [Олигархи против чекистов](#)
- [Глава 6. Последнее дело УРПО](#)
 - [Отдел специальных задач](#)
 - [Мимо крови](#)
 - [Заказ на олигарха](#)
 - [«Мне приказано вас убить»](#)
- [Глава 7. Бунт на корабле](#)
 - [Завтра вас арестуют](#)
 - [«Саша, вы проиграли»](#)
 - [«Здравствуй, Миша. Я твой киллер»](#)
- [Глава 8. Крик в пустыне](#)
 - [Гам заводят танки](#)
 - [Народ безмолвствует](#)
 - [Концы в воду](#)
 - [Пейзаж после битвы](#)
- [Глава 9. Побег](#)
 - [У них все заплачено](#)
 - [Система, я тебя знаю](#)
 - [На границе](#)
 - [Человек без визы](#)
 - [А это очень стыдно](#)
- [Глава 10. Рязанский след](#)
 - [Поставьте памятник Цхаю](#)
 - [Странная война с террором](#)
 - [Исчезающий чеченский след](#)
 - [Провидец Селезнёв](#)
 - [Тень Рязани](#)
 - [Провокация](#)
 - [Делай, как я](#)
- [Эпилог. Он ушёл](#)
- [Приложения](#)
 - [Приложение 1. Рязанская история](#)
 - [Только факты](#)

- [«Учения» Пятрушева](#)
 - [Никто не верит](#)
 - [Аналитическая справка](#)
 - [Несладкий сахар](#)
 - [Приложение 2. Список имен](#)
 - [Приложение 3. Сокращения](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Александр Литвиненко
Лубянская преступная группировка

Вместо предисловия

Александр Гольдфарб

Непредвиденные последствия

О том, что Саша Литвиненко находится в Турции, я узнал от олигарха Бориса Березовского.

Звонок разбудил меня среди ночи 20 октября 2000 года. Проклиная себя за то, что забыл выключить мобильный телефон с вечера, я на ощупь нашёл его и нажал кнопку.

— Привет, — сказал Борис. — Ты где?

— В кровати, у себя дома в Нью-Йорке.

— Извини, я думал, что ты в Европе. У вас ночь?

Я посмотрел на часы.

— Четыре утра.

— Ну извини, я потом перезвоню.

— Да нет, говори уж, что случилось?

Борис звонил из своего дома в Кап-д'Антиб на юге Франции, где я недавно навещал его, возвращаясь в Нью-Йорк из Москвы. К тому времени он уже вдрызг разругался с Путиным, отказался от своего места в Госдуме и объявил, что не вернётся в Россию. Конфликт между ним и Президентом за контроль над телеканалом ОРТ был в самом разгаре.

— Ты помнишь Сашу Литвиненко? — спросил Борис.

За год до этого подполковник ФСБ Литвиненко прославился на всю Россию, заявив на пресс-конференции, что руководство поручило ему убить Березовского. После этого его выгнали из органов, и он около года просидел в Лефортово. Я познакомился с ним вскоре после его освобождения в московском офисе Бориса.

— Да, помню Литвиненко, — сказал я. — Это твой кагебэшник. Очень милый человек для кагебэшника.

— Так вот, он в Турции, — сказал Борис.

— Ты разбудил меня среди ночи, чтобы об этом сообщить?

— Ты не понимаешь, — сказал Борис. — Он убежал.

— Как убежал, его же выпустили?

— Его должны были посадить снова, и он убежал из-под подписки о невыезде.

— Молодец, правильно сделал. — сказал я. — Лучше в Турции, чем в Лефортово. Впрочем, в Лефортово сидеть лучше, чем в Турции. Я надеюсь, он не в тюрьме?

— Нет, он не в тюрьме, он в гостинице в Анталии с женой и с ребёнком. Он хочет пойти и сдаться американцам в посольство. Ты у нас старый диссидент, к тому же — американец. Ты не знаешь, как это делается?

— В последний раз диссиденты бегали в американское посольство лет пятнадцать назад, — сказал я.

— Скоро начнут бегать снова. Так что ты посоветуешь?

— Я не знаю, мне надо выяснить. Я тебе перезвоню к вечеру по нашему времени.

Я познакомился с Березовским за пять лет до этого. В то время я руководил большим американским научным проектом в России. Каждый раз, приезжая в Москву, я навещал Бориса в «клубе» — доме приёмов его компании «Логоваз» на Новокузнецкой улице, где толпилась «вся Москва», а в баре предлагали лучшее в городе красное вино. Говорили, что его привозил из своего виноградника ближайший партнёр Бориса — грузин Бадри Патаркацишвили.

Борис был мне интересен не только как один из главных действующих лиц грандиозной драмы российской политики тех лет. Меня привлекала к нему общность наших истоков. Мы были с ним одного возраста и происходили из одного круга — московской научной интеллигенции. Однако четверть века назад я увлёкся политикой и, после нескольких лет диссидентской деятельности в кругу А. Д. Сахарова, уехал в Америку — как казалось, страну неограниченных возможностей, чтобы возобновить занятия наукой. Что касается Бориса, то он — способный математик, остался в России, и тоже преуспел в науке. Но тут произошла революция 1991 года, и неограниченные возможности открылись — кто бы мог подумать! — в России. Борис сказочно разбогател, став первым крупным импортёром автомобилей, а затем «олигархом» — суперуспешным участником скандальных приватизационных аукционов середины 90-х годов. Березовский сыграл ключевую роль в победе Ельцина над коммунистами в 96-м году — он организовал консорциум олигархов, финансировавших и управлявших предвыборной кампанией.

Именно в это время начался его конфликт со спецслужбами. В разгар предвыборной кампании начальник охраны Ельцина генерал Коржаков и шеф ФСБ Барсуков пытались устроить переворот — уговорить президента отменить выборы, распустить Думу и запретить компартию. Борис был одним из тех, кто убедил Ельцина остаться на демократическом пути. Конфронтация между олигархами и генералами в ельцинском окружении

закончилась поражением последних и отставкой Коржакова и Барсукова.

Однако после прихода к власти Путина звезда Бориса Березовского сошла с кремлёвского небосклона. Влияние спецслужб в Кремле резко усилилось. Начался зажим свободы печати, передел государственного устройства — строительство авторитарной «вертикали власти», возобновилась война в Чечне. Борис, который был членом Думы, его телеканал и несколько газет открыто критиковали политику нового президента. Переломным моментом стала катастрофа подлодки «Курск». После того, как действия Путина в дни трагедии подверглись резкой критике на ОРТ, Президент потребовал от Березовского передать контроль над каналом в руки Кремля. Получив отказ, Путин дал команду давним недругам Бориса — спецслужбам «прессовать» его по полной программе. К моменту, когда его ночной звонок поднял меня с постели в Нью-Йорке, Борис Березовский стал «первым политэмигрантом» постсоветской России.

Через несколько часов после звонка Бориса я входил в канцелярию Белого дома в Вашингтоне, где у меня была назначена встреча со старым знакомым — специалистом по России, работавшим одним из советников Президента Клинтона в Совете национальной безопасности.

— Второй этаж, левый коридор, — процедил тёмнокожий полицейский, мельком взглянув на мой паспорт.

— У меня есть для тебя десять минут, — сказал мой приятель, вставая из-за стола и протягивая руку мне навстречу. — Через две недели выборы, и, сам понимаешь, российские проблемы сейчас всем до лампочки. Ну, что у тебя за срочное дело, о котором нельзя говорить по телефону?

Я рассказал ему про Литвиненко.

— Думаю слетать в Турцию и отвести его в наше посольство, — сказал я.

— Как должностное лицо, я должен тебе сказать, что американское правительство не занимается переманиванием сотрудников российских спецслужб и поощрением перебежчиков, — ответил он. — Как твой друг, скажу — не ввязывайся ты в это дело. Такое дело для профессионалов, коим ты не являешься. Оно может быть опасным. Ты знаешь, что такое цепь непредвиденных последствий? Ввязавшись в это дело, ты не будешь контролировать ситуацию, одно потянет за собой другое, и неизвестно, куда тебя занесёт. Так что мой тебе совет — езжай домой и забудь об этой истории.

— А что же будет с Литвиненко? — задал я глупейший вопрос, вспомнив взволнованный голос Саши на другом конце провода.

— Это не твоя проблема, — ответил мой друг. — Он — большой мальчик, знал, куда шёл.

— Ну хорошо, а если он всё-таки придет в наше посольство, что его ожидает?

— Во-первых, его туда не пустят. Там серьёзная безопасность, Анкара — это не Копенгаген. Какие, кстати, у него документы?

— Не знаю.

— Во-вторых, если он всё-таки туда проберётся, с ним будут говорить консульские работники, задача которых, — он улыбнулся, — никого в Америку не пускать.

— Но он всё-таки не обычный соискатель гостевой визы, — сказал я.

— Ну, если ему удастся это доказать, то с ним, возможно, поговорят... — он помедлил, подыскивая подходящее слово, — другие люди. В принципе, они могут замолвить за него словечко, но это будет зависеть...

— От того, что он им предложит? — догадался я

— Ты соображаешь.

— Понятия не имею, что он может им предложить.

— Ну вот видишь, я же говорю, что ты не профессионал, — улыбнулся мой знакомый. — Забудь лучше про всё это.

— А если мы выйдем в публичную позицию? Устроим пресс-конференцию?

— Для турецкой прессы? — улыбнулся мой приятель.

— Хорошо, я всё понял. Я подумаю. Если я всё-таки решу туда ехать, хотелось бы, чтобы кто-то здесь был в курсе, на всякий случай. Я же всё-таки американский гражданин.

— У нас свободная страна, купил билет — поехал, — сказал он. — Но ты прав, если с тобой что-нибудь случится, не повредит, если про тебя будут знать в посольстве. У тебя есть знакомые в Госдепартаменте?

— Есть, N.

N. был одним из советников Мадлен Олбрайт по России.

— Ты знаешь N.? Вот и замечательно. Позвони ему.

— Пока, — сказал я. — Успеха на выборах!

N. был на встрече. Он перезвонил мне только к вечеру. Я вкратце объяснил ему ситуацию и попросил разрешения звонить, в случае чрезвычайного развития событий в Турции.

— Звони, конечно, в любое время, — сказал он и дал мне свой домашний телефон.

Мой следующий визит был в телекомпанию Си-Би-Эс в Нью Йорке, где у меня был другой хороший знакомый, продюсер Гарри, в своё время я помог им сделать передачу о туберкулёзной колонии в Томске.

— Перебежчик в Турции?! — Гарри в возбуждении забежал по комнате. — Я пошлю камеру к посольству! Он даст нам интервью перед тем, как пойдёт туда? Но это должен быть эксклюзив! О, какой класс! Он выдаст нашим всю русскую сеть?

— погоди, погоди, Гарри, не так быстро. Никакой сети он не выдаст, он не шпион, он — мент. И камеры не надо. Я просто хотел предупредить тебя на всякий случай. Мало ли что может произойти. Вот если его выкрадут русские или турки станут его выдавать, вот тогда присылай камеру. А пока что никому об этом — ни слова.

— Хорошо, хорошо, обещаю. А ты не мог бы взять с собой портативную камеру и заснять его до того, как вы туда пойдёте — эксклюзив, о'кей? Не дай Бог, его ещё там подстрелят — вот будет история! Я шучу, шучу.

— Ну и шуточки у тебя. Я возьму камеру, только научи меня, как ею пользоваться.

Следующей задачей было объяснить мои планы дома. Моя жена Светлана была не в восторге от идеи ехать в Турцию, сдавать беглого русского подполковника в американское посольство.

— Ты сошёл с ума, — сказала она. — Тебя турки посадят в тюрьму — как я буду возить туда передачи?

— За что меня сажать в тюрьму?

— Ты даже не знаешь этого человека. Может, он бандит, или убийца, или его самого послали убить Березовского. Потом ты окажешься виноватым.

— Светлана, ты слышала про презумпцию невиновности? Сомнения истолковываются в пользу потерпевшего. А вдруг он не бандит и не убийца — если его вернут в Россию, ему ведь открутят голову.

— Пусть Борис сам его вывозит. Ты читал «Большую пайку»? Там всё написано. Всех вокруг постреляли, а олигарх как бы ни при чём.

— «Большая пайка» — творческий вымысел, драматизация, чтоб книжку лучше покупали. Кстати, Борис ни о чём меня не просил. Это моя собственная идея — ехать в Турцию.

— Но объясни всё-таки, чего ради тебя туда несёт?

— Честно говоря, не знаю, просто не могу удержаться. Чувствую, если не поеду — потом буду жалеть. Нерастроченный авантюризм.

— Тогда я поеду с тобой. Если тебя там застрелят, то я хочу при этом присутствовать. К тому же я никогда не была в Турции.

Для непосвящённого, разместившиеся в небольшом приморском отеле Литвиненки выглядели типичными курортниками, каких в Анталии десятки тысяч. Подтянутый глава семейства, совершавший утренние пробежки по набережной, его миловидная жена, покрытая двухнедельным загаром, и озорной шестилетний ребёнок не вызывали никаких подозрений у местных жителей, для которых русский турист — источник благополучия и главный двигатель местной экономики. К нашему приезду они уже чувствовали себя старожилками, с удовольствием выступая в роли гидов и толкователей местных нравов.

— Ты знаешь, что он кричит? — стал объяснять Толик Литвиненко Светлане, когда раздался полуденный вопль муллы, разносимый усилителями с минарета. — Он кричит «Аллах акбар!», чтобы молились турецкому богу.

И всё же, приглядевшись, можно было заметить, что перегрузки последних месяцев сказались на беглецах. Это было видно по испытующим взглядам, которыми Саша окидывал каждого нового человека, попадавшего в поле зрения, по заплаканным глазам Марины и по непоседливости Толика, постоянно стремившегося привлечь к себе внимание взрослых.

— Как ты думаешь, возьмут нас американцы? — был первый вопрос Саши.

— Сначала нам надо до них добраться, — ответил я. — Покажи-ка мне ваши документы.

Турция является одной из немногих стран, куда граждане большинства государств, включая Россию, могут въехать без визы, вернее получить визу при въезде, заплатив 30 долларов. Марина и Толик въехали в Турцию с обычным российским заграничным паспортом из Испании, куда попали по турпутёвке. Сашин документ был фальшивым; его настоящий паспорт забрали при обыске. Он показал мне паспорт одной сопредельной с Россией страны (по просьбе Саши я её не называю), с его фотографией, но с другой фамилией.

— Где ты его взял? — удивился я.

— Ты что, забыл где я работал? Ребята сделали. Не имей сто рублей, а имей сто друзей.

— Добротю сделано. А из чего видно, что это ты?

— Вот, — он показал внутренний российский паспорт, водительские права и удостоверение ветерана ФСБ.

— Скажи, а в Москве твои кураторы уже обнаружили твоё отсутствие?

— Да, я звонил, уже неделю как они переполошились и меня ищут.

— Ты отсюда звонил, значит, они знают, что ты в Турции.

— Я звонил вот по этому, — он показал телефонную карточку английской компании. — Это идет через центральный компьютер, звонок нельзя отследить. Впрочем, я не знаю.

— Не надо было звонить.

— Слушай, я должен был сообщить своим старикам, что я в порядке. Я ведь никому не сказал, что уезжаю. И Марина звонила матери, сказала, что в Испании с Толиком. Пропади они пропадом, суки, гоняют нас, как зайцев!

Мы с Мариной и Светланой переглянулись. Это был первый эмоциональный срыв за несколько часов разговора, но видно было, каких усилий требуется Саше, чтобы сохранять спокойствие.

— В общем, нужно исходить из того, что они знают, что ты за границей. Скажи, если, допустим, ты банк ограбил или убил кого, как быстро можно объявить тебя в розыск? — спросил я.

— Достаточно быстро, но они не станут давать в Интерпол явную липу. Сначала нужно серьёзное дело склеить и под меня подогнать, чтобы правдоподобно выглядело.

— Значит, у нас есть ещё несколько дней.

В Анкару мы ехали на арендованном автомобиле, не решившись садиться на самолёт — там нужно предъявлять паспорта, и мы сочли, что будет лучше если фальшивая фамилия Саши не попадёт в компьютер авиакомпании. Была безоблачная ночь и полнолуние. Мы мчались по пустому шоссе через каменистую пустыню, и Саша рассказывал мне истории из жизни ментов, чтобы я не уснул за рулём.

В Анкаре, в отеле «Шератон» нас ждал Джо, маленький усатый нью-йоркский адвокат, специалист по правам беженцев, которого я уговорил заехать на день в Анкару из Европы, где у него были дела. Выслушав Сашу, Джо сказал:

— Просить политическое убежище в США можно только находясь на территории США. Посольство для этого не подходит. Находясь за границей, вы можете обратиться за беженской визой, если считаете, что на родине вас преследуют по религиозным, политическим или этническим мотивам. При этом существует ежегодная квота на беженцев, которая всегда перевыполнена. Поэтому ждать въезда приходится месяцы, а иногда и годы. А у вас, как я понимаю, нет времени.

— Он правильно понимает, — подтвердил Саша, выслушав перевод.

— В своё время советских диссидентов, да и не только диссидентов — простых невозвращенцев впускали в Америку с ходу, — сказал я.

— Ну, так то была холодная война, — возразил Джо. — В принципе существует такая форма въезда — вне очереди, которую мы называем «пароль», когда визу дают по причине «общественной значимости». Для этого нужно решение на верхах Госдепартамента или в Белом доме. У тебя есть знакомства? — спросил он меня.

— Знакомства-то есть, но сейчас выборы, им не до нас.

— В любом случае, я вам рекомендую формально обратиться за беженской визой, чтобы документы уже были в системе, а потом пусть они ждут здесь, а ты поезжай в Штаты и попытайся пробить им «пароль».

— Я не хочу оставаться в Турции, — сказала Марина.

— Да, из Турции депортируют без проблем, — сказал Джо. — В основном, люди просят политического убежища из Турции, а не в Турцию.

— Скажи ему, что до депортации не дойдёт. Как только наши узнают, что я здесь, то сами приедут и всех нас тут замочат прямо в баре, — сказал Саша.

— Джо, ведь всё-таки Саша офицер ГБ, а не какой-нибудь еврей-репатриант. Его действительно замочат.

— По этому поводу могу сообщить вам по секрету, — сказал Джо, — что у ЦРУ всегда есть запас чистых «грин-карт» — то есть, разрешений на постоянное жительство. Нужно только вписать фамилию. Если человек им нужен, то через несколько часов он оказывается в Вашингтоне в обход всех иммиграционных процедур. Но это — сделка. Вы им — товар, они вам укрытие. Ты должен решить: либо ты — жертва тирании, либо — торговец секретами. Совместить это трудно.

— Саша, у тебя есть секреты на продажу?

— Главный секрет, это кто сколько в Конторе берёт и по какой таксе. Какие у меня секреты, сам подумай? Могу ещё одну пресс-конференцию устроить. Про то, как ФСБ взорвало жилые дома, чтобы свалить это на чеченцев. Или рассказать, кто убил Листьева, если это им интересно.

— А кто такой Листьев? — спросил Джо.

— Один русский, которого застрелили, это не имеет отношения к делу, — сказал я.

— А у вас случайно нет американца, которого застрелили?

— Есть американец, Пол Тейтум, помнишь? Я знаю, кто его грохнул.

— Кто такой? — спросил Джо.

— Хозяин гостиницы «Рэдисон» в Москве, был расстрелян

неизвестными в центре города, — пояснил я.

— Это уже лучше. Бедный Пол может иметь отношение к разведке, к ЦРУ?

— Едва ли, — сказал Саша. — Это была деловая разборка. Заказуха. Но наши ребята в этом поучаствовали.

— Для ЦРУ не подходит, — сказал Джо. — Но об этой истории можно организовать материал в газете, чтобы легче было получить «пароль». Мол, в Турции сидит человек, который знает, кто убил американского гражданина. В общем, ваша главная проблема — дефицит времени. Если бы он уже был в Штатах, с таким материалом я бы получил ему убежище недели за три. Если бы он был в Москве, месяца за два можно было бы организовать «пароль» и беженскую визу вне очереди.

— А что если он просто сядет на самолёт, прилетит в Нью-Йорк и сдастся полиции?

— Чтобы его посадили в самолёт, нужна американская виза. Если же он проникнет в Штаты без визы, например вплавь, то это — нелегальный переход границы, и его посадят в тюрьму, пока разбирается его дело.

— Всё ясно, — сказал я. — Значит, план такой. Идём в посольство, подаём прошение, и попытаемся организовать прессу. Потом будем получать «пароль». Все согласны?.. Молчание — знак согласия. Джо, спасибо за консультацию, увидимся в Нью-Йорке.

Утром следующего дня Светлана отправилась на разведку. Вернувшись, она сказала:

— Вас ждут в консульстве ровно в час дня. Я им всё объяснила, и они как-то слишком быстро всё поняли. Такое ощущение, что они про вас знали. Короче, вы идёте без очереди в отдел обслуживания американских граждан.

Перед походом в посольство Саша рассказал под камеру об истории своей жизни, о причинах, побудивших его искать убежище в США, и о том, что ему известно об убийстве американца Пола Тейтума. Плёнку вручили Светлане, и та отправилась в аэропорт с наказом передать плёнку в редакцию Си-Би-Эс в Нью-Йорке. Проводив Светлану, Саша, Марина, Толик и я отправились в посольство.

Миновав длинную очередь турок, стоявших вдоль забора под присмотром двух полицейских машин, мы приблизились к стеклянной будке. Я вытащил свой американский паспорт. Нас действительно ждали. Вежливый молодой человек в рубашке и галстукe сказал что-то морскому пехотинцу, и тот, отобрав наши мобильные телефоны и мой паспорт, выдал

нам гостевые пропуска на железных цепочках.

— Я консул, — молодой человек назвал своё имя. — Добро пожаловать в посольство Соединённых Штатов. У вас назначено интервью. Вы позволите, господин Литвиненко, я возьму ваши документы?

Нас провели через пустой двор, сопровождающий набрал комбинацию на цифровом замке, железная дверь открылась, и ещё один морской пехотинец провёл нас в странную комнату без окон, с обшивкой для звукоизоляции. Посредине стоял стол со стульями, а под потолком крутился вентилятор. Сверху на нас смотрел глазок видеокамеры.

Мы с Сашей переглянулись. Очевидно, это был тот самый звуконепроницаемый бокс, недоступный для прослушки, о котором я читал в шпионских романах.

Как только мы разместились вокруг стола, открылась дверь, и вошёл ещё один американец в очках, лет сорока на вид.

— Это Марк, мой коллега, второй секретарь из политического отдела, — сказал консул.

Всё, как говорил мой вашингтонский приятель, подумал я: люди из консульства и «другие люди».

— Я вас слушаю, г-н Литвиненко, — сказал консул. — Чем мы можем вам помочь?

Дальше всё происходило точно по сценарию адвоката. Саша повторил свою историю и попросил предоставить ему и его семье убежище в США, а консул произнёс примерно то, что рассказывал Джо: мы понимаем вашу ситуацию и очень вам сочувствуем, но убежище в посольствах не дают. Что касается беженской визы, то рассмотрение занимает время, пожалуйста, заполните анкету, мы, конечно, постараемся ускорить процесс, но решения принимаются в Вашингтоне, оставьте телефон, по которому с вами можно связаться.

Я сказал, что попробую получить для них «пароль» в Вашингтоне, где у меня есть связи.

— Это разумно, — согласился консул.

Несмотря на вентилятор, в боксе было жарко, хотелось пить. Толик притих, чувствуя, что происходит что-то очень важное. По щекам Марины текли крупные слёзы.

— Учитывая специфическую ситуацию господина Литвиненко, — сказал я, — есть основания опасаться за их безопасность. Нельзя ли на время рассмотрения дела поселить их в каком-нибудь безопасном месте, например, где проживают сотрудники посольства?

— К сожалению, у нас нет такой возможности.

— В каком отеле вы остановились? — вдруг вступил в разговор молчавший до сих пор Марк.

— В «Шератоне».

— На чьё имя снят номер?

— На имя моей жены, — сказал я. — У неё другая фамилия.

— Мы знаем, — сказал Марк. — Она была у нас утром. Я думаю, что вы преувеличиваете опасность. «Шератон» — американский объект. Кроме того, мы в мусульманской стране: здесь есть опасность терактов, так что к безопасности в «Шератоне» должны относиться серьёзно. Я хотел бы иметь несколько слов с господином Литвиненко наедине. — И, предвосхитив мой вопрос, добавил по-русски: — Перевод нам не потребуется.

Саша кивнул, и мы вышли из бокса. Затем консул отвёл нас на вахту, вернул документы и, пожелав успеха, распрощался...

Через несколько минут появился Саша. В общем он держался молодцом, хотя и был бледен.

— Ну что? — спросил я, когда мы сели в такси.

— Ничего. Мужик этот полностью в курсе. Спросил, знаю ли я того, этого. Про кого он спрашивал, большинство я лично не знаю, хотя слышал. Спросил, есть ли у меня что-нибудь, что могло бы их заинтересовать. Я сказал, что нет. Спросил, собираюсь ли я сидеть тихо или выступать публично. Я сказал, что буду выступать, хочу написать книгу про взрывы. Он сказал: «Желаю успеха, это не по нашей части». Всё.

Наш ужин в тот вечер представлял собой грустное зрелище. Толик капризничал, Саша молчал, что-то обдумывая, Марина и я поддерживали разговор на отвлечённые темы. На следующее утро мы должны были расстаться.

Вдруг Саша сказал: «Нас уже пасут. Видишь мужика с газетой за стойкой в баре. Он сидел в холле на этаже, а потом спустился сюда. Сейчас проверим».

Он вышел из-за стола и пошёл в туалет. Мужик повернулся так, чтобы ему видна была дверь туалета. Саша вышел из туалета, направился в фойе. Мужик опять переместился, чтобы держать его в поле зрения.

— С такой наружкой меня бы давно с работы выгнали, — сказал Саша, вручая мне газету, которую купил в киоске, чтобы его прогулка выглядела естественно. — На, почитай.

Я мельком бросил взгляд на первую страницу. Это была местная газета на английском языке — «Туркиш Таймс». Заголовок на полполосы гласил:

«Облава на русских». Статья сообщала, что в Турции находится двести тысяч русских с просроченными визами, связанных с проституцией и переправкой нелегальных эмигрантов в Западную Европу, власти их отлавливают и депортируют в Россию. «Как некстати, — подумал я. — Хорошо, что Саша не читает по-английски».

— Как ты думаешь, он один? — спросил я.

— Один, иначе он не бегал бы за мной с этажа в бар. Ночью больше и не требуется — куда мы денемся из гостиницы. Наверное, засекли нас у посольства. Если смотрят за посольствами, то точно должны были засечь. Надо отсюда уходить.

Мы переглянулись и сказали одновременно: «Хорошо, что мы не сдали машину».

— Марина, возьми у Алика ключ от его комнаты, только незаметно, — сказал он. — Иди наверх, как будто вы с Толиком пошли спать, собери вещи, перетащи всё к Алику в номер на восьмой этаж и жди его там.

Расчёт был на то, что если наблюдатель действительно один, то он будет висеть у Саши на хвосте, и перемещения Марины останутся незамеченными.

Марина зевнула и, сказав: «Ну, ребята, до завтра», потащила за собой к лифту сонного Толика. Минут через пятнадцать поднялись и мы с Сашей. Мужик в баре остался на своём месте.

— Забирай Марину и двигай в гараж, — скомандовал он. — Как только будете готовы, звони мне с мобильного.

Саша вышел на седьмом этаже и отправился к себе в номер. Я вышел на восьмом и, спустившись по лестнице, осторожно заглянул в холл седьмого этажа. Мужик из бара был уже там и читал газету. Я поднялся к себе в номер. Марина читала, одетый Толик спал в моей постели.

Потребовалось две ездки на лифте и четверть часа, чтобы перетащить все вещи и спящего Толика в машину. Когда всё было готово, я позвонил Саше. Спустя три минуты, наша машина выскочила из подземного гаража гостиницы «Шератон» и двинулась в направлении, неизвестном нам самим, так как карты города у нас не было. Я посмотрел на часы. Было половина второго ночи.

— Как ты думаешь, ушли? — спросил я Сашу.

— Чёрт его знает! Если он был один, то ушли, но в городе невозможно сказать. Вот выедем на шоссе, будет ясно.

— Если б я знал, в какую сторону ехать, — сказал я.

На перекрёстке стояла группа жёлтых такси. Стайка шоферов,

сгрудившаяся у первой машины, что-то горячо обсуждала. Я остановил машину.

— Как проехать в Стамбул? — спросил я по-английски. — Стамбул, Стамбул!

Последовало длинное объяснение по-турецки. Я жестами объяснил таксисту, что поеду за ним — пусть он выведет нас на стамбульское направление. Через полчаса, расплатившись с таксистом, мы легли на курс.

— Останови-ка машину, — попросил меня Саша после крутого поворота шоссе. Постой минут десять. — Так... Вроде никого нет, поехали дальше.

Большую часть пути мы проехали молча. Жизнерадостное настроение предыдущей ночной поездки сменилось унынием.

— Я не дамся живым, — вдруг сказал Саша. — Если меня начнут выдавать, я покончу с собой.

Я посмотрел в зеркало. Марина и Толик спали.

— Саня, не напрягайся, — посоветовал я, вспомнив книжку по популярной психологии. — Старайся думать в положительном направлении. А то потом, когда всё обойдётся, окажется, что ты зря волновался.

— У тебя есть план действий?

— Добраться до Стамбула, прописаться в гостинице и выспаться. А потом подумать.

— Хочешь, я сяду за руль?

— Нет, не хочу. Нас остановят, а у тебя в правах одна фамилия, а в паспорте другая. Сразу заметут.

С рассветом появился густой туман. Судя по километражу, мы должны были уже въехать в Стамбул, но впереди была лишь густая молочная стена. Может, турок-таксист сыграл с нами злую шутку и направил нас в противоположном направлении? К тому же у нас кончался бензин. Я ехал и думал о том, что мой вашингтонский приятель был прав — меня несёт в неизвестность туманный поток под названием «непредусмотренное развитие событий», и кто знает, где мы окажемся через час после того, как встанем на пустом шоссе без бензина, а к нам подъедет полиция и проверит документы.

Впервые за пять дней, прошедших с ночного звонка Бориса, у меня было время подумать над вопросом жены, от которого я отмахнулся в Нью-Йорке: чего ради меня понесло в Турцию? Это была не просто жажда приключений. Скорее, ностальгия по прошлому, возможность вернуться на 25 лет назад, когда при других обстоятельствах мне самому пришлось

испытать то, что должен чувствовать сейчас Саша — опьяняющую смесь внутренней свободы и безграничной уязвимости человека, который бросил вызов репрессивной системе, и вот — не раздавлен, жив и может быть даже оставит монстра в дураках! Это чувство победы над собственным страхом, забытое за годы американского благополучия, дремало на задворках моего сознания четверть века, с тех пор, как в мрачной Москве 70-х годов я распространял книжки Солженицына и передавал западным корреспондентам сведения о политических заключённых. Борис прав — скоро диссиденты снова начнут бегать в американское посольство, а отчаянные мальчишки — перепечатывать самиздат. Монстр КГБ не погиб и вновь набирает силы, насосавшись крови в двух чеченских войнах. Как я мог упустить шанс помериться с ним силами ещё раз?!

Вдруг из тумана выплыл зелёный транспарант: «Аэропорт Кемаля Ататюрка — Стамбул», а ещё через двести метров показалась долгожданная бензоколонка.

Следуя проверенной методе, мы взяли таксиста, который вывез нас к стамбульскому отелю «Хилтон». Сняв номер с двумя спальнями, мы еле доползли до постелей и повалились спать, вывесив на дверь табличку: «Просьба не беспокоить».

К пяти часам вечера, выспавшись и вкусивши прелестей турецкой бани в спортклубе гостиницы «Хилтон», мы собрались на совет. К этому времени я успел позвонить в Госдепартамент, и услышать в ответ: «Господин N. в отъезде, будет завтра, что ему передать?» Я также позвонил Березовскому, выйдя в фойе, чтобы Саша и Марина не слышали разговор.

— Ты думаешь, твой знакомый поможет получить «пароль»? — спросил Борис.

— Честно говоря, сомневаюсь, — ответил я. — N. человек формальный и не пойдёт против правил, хотя и относится ко мне с симпатией. Если что-то произойдёт со мной, то он, конечно, поможет, поскольку я — гражданин США. Что касается Саши, необходимо чётко документировать «общественную значимость» его въезда, и я вижу только одну возможность — он говорит, что знает убийц Тейтума. Но бюрократия работает медленно, речь идет о неделях. Можно попробовать организовать для Саши интервью в «Нью-Йорк Таймс», это безусловно облегчит получение «пароля». Но если мы высветимся публично, Россия немедленно потребует его выдачи, и мы будем объясняться с турками. Тем более, что Саша нарушает турецкий закон, находясь здесь с поддельным паспортом. Кстати, непонятно, в какой паспорт американцы будут ставить ему визу,

даже если мы получим «пароль». В поддельный, что ли? Там фамилия другая.

— А ты считаешь, что в Анкаре за вами действительно следили?

— По-моему, да.

— Тогда они могут потребовать выдачи у турок в любой момент.

— Нас не найдут, если будем сидеть тихо. Проблема в том, что я не могу здесь долго оставаться, да и у Саши нервы на пределе.

— Может, арендовать яхту, и пусть поплавают в нейтральных водах?

— А дальше что? Будет плавать бесконечно, как «Летучий голландец»? В большом городе хотя бы можно затеряться, а на яхте не спрячешься. Рано или поздно где-то придётся сойти на берег и предъявить документы.

— Что же делать?

— У меня есть план, — сказал я, — но я тебе пока не скажу, иди знай, кто тебя подслушивает.

Мой план был прост. Если для того, чтобы просить убежища в США, необходимо оказаться на американской территории, то нужно взять билет в любую страну, куда пускают без виз, с пересадкой в американском аэропорту, и попросить убежища на пересадке. Я залез в Интернет. Выяснилось, что Барбадос и Доминиканская Республика не требуют виз для русских. «Ура, — сказал я, — завтра летим в Майами». Но не тут-то было. Звонок в авиакомпанию «Дельта» принёс разочарование. Даже для пересадки в США требуется транзитная виза. Без неё в самолёт не посадят.

Но мы уже увидели свет в конце туннеля. Я снова залез в Интернет и стал изучать расписание утренних рейсов в Западную Европу. Я точно знал, что в Европе транзит в пределах аэропорта допускается без виз. Через некоторое время я сказал:

— Ребята, куда хотите? Во Францию, Германию или Англию?

— Мне всё равно, — сказал Саша, — только побыстрее отсюда убраться.

— Мне тоже всё равно, — сказал Толик.

— Я хочу во Францию, — сказала Марина.

— Я думаю, всё-таки лучше — в Англию. Там я хоть смогу объяснить, кто вы такие.

На следующее утро, странная компания появилась перед стойкой регистрации пассажиров турецких авиалиний: бородатый американец, говоривший по-русски, без багажа, но с паспортом, испещрённым десятками штампов всевозможных стран, красивая русская женщина с нервным

ребёнком и пятью чемоданами и спортивного вида мужчина с гражданством малозначительного государства — в темных очках, несмотря на пасмурную погоду, и окидывающий профессиональным взглядом аэропортовскую толпу. «Интересно, что он подумал», — пронеслось у меня в голове, когда я перехватил взгляд турецкого полицейского, задержавшийся на нашей группе. — «Должно быть, решил, что Саша — мой телохранитель».

Мы зарегистрировались на самолёт, вылетающий в Лондон, с пересадкой в аэропорту Хитроу на Москву. Регистрация прошла гладко, но на паспортном контроле пограничник заинтересовался Сашиним паспортом. Мы стояли в разных очередях, и нам троим пришлось ждать с внутренней стороны, пока он вертел Сашин документ, рассматривал его со всех сторон, совал под ультрафиолет, что тянулось минуты три. Наконец он шлёпнул в него штамп и махнул рукой: «Проходите!». Пронесло, подумал я.

До отлёта оставалось пять минут. Мы неслись по полупустому аэропорту на всех парах.

— Это всё? Всё? — спрашивала сияющая Марина.

И тут я их увидел. Два турка специфического вида вели нас, отстав на несколько метров. Ошибиться было невозможно, они были единственными, кто передвигался с той же скоростью, что и мы, как будто мы все составляли одну команду.

— Видишь? — спросил я.

Саша кивнул:

— Они прицепились на паспортном контроле.

— Это твой паспорт, — сказал я.

— Да, но ведь его никто не видел.

— Кроме американцев.

— Блин, — сказал Саша.

Мы подбежали к посадочным воротам. Посадка уже заканчивалась, мы были последними. Наши сопровождающие сели в кресла в пустом холле и уставились на нас, ничуть не стесняясь. Девушка в форме турецкой авиакомпании взяла наши билеты и паспорта.

— У вас всё в порядке, — сказала она мне, — а у вас нет британской визы, — и она вопросительно посмотрела на Сашу с Мариной.

— У них прямая стыковка в Москву, — пояснил я. — Вот же билеты.

— А где посадочные Лондон — Москва? — спросила она.

— Мы их получим в Лондоне.

— Странно, — сказала девушка. — Почему вы летите через Лондон,

когда есть прямой рейс Стамбул — Москва.

— Мы всегда летаем через Лондон, мы там отовариваемся в дьюти-фри, там классные магазины, — нашёлся Саша.

— Я не могу их посадить в самолёт. Мне нужно разрешение начальства, — сказала девушка и произнесла несколько слов по-турецки в свою рацию. — Моя коллега отнесёт их документы в офис, чтобы начальник посмотрел. Да вы не волнуйтесь, мы задержим рейс.

Саша стоял бледный как смерть. Один из сопровождающих удалился вслед за турецкой девушкой. Второй — продолжал невозмутимо наблюдать за нами. Я взял Толика за руку и пошёл покупать ему конфеты в близлежащем ларьке. Прошло минут десять. В конце коридора появились две фигуры: девушка и наш турок.

— Всё в порядке, — сказала она, вручая Саше документы. — Счастливого пути!

Мы бросились в посадочный рукав.

Перед взлётом я успел позвонить своей бывшей жене в Лондон и попросить срочно разыскать адвоката Джорджа Мензиса, сын которого Дункан учится с моим сыном в одном классе.

— Я буду в Лондоне через три часа, — сказал я. — Со мной летит человек, которому потребуется юрист.

— Ты понял, что произошло? — спросил Саша.

— Да, турки довели нас до самолёта и обеспечили посадку.

— И у них в компьютере была моя фальшивая фамилия. Которую им могли выдать только из американского посольства. Что это значит?

— Это значит, что американцы сообщили о нас туркам, а турки решили, что будет лучше, если мы из Турции выкатимся, — сказал я. — Нет человека, нет проблемы.

— Это значит: хорошо, что мы унесли отсюда ноги, — сказал Саша. — Турки могли решить иначе, и я сейчас летел бы в Москву.

Вечером того же дня, после многочасового допроса британскими властями, мы ели бутерброды в аэропорту Хитроу. Вдруг у меня в кармане зазвонил телефон.

— Это господин Гольдфарб? Звонят из Госдепартамента в Вашингтоне. Господин N. сейчас с вами переговаривает.

— Алекс? — услышал я голос N. — Ты вчера звонил. Где ты?

— Я в Лондоне. Мой знакомый только что попросил убежища у англичан.

— У англичан? Ну и замечательно — пусть они разбираются. А мне

говорят, что тебя потеряли. Что ты исчез из гостиницы в неизвестном направлении. Значит, всё обошлось? Ну, желаю успеха.

— Саш, ты знаешь, кто нас пас в гостинице в Анкаре? — спросил я. — Американцы. Они нас потеряли.

— Ну и лопухи! — сказал он. — От наших я бы не ушёл.

* * *

Прошло полтора года, и вот на экране моего компьютера засветилось сообщение электронной почты из Лондона: «Алик, почитай!» Пришла рукопись Сашиной книги. Я открыл файл... и не мог оторваться до утра. И вдруг я понял, в чём был высший смысл моей поездки в Турцию и всех дальнейших непредвиденных последствий.

Есть книги, которые, не будучи высокой литературой, оставляют след не менее глубокий, чем экономические потрясения или повороты большой политики. Такие книги переворачивают общественное сознание. Эти книги-свидетельства просто и понятно объясняют людям, что же собственно с ними произошло. И у людей открываются глаза. И меняется ход событий. И создаётся историческая память. К таким книгам относятся «Путешествие из Петербурга в Москву», «Дневник Анны Франк» и «Архипелаг ГУЛАг». К таким книгам относится «ЛПГ-Лубянская Преступная Группировка» Литвиненко. Если эта книга дойдёт до российского читателя сегодня, то она сможет изменить ход событий в стране. Если же не дойдёт... то по крайней мере наши потомки смогут узнать, как получилось, что сумерки, которые мы наивно приняли за рассвет, на самом деле оказались началом долгой холодной ночи.

Нью-Йорк, июнь 2002 г.

Акрам Муртазаев

Замечания журналиста

Побег из спецслужб — история скандальная и захватывающая. Десятки версий, сотни догадок и тысячи небылиц.

Но перед нами — особый побег. Ушёл не «белый воротничок»; не разведчик с шифрами, кодами и адресами конспиративных квартир. Ушёл — чернорабочий спецслужб. Гончий пёс. Опер.

Ушёл сам — без помощи чужих резидентов.

И это — впервые.

Паника, охватившая ФСБ, понятна: он слишком много знает. Но спецслужбы опасаются не его контактов с контрразведкой Запада. Самое страшное, если информация опера станет известна народу. Российскому.

Ведь всё, чем занимался опер, — это борьба с терроризмом и коррупцией. А поскольку коррупция проникла во все структуры власти, вплоть до кремлёвских кабинетов, — это, как ни крути, а тайна государственная.

И опер к тому же, по чьему-то недосмотру, был допущен к работе в самом секретном управлении ФСБ — УРПО (разработка преступных организаций).

Это управление занималось «нейтрализацией источников, представляющих государственную опасность». Проще говоря — внесудебными расправами. По замыслу, все выглядело достаточно оптимистично: есть закоренелый преступник, его нельзя достать законными методами, зато можно — пулей. Но дело в том, что сама Система стала решать, какой «источник» представляет государственную опасность, и сама уничтожала его. То есть спецслужбы получили своеобразную лицензию на отстрел.

В истории госбезопасности уже существовала структура, занятая «нейтрализацией источников, представляющих государственную опасность», — Четвёртое управление НКВД, которым руководил знаменитый Павел Судоплатов, приговорённый по делу Берия к пятнадцати годам тюремного заключения. Нынче Судоплатов реабилитирован, и он считается среди чекистов легендарной личностью. Ведь по их понятиям, он Родину не предал, а только людей уничтожал.

А потом в здании на Лубянке «реабилитировали» и Четвёртое управление. Так появилось УРПО. Из него и совершил побег подполковник

ФСБ Александр Литвиненко.

К тому же опер ушёл не один. А с документами, видео— и аудиоплёнками. Ушёл со своей удивительной памятью, — захватившей— самые нелепые и трагические моменты истории России.

Словом, ушёл компьютер на двух ногах, файлы которого хранят известные имена и нашумевшие происшествия. Достаточно просто перечислить названия этих файлов, чтобы оценить объём и вес «убежавшей» информации: Листьев и Ельцин, Путин и Березовский, Патрушев и Коржаков, Алла Дудаева и Татьяна Дьяченко, Ястржембский и Филатов.

Литвиненко получил убежище в Англии, и ФСБ тут же включило его в список перебежчиков, двойных агентов, предателей. Хотя всё, чем он занимался, не имеет никакого отношения к безопасности России. Во всех странах этим занимаются МВД и налоговая полиция, но никак не контрразведка. Почему же в России всё иначе? Да потому, что у нас идёт передел собственности, потому что у нас борьба с организованной преступностью — самое прибыльное дело. Сегодня ловить шпионов — неблагодарная каторжная работа. А вот работать с бандитами и следить за коммерсантами — золотое дно!

За полтора года до побега Литвиненко устроил скандально известную пресс-конференцию, привёл своих коллег и озвучил обвинения в адрес ФСБ: там совершаются преступления.

Они думали — их услышат. Но общество в России, народ — безмолвствуют. Если и услышали — то промолчали.

Бунтовщиков стали 'прессовать': Литвиненко по ложному обвинению посадили в тюрьму. И хотя суд его оправдал, за первым обвинением последовало второе, и третье, и ему дали понять, что Контора не отступится — в конце концов он будет наказан за своё выступление.

Дело кончилось побегом. И новым — заочным — судом.

Он убежал потому, что там не было нас с вами — общества. Он использовал все личные методы защиты, а общественных — не оказалось.

Мы, конечно, догадываемся, что происходит со спецслужбами в России. Они внедряются в банки и участвуют в конкурентной борьбе, занимаются откровенным рэкетом и терактами, — работают— со СМИ и Государственной думой. Но у нас были только отдельные факты или только подозрения.

Пока нас пугали приходом коммунистов и возвратом к тоталитарному прошлому, тихо и незаметно возникло государство чекистское, в котором политические процессы стали напоминать спецоперации.

И самое печальное — в обществе возродился страх. Мы стали при разговорах отключать мобильные телефоны, защищать компьютеры, шифровать послания на пейджеры. Да что мы — даже в Кремле стали бояться прослушки, и теперь там не переговариваются, а переписываются (мягким карандашом, чтобы не оставались следы на следующем листе бумаги). Кажется, самое время пришло нам, гражданам России, самим взять в разработку спецслужбы, осуществить туда техническое и агентурное проникновение (так у них это называется), чтобы лишить их главного оружия — секретности.

И вот — Литвиненко как наш агент. Вот его агентурные сообщения.

Всё, о чём рассказывает Литвиненко, — оперативная информация. Понятно, что она требует проверки. Но он готов отвечать перед судом за каждое своё слово. Поэтому — я слушаю его. Он вываливает на стол десятки тысяч слов, и диктофон послушно их глотает с немецкой аккуратностью («Грюндиг»!). Потом я вынимаю эти слова и просто расставляю их по местам, убирая тысячи подробностей и лишних деталей. И вдруг замечаю, что почти не задавал ему вопросов. Он торопливо задавал их сам. Так что я просто оказался свидетелем на допросе, на который подполковник ФСБ Александр Литвиненко вызвал себя сам.

Глава 1. Тюрьма

«ФСБ! Вы арестованы»

— Начнём с ареста, который изменил всю твою жизнь. Ты был арестован...

— 25 марта 1999 года. Около трёх часов дня.

— На каком уровне принималось решение об аресте?

— Путин как директор ФСБ лично курировал Управление собственной безопасности, которое меня разрабатывало. Арест не мог состояться без его ведома.

Задержали меня по постановлению старшего следователя по особо важным делам Главной военной прокуратуры России подполковника Барсукова. Приказ дал заместитель главного военного прокурора генерал-лейтенант Яковлев. Он санкционировал арест. А задерживали меня сотрудники ФСБ. Отдел спецопераций Управления экономической контрразведки (бывшие сотрудники группы «Альфа»). Интересно, что руководил группой мой товарищ, с которым мы провели не одну совместную операцию, — Борис Дицеев.

— Где это происходило?

— В центре Москвы, около гостиницы «Россия».

— Как опытный опер, ты ведь знал, что тебя арестуют? Предчувствовал?

— Да, знал. Но не знал, что всё будет так демонстративно и грубо. Я в то время работал в Комитете по делам СНГ у Березовского. Накануне вечером, когда уже собирался домой, мне позвонил мой бывший сослуживец полковник Шебалин и сказал: «Надо срочно увидеться». Назначили встречу около гостиницы «Спутник», на проспекте Вернадского.

Он сел ко мне в машину, попросил довезти до дому и стал задавать какие-то странные вопросы:

— Люди очень интересуются, какие отношения у Путина с Березовским.

Все знают, что однажды Путин пришёл на день рождения к жене Березовского. Трудное было время, и никто не пришёл — только Путин. С цветами. Потом Березовский как-то в интервью рассказал, что когда он Путина спросил: «Володя, ты не думаешь, что у тебя будут проблемы?», тот ответил: «Я же твой друг».

Это я сейчас понимаю, что люди, планировавшие мой арест; держали в памяти тот день. А вдруг там снова дружеские объятия...

Я говорю: «Витя, я не знаю об этом ничего. Спросите сами... А зачем тебе это надо?» Он: «Люди интересуются. Люди очень интересуются». Я: «А людям-то что?» — «Ну, ты понимаешь, может быть так, что Путин предаёт интересы родины. И такого человека поставили директором ФСБ». — Я: «Витя, ты меня просишь срочно приехать на другой конец Москвы для того, чтобы сообщить, что Путин предаёт интересы родины? Можно было завтра об этом поговорить».

Он долго думал, а потом сказал: «Ты знаешь, тебя арестуют. И скорее всего, завтра». Я удивился: «А почему ты начал с Путина и интересов родины, а не с этого известия? И кто меня арестует, и откуда тебе это известно?»

Он ответил: «Не могу сказать, мои люди передали. Но арестуют, и тебе лучше скрыться».

— Он провоцировал тебя на побег?

— Да. Это я сейчас понимаю. А тогда сказал, что не буду бежать, потому что не совершал никаких преступлений и мне нечего бояться. Если они решили меня арестовать (что было естественно после пресс-конференции), пусть так и сделают.

— И на следующий день...

— Утром стал собираться на работу. Сел в машину, а она не заводится. Позвонил другу. Мы с ним долго ковырялись — всё без толку. Друг сказал, надо поменять деталь какую-то. Поехали за город, в сторону Подольска, там есть большой магазин автомобильных запчастей. Любопытная деталь: на улице сосиски жареные продавались, а я не успел позавтракать. Думаю — взять, что ли, сосисок? Но торопился и решил, что потом поем. А в Лефортово часто вспоминал эти сосиски.

Починили машину, я забежал домой переодеться. Когда спортивный костюм снимал, думал — под душ, что ли, залезть или уж вечером? Потом и душ не раз вспоминал.

Ещё интересный факт: мне целый день на пейджер передавал Понькин: «Саша, ты где?», «Саша, ты где?»

— То есть за тобой уже велась слежка? Контролировались все перемещения?

— Потом, когда уже вышел из тюрьмы, я у Понькина спросил: «Андрей, что ты весь тот день меня по пейджеру дёргал?» Он рассказал, что рядом сидел Шебалин и всё время просил: «Позвони Литвиненко, спроси, где он». А сам всё выбегал из кабинета и звонил кому-то. Шебалина, видно, из ФСБ спрашивали: «Где он? Договаривайтесь о встрече». Так что, когда я двинулся на работу, они знали, где я и куда еду.

Машину я всегда ставил под пандусом у гостиницы «Россия», у северного входа. Закрыл дверь, сделал два шага, как вдруг мимо меня проезжает белый «Фольксваген», а оттуда люди выскакивают в гражданском...

Я знал этот «Фольксваген» — я сам на нём вместе с этой группой ездил на задержания. В этой же белой машине мы возили освобождённых заложников. А тут — хватают меня! Я увидел Борю Дицеева. Он выхватил документ и кричит: «ФСБ! Вы арестованы». Мне резко закрутили руки назад. Первая мысль была — вот вижу Борю. Мы с ним в хороших отношениях были. Выезжали часто на операции, я ему полностью доверял, он — мне. А сейчас он мне скручивает руки. И мой Боря вытаскивает удостоверение ФСБ и кричит: «Вы арестованы». А я стою, улыбаюсь.

Начали кричать: «У него пистолет, вытаскивайте пистолет». Говорю, нет у меня пистолета. Стали бить. Два-три раза ударили по спине. Я спросил: «Что, полегчало?» Кто-то сказал: «Не бейте его». Посадили в «Фольксваген». Там сидел следователь. Он говорит: «Вы арестованы».

Я спросил:

— А в чём я обвиняюсь?

— Полтора года назад при задержании вы превысили должностные полномочия.

И показал мне постановление о заключении под стражу.

— Куда тебя повезли?

— В военную прокуратуру, к следователю Барсукову. Я о нём уже слышал. В начале марта был в командировке, позвонил домой, тёща говорит: «Тебя разыскивал какой-то Барсуков». Сначала думал, может, Михаил Иванович Барсуков, бывший директор ФСБ, его я знал лично. Спросил тещу: «Как он представился?» — «Барсуков Сергей Валерьевич из военной прокуратуры». Это было 3 марта. А после того, как я вернулся из командировки, в десятых числах марта, ко мне подошёл старший лейтенант Латышёнок, мой бывший подчинённый, и говорит: «Меня вызывали в Главную военную прокуратуру и требовали дать показания — чтобы я написал, что ты кого-то бил».

— И чего, Костя? — спросил я. Он ответил:

— Я не написал. Ты же никого не бил. Мне стали угрожать, что, мол, посадим, пиши.

Кстати, Латышёнок об этом и в военном суде заявил. Так и сказал:

«Следователь угрожал мне арестом, кричал и требовал показаний на Литвиненко».

Ну, вернёмся к аресту. Меня привезли в Главную военную

прокуратуру, посадили напротив следователя, здесь уже находились сотрудники, которые меня задержали. Наручники сильно давили руки. Я несколько раз просил: «Ослабьте наручники, руки опухли». У меня потом даже шрамы были на запястьях. «Нет. Так сиди». Я говорю: «Не снимете наручники, не буду отвечать». Барсуков дал команду, и с меня сняли наручники. Зашёл генерал-майор Баграев. В морской форме, с золотой цепью на шее (сейчас он адвокат Гусинского). Меня всегда изумляли все эти побрякушки — на людях в военной форме.

— Ну что, арестовали? Я говорю:

— Вот видите, сижу перед вами, товарищ генерал, значит — арестовали. Только не пойму, за что.

— Сейчас вам всё объяснят, — успокоил генерал. — Где ключи от вашей квартиры? Я вскинулся:

— Обыск, что ли, будете делать?

— Отвечайте на мои вопросы. Тут я разозлился:

— Знаете, я на ваши вопросы отвечать не собираюсь. Они начали меня обыскивать. Распотрошили сумку, достали записную книжку, блокнот. Баграев схватил его, начал листать, а там у меня фамилии разные. Он читает: Валя Юмашев, Борис Березовский. И говорит: «Какого человека поймали! Какую птицу схватили! И ты что, их всех знаешь?»

Я снова спрашиваю: «В чём меня обвиняют?» Барсуков показал постановление о привлечении меня к уголовной ответственности в качестве подозреваемого и постановление о заключении под стражу...

— Теперь, — говорит Барсуков, — я вам предлагаю дать показания.

— Сергей Валерьевич, я не буду давать показаний. Вы, пожалуйста, предоставьте мне адвоката, и тогда будем работать.

— А знаете, Александр Вальтерович, вас опознали.

— Объясните, если я кого-то побил, что же он полтора года молчал, никуда не ходил, не жаловался?

— Не надо было, — говорит, — пресс-конференции давать.

— Вот так прямо и сказал?

— Сразу сказал: «Зачем полезли на телевидение? Кто вас просил? Сидели бы себе тихо. А вы пришли на пресс-конференцию, вас и опознали по телевизору».

Тут заходит в кабинет Баграев и спрашивает: «Ну что, даёт показания?» Я отвечаю, что не дам показаний без адвоката. Баграев: «Тогда в тюрьму». Меня опять посадили в машину и — в тюрьму. По дороге Дицеев пытался со мной поговорить:

— Пойми, тебя же могут и убить в Лефортово, в камере с тобой что-то

может случиться. И ты никогда на волю живым не выйдешь...

— И это говорил твой друг?

— Да, Дицеев. Я спросил: «Боря, ну что я могу сделать?»

— Ну, зачем это тебе надо было? Зачем ты полез на телевидение? Зачем ты пошёл против системы? Тебя же люди предупреждали. — Всю дорогу причитал.

Подъехали к Лефортово. Автобус перед тюрьмой вдруг развернулся и двинул обратно. Я спросил: «Чего вы меня в тюрьму-то не сдали?» Объяснили, что забыли постановление о заключении под стражу. Как понимаю, давали время на размышление. Думали — вот подвезут к тюрьме, я и упаду на колени, начну просить: «Ребята, не сажайте. Готов всё написать на кого угодно».

«Забрали» постановление, повезли второй раз в тюрьму. Сидели молча. Никто уже не предупреждал, что, мол, «убьют, и семью никогда больше не увидишь». Поняли, что запугивать бесполезно. «Показательное выступление» закончилось.

Привезли в тюрьму, и уже во дворе один из группы захвата нацеливает на меня видеокамеру и говорит: «Скажи, пожалуйста, что к группе захвата у тебя претензий нет».

Вот эта глупость меня всегда убивала. Я им: «Да не буду ничего говорить». Вышел Дицеев: «Ну скажи, мы же друзья, по старой дружбе скажи».

Мне смешно стало. Он меня по старой дружбе в Лефортово привёз, а я по старой дружбе должен сказать, что хорошо доставил.

Меня обыскали, изъяли личные вещи, забрали шнурки, ремень... Штаны спадали без ремня. Это такое унижение, стоишь, держишь их руками. Дали верёвочку. Потом пришла женщина-врач. Такую женщину ещё поискать надо. Сразу фильмы про Освенцим вспоминаешь... Вот такое... лицо. Может, она и добрая внутри, но снаружи — слепым легче. И вот это лицо говорит: «Раздевайтесь догола». Раздвинули ягодицы, посмотрели всё до гланд: может, я что-то с собой ношу там тайное.

В прокуратуре с меня сняли нательный крестик и часы. Здесь забрали ремень, шнурки.

— Почему крест забрали?

— Потому что золотой. Золотые вещи запрещены. Обручальное кольцо тоже забрали. Для тебя ни нательного креста не существует, ни обручального кольца. Такая тюрьма. Меня обыскали, осмотрели, заглянули куда надо, пощупали. Потом завели в камеру на втором этаже. В соседней камере сидела женщина, она постоянно кричала по ночам. Я думал, может,

её там мучают? Позже узнал, что это была жена Рохлина.

Мне дали матрас, кружку, ложку, мыла не дали. Через день я попросил мыла. Мне дали соды. Мыл руки содой. Неужели я за двадцать лет службы в ФСБ не заработал себе куска мыла? Пять дней мыл содой руки, пока жена не принесла передачу.

Кто не был в тюрьме, тот не видел звёзд на небе

— Сколько времени ты провёл в Лефортово?

— В Лефортово я провёл восемь месяцев. Меня посадили в одиночную камеру и тридцать шесть суток там держали. Я объявил голодовку. Это было самое страшное время. Когда тебя заводят в камеру и за тобой захлопывается железная дверь, это серьёзно. Твой мир теперь — семь шагов, решётка, унитаз и умывальник.

Сначала был шок. Просто шок. Первую ночь вообще не спал и смотрел в потолок. В день, когда меня посадили, 25 марта, была мерзкая погода, мелкий снег с дождем, грязь. Я не люблю это время и живу в конце марта ожиданием солнца. А 26-го меня вывели на прогулку. Маленький такой дворик. Шагов пять-шесть в одну сторону и столько же в другую. Смотрю, а небо — синее. И солнце. Я хожу как зверь меж этих стен. Надо мной — колючая проволока, решётка и синее-синее небо. У меня было дикое состояние: в город пришла весна, а меня там — нет. Я здесь, в этом прогулочном дворике, где сыро и холодно.

Прогулка рассчитана на час. Походил минут двадцать, больше не мог, сердце рвалось на части. Я в первый раз прочувствовал, что такое ограничение пространства.

В Англии уже прочёл историю, как в Бристольский зоопарк привезли медведя из России. Клетку ему готовили чуть ли не всем городом. Большую вольеру отвели, украсили, бассейн соорудили. Прибыл медведь, его в вольеру запустили, а он повёл себя странно. Три шага вперёд, три шага назад. Ему пространство оказалось ненужным. И красота — ненужной. Только — три шага вперёд, три шага назад.

Я попросил меня с прогулки увести. Меня вывели и сказали: «Больше не просись раньше времени, так не положено». Они на прогулки водят по схеме. Меньше гулять — не по закону.

— Почему ты говоришь об ограничении пространства, ведь тебя лишили свободы?

— Знаешь, как ни странно, но почему-то именно после ареста я почувствовал какую-то внутреннюю свободу. Как в прыжке с парашютом. Свободный полет. Бояться поздно, хуже не будет. В тюрьме тебя лишают воздуха, еды, человеческого достоинства, но только не свободы, и поэтому тебя пытаются сломать, чтобы и твою внутреннюю свободу у тебя отобрать тоже.

— А о чём думал, сидя в одиночке?

— Ты не поверишь, но самое обидное было в том, что меня посадили по заявлению человека, которого я задерживал за вооружённый разбой и похищения людей. Лучше бы патроны подбросили. Можно выдумывать разные предлоги, чтобы посадить человека. Но арестовывать за выполнение служебного долга? Для меня, опера, это было просто ужасно. Наверное, звучит наивно, но в тюрьме я «дозрел», сижу и думаю: государство не имеет права сажать человека за то, что он ему служит. Этого нельзя делать.

Когда я вышел из тюрьмы, мои бывшие сотрудники рассказали, что направление, которым я руководил, уже ничем не занимается. С такой целью и «организовал» работу отдела его начальник Сергей Ильич Музашвили. Опер идёт в город, его спрашивают: «Куда? Зачем?». — «С агентом встречаться». — «Хватит! Вон Литвиненко доработался, в тюрьме сидит. Кончайте с этим, берите газеты...» — «Но надо же информацию получать» — изумляются сотрудники. А начальник им: «Берите газеты, читайте и пишите справки — журналисты больше нашего знают».

— В Лефортово тебе разрешили свидания?

— Да. Ко мне приходила жена. Два раза в месяц по часу. Разговаривали через решётку и пластиковую стенку, и только по телефону. Жена по наивности раз попыталась без аппарата что-то сказать, её осадили: «Говорите по телефону». Маруся удивилась: «Мы и так слышим!». Пришлось объяснить, что они пишут наши разговоры.

— Ты находился в тюрьме, а на что в это время жила семья?

— На первом свидании Марина мне сказала: «Меня пригласил Борис и предложил мне помощь. Что делать?»

Я сказал: «Марина, я ведь уже не подполковник. Я сижу в тюрьме. Сейчас мы и поймём, кто наши друзья. От помощи не отказывайся».

Моя первая семья, где у меня двое детей, и вторая, с которой я живу — сын Толик, Марина, — все они остались без средств к существованию. Жена работала, но получала очень мало. Маленький ребёнок — с ним надо было заниматься. Зарплату по месту работы мне платить отказались. Так по сей день мне ничего и не выплатили, хотя обязаны. Я сидел в тюрьме, был оправдан, и государство должно заплатить за вынужденный прогул. По закону. Но они даже эти деньги присвоили. Пенсию, которую мне назначили, я получил первый раз, когда вышел из тюрьмы.

Пока я сидел, многие помогали моей семье, не только Борис.

— У тебя не было никаких сбережений?

— Да ничего не было. Вообще ничего.

— Ты уехал с женой и сыном, а что с первой семьёй?

— Со старшим сыном и дочкой я в разлуке не по своей воле. Они там, а я здесь. Сейчас я им хотя бы помочь могу. Из Англии это сделать проще, чем из тюрьмы.

Сына забирают в армию. Его мать плачет. Что я могу сказать сыну?..

Вчера в телефонном разговоре дочка попросила дублёрку, а тут случилась оказия: знакомые едут в Москву. Дублёрку нашёл быстро, но возникли проблемы. Какой может быть рост у десятилетней девочки? Её я не видел два года. Купил на вырост. Интересно, сколько ей расти, чтобы стало впору?

А ведь как переживал Путин, выступая по телевизору, что я не плачу первой жене алименты.

— Что, сам Путин говорил об этом на ТВ?

— Да, после того как я выступил на пресс-конференции, ему надо было меня замазать. Он сказал, что к нему обратилась жена одного из участников пресс-конференции. Это моя первая жена Наталья обратилась. Правда, не к нему лично, а к Мадекину, офицеру Управления собственной безопасности, который вёл на меня оперативное дело, собирал компромат. Они сами её вызвали и попросили к ним обратиться.

Зачем было Путину опускаться до такой мелкой лжи? Все прекрасно знали, что я платил.

— Может быть, Путина подвели сотрудники?

— Она же принесла им все квитанции! Их отобрали. И до сих пор не вернули. Директор ФСБ — не пешка, мог бы проверить... Но пойми, у них ничего другого не было!

— Бывшая жена понимала, что, солгав, добивает тебя?

— Да. Но её запугали. Потом она плакала: «Я боюсь, я одинокая женщина, меня пугали». Ведь её даже заставили написать в заявлении: «Если что-то случится со мной и с детьми, прошу винить в этом моего первого мужа». Для чего Федеральной службе безопасности заставлять женщину писать такое?

Простой человеческий стыд потеряли. «Наталья, — говорю, — ты понимаешь, на что они способны? Ты им заранее наводку дала на меня. Ну, дай Бог, не убьют, а покалечат, а виновный уже обозначен...»

— А ещё кого вызывали?

— Кроме уголовников, которых я сажал в тюрьму, таскали на допросы всех моих родственников и родителей жены, многих близких друзей. Искали хоть что-нибудь. Я выиграл два суда у фискальной машины. Много думал об этом в тюрьме. Времени — достаточно. Всю свою семейную

историю перебирал в памяти. Какая-то печальная она. Я ведь знаю свою родословную с 1822 года. Кстати, запись этой родословной прокуратура изъяла при обыске. Для чего? Дикари! Вот скажи это английским, французским юристам — обхохочутся.

— Большое, говорят, видится на расстоянии. Или с высоты. А из ямы?

— Я тут по Лондону гулял, видел памятник Оскару Уайльду. На нём цитата: «Все мы сидим в яме, но некоторые из нас видят оттуда звёзды». Так вот, кто не был в тюрьме, тот не знает... что такое звёзды.

— А при чём тут звёзды?

— Летом в камере жарко. Бывают дни, когда температура доходит до сорока. Дышать нечем. Я добился разрешения проветривать камеру, и нам стали открывать окно на четыре часа в неделю. В конце лета темнеет рано. Мой сокамерник однажды долго смотрел в окно и сказал: «Не видел звёзд на небе три года».

— У тебя были в тюрьме друзья?

— В тюрьме друзей нет. В тюрьме ты один. Если начнёшь искать друзей — погибнешь. Я до этого воевал. Война — страшное дело. Но тюрьма — страшнее. На войне рядом друг, ты чувствуешь его плечо. Вот и вся разница.

Но в тюрьме не надо бояться арестантов. Надо бояться власти.

— Это ты ещё в пятизвёздочной тюрьме был. Для VIP-персон.

— Потом я сидел в Бутырке.

— В общей камере?

— Я был в камере, где сидят бывшие сотрудники милиции, прокуратуры.

— А в Лефортово к тебе подсаживали кого-то?

— Да. В Лефортово я сидел с осуждёнными за самые тяжкие преступления. И никто из них не скрывал, что они — агенты ФСБ внутри камеры, подсадные утки.

— Ну, ты и сам это знал.

— Конечно. Я им говорил, что выйду из тюрьмы и ради интереса возьму почитать их агентурные дела, сейчас, мол, за деньги можно всё... Они стали меня бояться. Потом меня вызвал к себе начальник оперативной части:

— Зачем ты говоришь, что на агентов есть дела? Ты же знаешь, что на внутрикамерных дел нет?

А я знаю, что на внутрикамерника не то что дело обязательно должно быть, а без подписки о сотрудничестве его нельзя использовать как агента.

— Это по закону?

— По приказу ФСБ. Более того, без письменного согласия агента с воли (то есть не осуждённого) нельзя сажать в камеру. А без подписки о сотрудничестве нельзя вербовать внутрикамерника. Там есть и такие, кто с воли садится, а есть, кто уже сидит и его завербовали. Но я не стал спорить с офицером. Он, наверное, думал, что я не знаю ихних порядков.

— И охотно идут на такую работу?

— Кто как. Одно дело гнить в Бутырке, другое — стучать в Лефортово. Тюрма чистая, аккуратная, вони нет, хотя морально там страшно давят. А тому, кого «разрабатывают», на кого стучат, тяжело везде.

Русская тюрма не наказывает, а ломает человека. Лефортово — морально. Бутырка — тяжёлыми условиями.

Лефортово — изолятор строгого содержания для лиц, чьи дела ведёт госбезопасность: шпионаж, серьёзные экономические преступления. Я же сидел там «по подозрению, что ударил». Вдумайтесь, абсурд какой. Почему именно там? Потому что Лефортово морально крушит. Там стены излучают негативную энергию! Раньше ведь это была пыточная тюрма. Говорят, над Лефортово и птицы не летают. Я два раза на прогулке видел птицу за восемь месяцев. Вроде разговаривают с тобой вежливо. Но день и ночь — рядом агент, всё канючит, причитает, что сопротивляться бесполезно, система сильна, смирись, покайся...

— Ты сидел восемь месяцев. Что тебе запомнилось больше всего? Передачи? Образ тюремщиков? Окна? Двери скрипят?

— Нет, не скрипят. Тишина. Такой тишины, как там, я нигде не слышал.

В плену у Патрушева

15 сентября 1999 года меня подняли и сказали, что иду на вызов. Так это называется. Ввели в комнату, где происходят встречи с адвокатами. Мой адвокат Вадим Осипович Свистунов сияя показывает бумагу — постановление об освобождении из-под стражи. «Всё, Саша, — говорит Вадим Осипович, — сейчас пойдём домой. Ты свободен». Я не верю: «Да кто же меня отпустит?»

— Но ведь это решение суда. Закон, по сути.

— Да, но всего лишь изменили меру пресечения. Чтоб шёл домой и ждал суда. Судья ведь увидел, что сижу за синяк, что никаких доказательств моей вины в деле нет. Ни одно ходатайство, а я их написал штук двенадцать, прокуратура не удовлетворила. Я вот пишу: допросите свидетеля такого-то. Не допрашивают. А вызывают Понькина и требуют: «Ниши, что Литвиненко бил Харченко». То есть фабриковали липу. Судья Карнаух полистал её и вынес постановление об освобождении меня из-под стражи. Спасибо ему. Нормальный судья у нас — как золотой самородок.

Но в Лефортово отказались принимать постановление, сказали, что оно без печати. И адвокату пришлось возвращаться в суд. Карнаух удивился: «Они что, не могут нам позвонить?» Пошёл к председателю суда, поставил печать и, на всякий случай, ещё свою подпись.

Адвокат опять в Лефортово. А ему — не можете, мол, сами передавать постановление, пусть фельдсвязь привезёт. Но это противозаконно. Судья сам решает, как доставить постановление: фельдсвязью или через адвоката.

Когда через два часа фельдсвязь привезла бумагу, администрация заявила: «Сегодня поздно, освободим завтра». А я весь день сижу в камере, секунды отсчитываю пульсом. И жду. Я свободный, свободный человек — в камере.

На следующий день утром пошел на прогулку. Все смеются: «Сегодня мог бы не ходить». Я вяло спорю: «Да кто же меня отпустит?» — «Ну как не отпустят? Такого не бывает».

Вернулся в камеру, через пять минут заходит дежурный, старший по смене — и повёл меня. Завели в адвокатскую и начали обыскивать. Специально долго обыскивали. И спокойно так спрашивают:

— А телевизор ты будешь свой забирать?

Мне друг телевизор на день рождения подарил. Как не забрать! Пошли за телевизором. И два часа их нет. Два часа! Где-то после обеда заходит

начальник тюрьмы и говорит: «Саша, ты извини, мы тебя не можем освободить. Пришёл факс из прокуратуры, тебя не отпускают».

— Подождите, какой факс? Вы чего? В своём уме? Решение суда — выпустить из тюрьмы.

— А прокуратура, — объясняют мне, — опротестовала. Я уже кричу:

— Прокуратура опротестовала, но до следующего решения суда я — свободный. Вы не имеете права не исполнять решение суда. Я свободный человек и требую меня отпустить. Вы преступление сейчас совершаете.

— Это приказ сверху, — ответил начальник. Я тюремщик, и мне приказывают. Хочешь, мы тебе хорошую камеру дадим?

Меня отвели в камеру, в одиночку, посадили. А у меня всё в прежней камере осталось: баночки там, скляночки... Я так расстроился: ведь за шесть месяцев насобирал кучу всего, целое хозяйство. Тюрьма — такая жизнь, там баночка майонезная на вес золота, в неё можно натереть лук, перец или помидоры, и всё это не пропадёт. Для арестанта это великое дело.

В тюрьме, допустим, у меня было несколько зубных щеток, из них можно сделать крючки и повесить полотенце. Оно будет чистое и сухое. Это тоже великое дело в тюрьме. И всё, всё у меня пропало. Но я же справку об освобождении видел, мне сказали: «Подожди, мы сейчас принесём телевизор». А тут приходят и справку о свободе отбирают. Это хуже первого ареста. Страшный шок был.

Сижу в отдельной камере, сырой, необжитой. Пришла жена на свидание. Сидела и плакала. И телефон не нужен был для разговора. Я успокаиваю: «Маруся, ну что делать? Буду держаться».

Через семь дней в Московский окружной суд мой адвокат представил жалобу, что меня не выпустили. Судья удивился: «Как не выпустили? По документам он на свободе». Пришлось адвокату доказывать, что его клиент в тюрьме. Судья вынес частное определение в адрес Патрушева, что у него человек сидит незаконно. Но в Лефортово и это решение суда не выполнили. Так и просидел ещё два с половиной месяца до суда. Как в плен попал.

Ко мне подсадили агента — он этого и не скрывал — Володю Кумаева. Их интересовали мои отношения с Березовским. И почему-то Пал Палыч Бородин. И до него агенты спрашивали о Бородине, о Татьяне Дьяченко, о семье Ельцина. Причём Ельцин тогда ещё президентом был, а они уже собирали на него компромат.

Разговоры, конечно, записывались. Так я Кумаева заводил на кошек. Он их любил невероятно, мог часами рассказывать. Задам вопрос, он с

семьи президента перескочит на кошек и давай шпарить. Я представляю, как они там слушают эту пургу, и еле смех сдерживаю.

Кумаев сидел со мной как раз в период суда. В один из дней он начал говорить про бутырскую тюрьму — как там надо себя вести. Назвал два места, куда могу угодить: так называемый «кошкин дом» — это в башне, или в «аппендицит», в камеру 131, где отдельно сидят бывшие работники милиции и прокуратуры — по закону запрещается ментов вместе с уголовниками содержать.

В Африку!

Но на заседания суда меня возили в общем автозаке с уголовниками.

— Это же запрещено?

— Ну и что, что запрещено, — говорили, нет бензина. Да разве только из-за этого? Все офицеры, которые служат, понимают, что если перейдут дорогу своему начальству и попадут в тюрьму, то их, по сути, отдадут на расправу уголовникам. Они перестанут быть нужными. Даже ещё не осуждённые. На них все плюнут, кроме их семей. Вот так и со мной было.

Везли нас как-то в автозаке. По дороге из изолятора временного содержания на Петровке подсадили несколько человек, среди них Пичугу, известного вора. Его этапировали в «Матросскую тишину».

Вот он сел, и я впервые увидел, как вор, уважаемый в преступном мире, ведёт себя среди осуждённых. Вытащил сумку большую — «сидор» называется в тюрьме — достал сигареты, а они на вес золота, с фильтром особенно, и говорит: «Кто хочет покурить?» И всем начал раздавать. Потом попросил милиционера:

— Старшой, а передай в соседнюю камеру пачку сигарет ребятам покурить.

Тот отвечает, что не имеет права. Тогда Пичуга берёт ещё пачку и говорит:

— На, старшой, передай — одну себе, одну им. Милиционер одну пачку сигарет забрал себе, а вторую передан в соседнюю камеру. Пичуга объясняет:

— Вот видите, это мусор. — А тот слушает. — Мусор, мразь. Вот сейчас он за пачку сигарет продал своё служебное положение, присягу изменил, нарушил закон. В тюрьме есть люди, преступившие закон, и есть вот эти — мусора. Они от нас отличаются тем, что за копейку их можно купить. Если мы будем с ними за одним столом есть, то станем такими же. Поэтому от них надо ограждаться.

Он наглядно всем показал, как власть продаётся. Классическая ситуация. Потом представился: «Я вор, еду в «Матросскую тишину». Кто-нибудь есть с — Матросской тишины?» Один откликается: «Я». — «А кто там из воров?» — «Да там одни пиковые». На тюремном языке — чёрные.

Тогда Пичуга и говорит: «Запомни, в тюрьме нет национальностей. Нету грузин, армян, русских, чёрных. Попал в тюрьму, живи по нашим законам, и нам без разницы, кто ты — негр, синий, зелёный. Никогда

больше не говори — пиковые».

Пичуга — вот политраблотник. Наглядно всем показал, что нет у них чёрных, в отличие от нашей власти, которая гоняет кавказцев по улицам.

Пичуга меня узнал. В предыдущей жизни, когда я ещё был опером, а он гулял на воле, мы с ним сталкивались, но это — отдельная история. Он мне говорит: «Ничего. Всё нормально будет. Мы тебя знаем». Преступники, которые живут по понятиям, никогда честного мента не тронут. Если в тюрьме убивают прокурора или сотрудника милиции, девяносто девять процентов, что он взял взятку, а обещание не исполнил, или пытал-мучил — в общем, по беспределу человека в тюрьму посадил.

— И у тебя не было проблем с уголовниками?

— Было один раз. Через несколько дней снова повезли меня в суд, и тут вижу, подсаживают двоих бандитов из ясеновской группировки, которых я задерживал. Один тоже меня узнал, улыбается, спрашивает: «А в каком ты теперь звании?» — «Подполковник-, — говорю. А камера забита людьми — человек двадцать пять, в два раза сверх нормы. Он сразу завелся, кричит: «Братва, да это ж мусор, мусор!» И тут в автозаке гаснет свет. Ну, думаю, всё, мне конец.

А среди нас один серьёзный авторитет случился, вор по кличке Слепой. Он и говорит в темноте: «Не троньте его. Я его знаю. Этот мент отказался братву по подъездам стрелять, потому и сел. Братва, говорит, следит за твоим делом. Запомни, если что с тобой случится, то это мусорские дела. Мы здесь ни при чём, от нас зла не жди. Блатным, говорит, ты не станешь, потому как ты есть мент. Но будешь сидеть спокойно».

Я потом на суде протест заявил: «Что ж вы, говорю, делаете? С уголовниками меня возите, убить же могут!» А они — ноль внимания.

— А что он имел в виду, говоря «отказался братву по подъездам стрелять»?

— В криминальном мире прекрасно знали, что такое УРПО, что у нас, по сути, есть лицензия на беспредел, и знали, какая у каждого из нас репутация. Конкретно, думаю, он имел в виду историю с Метисом.

В своё время я работал по одной банде, которой руководил Петросян, кличка Зверь. Эта банда совершала тягчайшие преступления, таких называют отморозками. Однажды они среди бела дня ворвались в Краснодаре в ювелирный магазин «Жемчуг», расстреляли сотрудника милиции, покупателей, продавцов... Член этой банды Ермолинский (кличка Метис) совершил также заказное убийство — жена заказала мужа. Пришли к человеку домой, позвонили, спросили: «Вы такой-то?» Он кивает. Подельник Метиса вытащил пистолет и выстрелил ему в лоб. Вот такие

преступления.

Первый раз этих бандитов осудили на длительные сроки лишения свободы, а двоих приговорили к высшей мере. Потом Верховный суд отменил приговор, дело отправили на новое рассмотрение, и бандитов начали судить заново в Мосгорсуде. И меня из Лефортово вызвали туда в качестве свидетеля. Так ФСБ меня полностью расшифровала и всё передала в суд. Бандиты меня увидели и смеются: «Ну чего, и ты здесь? Доработался».

У меня не было адвоката на этом допросе. Только наручники и конвой за спиной. Кстати, за раскрытие того дела многие мои начальники получили награды. Теперь эти вот начальники сидят на Лубянке, а я стою и жду, что решат бандиты, — нарушил я их права при аресте или нет.

Ободянский (один из членов банды), приговорённый к высшей мере наказания, естественно, понимал, что ему грозит в лучшем случае пожизненное заключение. Он всё смотрел в окно. А я вспоминал обстоятельства нашей последней встречи. После задержания я с ним беседовал, и у нас случился инцидент — он в меня плюнул и обозвал — крысоловом». И вот, пять лет спустя Ободянский в суде встаёт и говорит:

— Хочу извиниться перед майором Литвиненко, — он не знал, что я уже подполковник, — за то, что плюнул в него. Посмотрел на меня и добавил:

— Саш, ты знаешь, почему ты в наручниках? Потому что не взяточник. Брал бы взятки, сидел бы на месте этого прокурора. И это уголовник.

— Это всё было сказано под протокол?

— Говорилось в суде. Я не знаю, записали они это в протокол или нет. А Ермолинский сказал следующее:

— Я хочу пояснить, что меня избивали после задержания и уже собирались выдавить глаза. Но в кабинет зашёл Литвиненко, остановил сотрудников милиции и всю ночь со мной просидел, чтобы меня не убили.

Судья спросила:

— Вы подтверждаете этот факт?

Я рассказал, что зашёл в комнату и увидел сотрудников милиции и Ермолинского, который пожаловался, что его избивают. Я всю ночь просидел с ним, потому что милиционеры были пьяные.

— Постой. Здесь что-то не так. Вечер, ты после работы, дома жена, сын, ужин, постель. А ты сидишь и оберегаешь бандита. И судья не смеялся? Для чего тебе это было надо?

— Просто опасался, что они, пьяные, могут забить его до смерти. Я

массу фактов таких знаю — когда людей забивали. Даже на Петровке. Как-то бандит при задержании оказал сопротивление и застрелил сотрудника милиции. Его привезли в кабинет и забили палками насмерть, всем отделом. Самосуд фактически устроили.

Мне Ермолинский тогда пообещал: «Если мы когда-нибудь выберемся из тюрьмы, мы тебя выкупим и уедем в Африку».

— То есть ты хочешь сказать, что уголовники чётко делят ментов на плохих и хороших?

— Конечно, они досконально разбираются. Если бы Путин с президентского кресла туда попал, его бы спросили: «Слушай, братан, а ты когда там сидел, понимал, что нам тут жрать нечего?» И началось бы долгое разбирательство. Причём оно было бы таким скрупулёзным, что никакой прокуратуре и не снилось.

С Путаным, я думаю, жулики разбирались бы месяцев восемь. В тюрьме в первую очередь спрос идёт за изломанные человеческие судьбы. Если ты прокурор, никто не тронет только за то, что ты прокурор, но зададут первый вопрос: «А кого ты сажал? — Ты скажешь: «Иванова — за убийство, Петрова — за убийство, а Сидорова — за грабёж». — «Хорошо. А ты по заказу их сажал или по закону?» — «По закону». — «Ты смотри, брат, если нас обманешь, мы должны будем тебе хребет сломать. Ты лучше сразу скажи. Если по заказу, то будешь жить под шканарём, никто тебя не тронет».

— Что такое «под шканарём»?

— Под шконкой, внизу, под кроватью... С мышами и тараканами. И начинают они на волю писать, выяснять. Выясняется, что — да, по закону. Вопросов нет. Или вдруг выясняется, что Иванова, Петрова, Сидорова он посадил по закону, а какого-то Семёнова — по заказу, за деньги. И пока Семёнов сидел в тюрьме, у него умерла мать. И они ему скажут: «Ну ты пойми, паскуда, на тебе же человеческая жизнь! И вот за это надо отвечать».

К примеру, если мой следователь Барсуков попадёт в тюрьму, его спросят, кого он сажал по заказу. Он ответит: «Никого-. И тогда ему конец. Ему скажут: «А Литвиненко кто посадил? Не ты ли?! А ты знаешь, что, когда он сидел в тюрьме, у него бабушка пошла в церковь за внука помолиться и попала под машину? И отчим после допроса скончался. Ты загубил две человеческие жизни. Потому что посадил невинного человека». И вот за это с него спросят. Жестоко, но справедливо.

Засада в зале суда

— Вернёмся к суду. Когда он начался?

— В начале октября 1999-го.

— Тебя обвиняли в том, что ты поставил человеку синяк при задержании.

— Да никто меня не обвинял. Меня просто унижали, размазывали. Следователь моей жене неоднократно заявлял: «Марина Анатольевна, вы же понимаете, отчего у Саши проблемы. Зачем он пошёл на телевидение?» То же он говорил моим адвокатам. Меня посадили только за то, что я выступил на пресс-конференции и обвинил руководство ФСБ в коррупции, в преступлениях.

Когда на суде допрашивали Харченко, которому я якобы поставил синяк, он сказал: «Меня били долго, вначале автоматами, потом ногами». Судья прервал Харченко: «Вынужден зачитать показания, которые вы давали на следствии». Тогда он утверждал, что его бил только я. Судья спрашивает: «Так где же вы говорите правду?» — «Сейчас». — «А почему вы на следствии говорили другое?» — «А мне следователь сказал, что начальство приказало Литвиненко посадить в тюрьму. Поэтому надо давать показания на него».

— Это он в суде произнёс?

— Конечно! И в протоколе судебного заседания это зарегистрировано.

— Кто процесс вел?

— Судья Кравченко. Он мне прямо сказал, что ему угрожали, требовали посадить в тюрьму. А он меня оправдал.

— И тебя в зале суда отпустили?

— Было так. Судье угрожали. Офицер ФСБ пришёл к нему и предупредил, что «если не дашь этому подонку восемь лет, будешь следующий». Судья не испугался, вынес оправдательный приговор, который был два или три раза опротестован. Главная военная коллегия Верховного суда оставила приговор без изменения. Приговор вступил в силу, отмене уже не подлежит ни при каких обстоятельствах.

Я не виновен. А Кравченко уже не судья. После этого его с работы выгнали. Заодно и председателя суда.

Кстати, когда адвокат сказал прокурору: «Снимите обвинение, вы же видите, Литвиненко не виновен», тот ответил:

— Я ещё не получил квартиру...

— Вот так прямо на суде это и заявил?

— Конечно, не под протокол, но заявил. И все слышали. Мои друзья ему даже крикнули: «Мы купим тебе квартиру. Отпусти человека».

В общем, обвинение полностью развалилось, и они не знали, что с этим делать.

Тогда прокурор вдруг заболел и месяц не приходил в зал суда. Меня привозили и увозили, судья слал факсы главному военному прокурору, требовал прокурора в зал суда. Я объявил голодовку и заявил: «Если государство посадило меня в тюрьму, пусть оно поддержит обвинения. Я требую прокурора».

Прокурор появился в зале суда ровно через месяц. За один день — и прения, и последнее слово. Прокурор попросил год условно — фактически выпустить. Я поблагодарил за то, что условно. Но ведь я не виновен и прошу меня оправдать. Тогда меня снова отвели в камеру, и суд удалился на совещание. Часа через четыре, уже к вечеру, меня вывели. Полный коридор народу: журналисты, камеры... Меня опять посадили за решётку и стали зачитывать приговор:

— Именем Российской Федерации...

Я не слышал приговора, потому что был в шоке. Когда вошёл в зал суда, увидел прокуроров: в ряд стояли начальник отдела Иванов, старший следователь по особо важным делам Барсуков и ещё один прокурор. Стояли, как на параде. Я почему-то подумал: «Может, пришли извиниться?» Потом мелькнуло: «Нет, эти люди не умеют извиняться».

На последнем свидании в Лефортово я жене сказал, что меня, наверное, арестуют в зале суда.

После того как судья сказал: «Невиновен. Оправдать и выпустить из-под стражи немедленно», — конвой открыл двери решётки. Вдруг в зал врываются люди в масках с автоматами и в камуфляжной форме, точно на боевой операции. Кинулись они на меня, заорали, что это ФСБ и что я арестован.

Растолкали всех, надели на меня наручники и потащили из зала суда.

— Но суд же ещё не закончился?

— Судья кричит: «Верните подсудимого. Дайте мне закончить судебное заседание. Что вы делаете?»... Фактически прокуратура, вместе с ФСБ, устроила засаду в зале суда. Потом председатель Московского окружного суда написал заявление, что это явное неуважение к суду.

— А когда это было?

— 26 ноября 1999 года, около шести часов вечера. Я был арестован прямо по ходу судебного процесса.

— Как они могли арестовать человека, который ещё не освобождён?

— А вот растолкали конвой, схватили и выволокли. Для них суд — всё равно что ничего. Ведь ФСБ — над законом. Существуют только внутриведомственные правила игры, которые меняются в зависимости от того, с кем они играют.

И что удивительно, на арест опять приехал Борис Дицеев. Только в маске на этот раз. Начальник группы захвата, я его очень хорошо знал, был без маски, в гражданке, он удостоверение впереди себя нёс. Эту сцену по телевидению показывали.

— Ну хоть на этот раз не били? Или — по привычке...

— Нет. На этот раз почти тихо. Просто выволокли. Судья закричал:

«Верните его в зал суда!» И меня потащили обратно. Я начал вырываться, говорить: «Слушайте, я же под конвоем нахожусь». К начальнику конвоя обратился: «Я требую взять меня под конвой». Тогда прикладом объяснили: «Молчи».

Когда прокуроры стали зачитывать обвинения, судья опешил: «Подождите, господа прокуроры, дайте я закончу судебное заседание». Дали закончить. Зачитали обвинения. Новые.

Опять надели наручники. Сижу, изучаю своё новое преступление. Мне адвокат говорит: «Ничего не подписывай!» Прочитал, что на какой-то овощной базе у кого-то что-то вымогал. Хотя в жизни никогда на овощных базах не бывал.

— Тебе предъявили новое обвинение?

— Даже не обвинение. Я опять по подозрению был задержан. Как и в первый раз. Это очень важно. Такой арест разрешён или на месте преступления, то есть с личным, или когда есть улики, но необходимо собрать — за десять дней! — дополнительные доказательства. Меня же арестовали оба раза грубо, незаконно, нечисто, по надуманным обвинениям. И что удивительно — не стесняясь ни себя самих, ни армии юристов, ни общества, которое всё же следило за тем, что со мной будет (хотя и не вмешивалось). Это был шантаж, торг: примешь наши условия — выпустим.

...Привезли в прокуратуру. Иванов входит и говорит: «Ну что, будешь давать показания?»

Спрашиваю, за что арестовали?

— Довыступался, — говорит. — Теперь сдохнешь в тюрьме, в Нижний Тагил загоним, там и загноёшься.

Пришли адвокаты, говорят: «Нам надо побеседовать с задержанным». Он говорит: «Нет'. Адвокаты настаивают: «Тогда мы напишем в протоколе,

что вы нам отказываете во встрече с клиентом». Он подумал и решил:

«Ладно, беседуйте». Меня адвокаты спросили: «В чём тебя обвиняют?» А я сам не знаю в чём.

— Какие хоть вопросы задавали? Хотя что-то пытались выяснить?

— Вообще ничего. Спросили: «Где ты был 30 мая 1996 года в два часа дня?» Я ответил: «Не помню». — «Ну, раз не помнишь, значит, в тюрьму. Тебя помнят». Оказывается, в тот день я на овощной базе якобы ударил какого-то украинца резиновой палкой. Иванов сидит, печатает: «Знаешь гражданку Киселёву?» — «Не знаю, — говорю, — и отказываюсь давать показания». — «Сейчас в тюрьму поедешь».

Опять прибежала группа захвата, опять спрашивают: «Есть у вас претензии к группе захвата?» Я не стал с ними разговаривать.

Офицер оскалился:

— Ты в Бутырку поедешь. Это тебе не Лефортово. А я поеду к твоей жене.

У меня нет претензий к группе захвата. Какие могут быть претензии к бандитам?

Отвезли в тюрьму. Посадили в одиночный боксик, ни туалета, ни крана. Невозможно лечь. Если ложишься на спину, то ноги надо поднимать на стену.

Бутырка

Я всю ту ночь не спал — вспоминал советы Володи Кумаева про Бутырку — как себя вести.

— В чём состояли его советы?

— Ну, чтобы не нарываться. Вот зашёл в камеру, поставь свои вещи, Подошёл к дубку — это стол так называется — встал, представился. Сказал, кто ты есть, по какой статье. В каждой камере есть смотрящий. Он подзовёт к себе. Подойдёшь, расскажешь о себе коротко. Он тебе укажет место, где спать. И начнёшь жить камерной жизнью.

Тюрьма живёт не по законам власти, а по воровским. И это понимают все. Ну, конечно, администрация свои порядки наводит, но воровская власть противостоит официальной, и чем она сильнее, тем легче сидеть.

Все осуждённые просят в тюрьмы, где установлена воровская власть, «чёрные» тюрьмы. И все боятся «красных» тюрем, где хозяйничает администрация.

В Бутырке, конечно, режим особый, это не Лефортово. Гонят по коридору толпу, человек сорок. Подводят к куче грязных матрасов. Что меня первое в Бутырке поразило — это страшная грязь. Вонь и грязь. Одеяла дали. Малюсенькие. Если укроешь ноги, то оно до пояса. Если укроешь голову, ноги будут голые. Ни простыней, ни наволочек не положено. Привели в камеру. Ту самую — 131. Там сидело восемь человек. А мест всего семь: шесть шконок в два яруса и одна под решёткой, под окном. Спросили: «Ты кто?» Я говорю: «Литвиненко». Они: «А-а, слышали. Знаем всё, что с тобой было. У тебя чего-нибудь есть?» А у меня всё в Лефортово осталось. И они дали мне тапочки, зубную щётку, пасту, одеяло, наволочки, всё дали.

— Какой-то супермаркет, а не Бутырка...

— Экипировали полностью. И говорят: «Вот еда. Хочешь, ешь с нами, хочешь — сам, как тебе удобно».

Когда мне жена через семь дней передала продукты, я ребят угощал. Ещё она мне передала полотенца и одеяло хорошее верблюжье, подушку нормальную. Я потом всё оставил ребятам. Вот так и супермаркет образуется. Но не вещи главное. А то, как их предлагают. Дали бы они мне дырявое одеяло — так и оно бы грело!

— А это камера специальная, для сотрудников милиции?

— Конечно. Я не знаю, повлияла ли на них ситуация, но обстановка в

камере была... человеческая, что ли. Люди, с которыми я сидел, были абсолютно нормальными. Переживали о жёнах, детях, не было ничего блатного. Когда я туда попал, мне ребята сразу сказали: «У нас нет по воровском ходу и всё такое. Тюрьма чёрная, здесь воровская власть, но у нас в камере нормально».

Только когда к нам посадили Виталика, сотрудника Московского ОМОНа, за изнасилование, мы попросили его не есть с нами за одним столом. Этот закон тюрьмы мы приняли. Жили дружно, никто никого не трогал, смех, шутки были. В общем, нормально. Время намного быстрее шло в Бутырке.

— Ты знаешь, меня всегда поражало свойство человека в плохом помнить хорошее. Для ветерана самые светлые годы — война. А ты вспоминаешь Бутырку почти что нежно.

— Это, наверное, после ледяного Лефортово. Но правда, что-то было человеческое. Вот в тюрьме тщательно оберегают сон — когда человек спит, он не в тюрьме, ведь ему снится свобода. А утром 4 декабря меня вдруг будит песня. Стоят вокруг шконки бывшие менты и поют на ломаном английском: «С днём рожденья!» Из печенья и сгущёнки торт слепили, натыкали спичек, зажгли и поют.

Мне в тот день исполнилось тридцать семь. Ты знаешь, когда мне исполнится пятьдесят, я закажу торт из печенья и сгущёнки. И хор ментов...

— И передачами делились?

— А как же? Когда заносят тебе в камеру передачу, сразу все собираются, дубок (стол) очищают и начинают раскладывать. Берут лист бумаги и всё расписывают. Сверток всегда повреждён, администрация масло режет, сахар распечатывает, сигареты ломает. Для чего? Для того, чтобы украсть. Вот тебе жена передала двадцать пачек сигарет. Но надо же хапнуть! И они говорят, что в пачках тебе патроны могут передать. Сигареты сломаны, но эки по фильтрам считают. Так, говорят: украли пачку и две сигареты, сволочи! Считается, что если в передаче пачку украли, это нормально. А если ещё две сигареты, это уже беспредел.

Сколько зефира в килограмме — всё подсчитано. Сколько кусков сахара в килограмме — всё известно. Сколько колбасы? Батоны складывают, смотрят по длине — понятно! А её же режут, колбасу, чтобы посмотреть, нет ли там чего внутри, и всю среднюю часть вырезают. А эки её складывают и считают, сколько украли. Если десять сантиметров, то нормально, а если пятнадцать, то беспредел.

В банках нельзя передавать сгущёнку. Заставляют переливать её в

пластиковые бутылки. И разбавляют водой. Хорошо, если кипяченой. А если сырой, у всех начинается понос.

Власть посадила человека в тюрьму, лишила свободы (до суда ещё!), не кормит, не даёт лекарств. И объясняет: «Ребята! Да у нас нет денег!» Ну хорошо, нет денег, но чего ж вы передачи-то воруете?! Когда у меня из пяти батонов колбасы два с половиной украли, причём подменили — хорошую забрали, а подсунули отравленную, ребята мне сказали: «Саша, это беспредел, надо заявление писать». Я написал заявление. Меня вызвали режимники: «Ты чего заявление написал? Тебе чего, плохо в этой камере сидеть? Можем в другую перевести». Ты же понимаешь, могут в общую кинуть.

— А друг у друга эки воруют?

— Такого не бывает. Русские законы тюремные — жёсткие. Если ты их нарушаешь — наказание неминуемо. Но никто тебя не тронет и пальцем, ни в чём не обвинит, пока не разберутся досконально. Разбираться будут долго, объективно. Если только тень подозрения появится, что вор принял решение в отношении какого-то человека за деньги или за кусок хлеба, он будет моментально раскоронован. А это самое страшное для вора. Он с самого верха падает на самый низ тюремной иерархии.

Я был поражён системой коммуникации, доставки информации, которая там существует — просто поражён. Ведь в каждой камере идёт учёт общаковых денег. Если деньги проходят куца-то, везде записывается, в какое время прошла эта стодолларовая купюра в эту камеру и куда она пошла дальше. Ведётся учёт, так называемая тачковка. Если деньги пропали, моментально в тюрьме найдут, где они пропали и у кого.

— Чего нет в государственной системе.

— Вот это-то и поразительно.

Освобождение

— Будем считать, что до второго суда ты сидел в человеческих условиях.

— Будем считать. Тем более, что меня почти не допрашивали. Всем всё было ясно. И вот назначили день суда, на котором будет решаться мера пресечения — сидеть ли мне под следствием или ходить под подпиской. Подняли в три часа ночи. Если в Лефортово ты встаёшь на суд в восемь утра, то здесь в три ночи. В четыре часа тебя отпускают на сборку, куда нагоняют много народу. Начинают рассаживать по автозакам и — по судам. К десяти-одиннадцати часам ты в здании суда. Если процесс идёт каждый день, то тебя где-то к полуночи привозят в тюрьму, к часу ночи поднимают в камеру, а в три — обратно везут на скамью. Через неделю любой нормальный человек согласен на всё, лишь бы дали поспать. Согласен на любой срок, только дайте упасть где-нибудь. Вот что делается в тюрьмах.

Меня привезли в суд, и началось судебное заседание. Судья: «В чём обвиняется Литвиненко? Документы покажите». Прокурор: «Обвиняется в вымогательстве зелёного горошка на овощной базе». Я: «Никогда не вымогал горошек, гражданин судья». Адвокат: —Вы вменяете Литвиненко имущественное преступление. Вы установили, где это имущество? Где этот горошек, который он вымогал? Где он сейчас? Установили?» Они говорят: «Нет». Тогда адвокат спрашивает: «А какой умысел был у Литвиненко вымогать горошек? У него что, были рынки, магазины, деньги он получал за этот горошек? Какой умысел? Умысла нет. Вымогательство — преступление умышленное. Как можно человека обвинять в умышленном преступлении без умысла?»

Адвокат спрашивает: «А кто же потерпевший? У кого мой клиент горошек вымогал?» Говорят; «У гражданки Киселёвой». Я: «Никогда с такой не встречался».

И тут выясняется, что Киселёва меня тоже не знает. Она написала жалобу на следователя, как он выбивал у неё показания: «Он повёл меня в свой кабинет, на котором висела табличка «Помощник прокурора полковник Иванов С. В.», где я оказалась с ним наедине. Там он мне сказал:

«Ты мне его сдай, сдай! Ты всю жизнь ни в чём не будешь нуждаться»... Когда я взмолилась и стала уверять, что мне нечего сказать, он схватил меня за волосы, начал таскать силой. Я закричала: «Больно, пустите!»... Он пытался меня целовать. Поднимал мне юбку, я

изворачивалась ...»

Суд рассмотрел дело и вынес решение об освобождении меня из-под стражи. Причём в тот день председатель суда поставил охрану и приказал ФСБ не пропускать. Чтоб не хулиганили.

— И тебя освободили?

— Да. Это было 16 декабря 1999 года.

После этого в зал вошёл следователь Паламарчук и вызвал меня в прокуратуру на следующий день. В коридоре стояли журналисты, но я решил не давать никаких интервью. Прокуратура и ФСБ боялись, что я открою рот. Барсуков мне всё время говорил: «Веди себя хорошо». Молчи, стало быть. Вышел из зала суда, адвокаты давали интервью журналистам, я — без комментариев. Мне специально повестку дали на следующий день, то есть намекнули: если открою рот, завтра меня арестуют в прокуратуре. А когда я туда пришёл, мне предъявили результаты экспертизы какого-то гражданина Украины, которому я якобы сломал ребро резиновой палкой.

Вот так. Вымогая горошек, я сломал человеку ребро. Не то шестое, не то седьмое. Адвокат говорит: «Подождите. Как же так, вы вменяете моему подзащитному, что он сломал ребро, а какое — не установлено?» Следователь объясняет, что аппаратура не позволяла это установить точно. Адвокат опешил: «А как же она позволила установить, что ребро вообще сломано? Как это — не то шестое, не то седьмое? Мы просим назначить повторную экспертизу». Следователь задумался; «Ведь в 1996 году сломали. Они уже заросли, через четыре-то года-. Адвокат заявил: «Это ваши проблемы. Вы обвиняете человека, я прошу провести повторную экспертизу.

Но в общем я тогда отбился и остался на свободе под подпиской. Хотя прокуратура и опротестовала моё освобождение из-под стражи.

— А чем закончилось твоё второе дело?

— Барсуков был вынужден закрыть дело о вымогательстве горошка за отсутствием состава преступления. У меня было стопроцентное алиби. Я вспомнил, где был 30 мая 1996 года в два часа дня. В это время я проводил другое мероприятие. Совместно с сотрудниками ГУОПа и со службой безопасности Армении мы задерживали лиц, которые занимались контрабандой оружия, в том числе и в Чечню. Пять машин с оружием поймали на границе Армении и Грузии.

Президент Армении и министр безопасности тогда прислали бумаги, чтобы поощрили участников этой операции. То есть прокуратура «умылась» со своим горошком. Не вспомни я про армян, скажи я, что был с женой дома или с друзьями, меня бы осудили. Дали бы лет восемь или

девять за вымогательство зелёного горошка...

— Что ты чувствовал сразу после выхода на волю?

— Первые дни — это, конечно, незабываемое ощущение. Когда спишь в тюрьме, тебе снятся дом, жена, дети. Просыпаешься — и видишь тюрьму. Ужас. Как будто с воли в тюрьму попал.

А дома мне снилась... тюрьма. Мне и сейчас она часто снится. Ещё снится, что я в Москве, у себя дома, а за мной послана группа захвата.

Мы сразу же отправились с друзьями в дом отдыха, встречать 2000-й год. Там же был мой бывший товарищ Сергей Нефёдов. Мы вместе ловили бандитов в 1991 году. Он отдыхал с женой и ребёнком. Я как-то подсел к ним за стол. Он с пистолетом, сотрудник ФСБ. А я под следствием, преступник вроде, Пошёл разговор. Но говорили мы уже на разных языках.

Счастливая, благополучная гебистская семья такая. Сытый ребёнок, весёлая жена и уверенный в себе муж с ксивой в кармане и с пистолетом на боку. Он вообще без пистолета и удостоверения на улицу не выходит. В стране, где они обеспечивают безопасность, мало кто из них ходит по улицам без оружия.

Нефёдов спросил:

— Ты что, от Березовского за пресс-конференцию денег не получил? Я ответил: «Нет».

— А у нас считают, ты получил миллион долларов. Ты чего, дурак, денег с него не взял? Мы-то думали, хоть за бабки там сипишь. А ты чего, за бесплатно?

Его жена просто зашлась:

— Ты чего, дурак? Посмотри, как все живут, ездят на джипах. Это говорила дочка офицера, жена подполковника. Квартира у них трёхкомнатная на Рублёвском шоссе, которую Нефёдов купил. На зарплату.

— Какая зарплата у подполковника ФСБ?

— Три тысячи, чуть больше ста долларов.

— Хорошенькая зарплата для человека с пистолетом и удостоверением ФСБ!

— Да, но у этого офицера, кроме квартиры ещё и загородный дом хороший со всеми удобствами. Тоже куплен на зарплату. У него две иномарки, для себя и жены. Это нормально. Он живёт себе, никто его не трогает. Все знают. Когда Нефёдов покупал себе квартиру на Рублёвке, написал рапорт, что в «МММ» выиграл. А на машины, наверное, в «Спортлото»...

Глава 2. Разработчик

Личное дело

— Ты всю жизнь ходил в форме?

— Это — семейное. Казаки Литвиненко век служили Отечеству.

Мой прапрапрадед Сергей Причисленко служил в Русской армии на Кавказе, в отрядах Ермолова. В 1822 году в бою с чеченцами он был ранен, потом поселился в крепости Нальчик. Он из Черкасс, из крепостных. У него был выбор — либо обратно в крепостные, либо остаться в Нальчике, получить пять рублей от царя и завести своё хозяйство. Он остался, купил лошадь, корову — на те пять рублей, построил дом (сейчас это угол Советской и Республиканской, напротив здания Министерства внутренних дел). Там родились все мои предки.

Дед воевал в Отечественную в должности командира эскадрильи, а потом начальника разведки воздушной дивизии. Прошёл всю войну. Дважды горел в самолёте, выпрыгивал с парашютом. У деда орден Боевого Красного Знамени, два ордена Красной Звезды и медали «За отвагу, и «За боевые заслуги». Но ожогов и дырок на теле у него больше, чем орденов.

Когда мне было пять лет, дед привёл меня за руку в краеведческий музей в Нальчике, показал знамя и сказал:

— Вот под этим знаменем воевал твой дед. Запомни, вся наша семья защищала Россию, и ты должен её защищать.

Дядька мой, брат отца, который сейчас живёт в Смоленске, весь Афган прошёл. Он на войну не просился, по жребию вытащил. В их отдел пришла разнарядка — одного человека в Афганистан. Дядька сказал: «Знаете, идти на войну — надо быть дураком, сумасшедшим. Давайте тянуть жребий». Тянули спички, и он вытащил Афганистан. Вечером шёл домой и не знал, как объяснить жене (у них двое детей), что идёт на войну. Вдруг окрик: «Товарищ майор, почему не отдаёте честь?» Он повернулся — генерал. Дядька подошел к нему, говорит: «Товарищ генерал, извините, я вас не заметил».

Дядьку за это разбирали на партсобрании. Перед Афганом! Вместо того, чтобы сказать ему: «До свиданья, будь жив!», его песочили — почему генералу не отдал честь.

А отец был врачом в МВД. За несколько лет до пенсии в звании капитана был выгнан из органов. Он служил тогда на Сахалине в колонии общего режима.

Администрация зверствовала: били эков, воровали передачи. Отец

рассказывал, что один даже руку под пилу сунул, только чтобы его с этой зоны убрали. Некоторые зэки, получив посылку, закапывались в снег, сидели там и съедали присланное. Их искал конвой. Солдаты мёрзли, и когда находили зэков, били нещадно, жестоко, потому что караул озверевал — сутками-то на морозе... Находили и били. И когда их, искалеченных, приносили к отцу, он увещевал:

— Ну что же вы делаете, вас ведь изувечат. Они объясняли:

— Зато сытно покушали. Хоть раз. Отец встал как-то на собрании и сказал:

— Если вы офицеры, почему воруете? Почему вы у зэков отбираете продукты?

Он написал Брежневу письмо: «Это не лагерь, а концлагерь, я врач, принимал клятву Гиппократу, а здесь людей калечат. Я как врач не могу это видеть. Прошу Вас разобраться и прекратить это преступление. Вы лишали людей свободы, но никто не дал вам права лишать их человеческого достоинства».

Приехал разбираться, как отец рассказывал, из Москвы майор Гапон, осмотрел всё и говорит: «Вы сумасшедший». Отец отвечает: «Я-то нормальный...» В общем, отца уволили.

— Ты, оказывается, потомственный правдоискатель... А почему отца назвали так необычно — Вальтер?

— Бабушка Вальтера Скотта любила. Может, поэтому я в Англии? В 38-м году отца так назвали...

В общем, в семье все были военные. Пошёл на службу и я.

— А как ты попал в КГБ?

— В 85-м году, по окончании военного училища меня направили в дивизию Дзержинского. В четвёртую роту войсковой части 3419.

Батальон, в котором я служил, сопровождал грузы Гохрана. Возили золото, серебро, платину и бриллианты. Наша четвёртая рота была особая. Это единственное подразделение во внутренних войсках, которое выезжало за границу. И оно, естественно, было на шпиговано агентурой.

До меня командиром взвода был — позже он стал Героем России за операцию в Первомайском — Никитин. Как понимаю, он работал у них в агентурном аппарате. Он ушёл, понадобился новый агент — они меня и завербовали.

Говорил со мной Николай Аркадьевич Андрюшин, майор. Особый отдел КГБ СССР, войсковая часть 70850. Он сказал, Саша, так и так, надо помочь органам. Я спросил: «В чём это будет заключаться?»

— Во-первых, вы выезжаете за границу. Чтобы не было побегов,

контрабанды, хищения оружия и боеприпасов.

— Но если мне что-то станет известно, я и так всегда вам сообщу.

— Понимаешь, чтобы заниматься работой, ты должен дать подписку. Ну, стандартная вербовка. У меня это не вызвало никаких проблем. Я написал подписку о сотрудничестве, избрал псевдоним — Иван, и начал с ними сотрудничать.

Была серьезная работа по предотвращению хищения оружия, расстрела караулов. В принципе, все понимали, что особый отдел, хотя и назывался отделом военной контрразведки, на самом деле это военная полиция. Я не считал, что делал что-то плохое.

«А ты не лётчик»

— И всё же ты пошёл в организацию, которая истребила миллионы наших соотечественников. И которая до сих пор гордится своей «славной историей».

— Послушай, я был молодой лейтенант. У службы безопасности есть какая-то притягательная сила. В самом прикосновении к тайне есть что-то магическое. Вот я говорил с Владимиром Буковским. Он рассказал, что в одиннадцать лет его из пионеров выгнали за то, что он всё понял. Ну, повезло ему в жизни, что он сразу всё осознал. А я — позже. Когда я шёл в организацию эту, ни о чём таком не задумывался.

Помнишь, Анка поёт: «А ты не лётчик?! А я была так рада...» Это про девушку, которая пришла в ужас, когда узнала, что её парень служит на Лубянке. Вот когда я эту песню услышал в начале 90-х, меня тоже шокировало, что нас в песне называют «истребители народа своего». Я только тогда впервые начал задумываться, сколько народу ненавидит нас за нашу историю. Я ведь с бандитами боролся, про политику и не думал. Но ведь на одного, кто считает нас «истребителями», двое таких, для кого мы доблестные защитники Родины. Включая ВЧК и Феликса. Ты Путина послушай.

Ведь наше общество ничего и никого не осудило. У нас же не было публичного суда над КГБ. Что с меня спрашивать? Был бы публичный суд, сказали бы, что КГБ — это преступная шайка и должна быть распущена, а я бы пришел и заявил: «Хочу служить в ваших славных рядах», — вот тогда с меня могли бы спросить. С меня и тысяч других ребят, которые служат там.

Сейчас будет набор в Академию ФСБ. И снова будет конкурс — десять человек на место. Мой начальник отдела, полковник Платонов был в шоке, когда его сын поступал в Высшую школу ФСБ, а с него деньги потребовали. И заплатил он, чтобы сын пошёл по стопам отца. Тысячи мальчишек хотят работать в ФСБ, потому что слушают не Анку, а Путина. Хотят, потому что общество так и не осудило эту Контору.

— Ну вот стал ты агентом. А задания получал?

— Да, получал. Задания все сводились к тому, чтобы не было неуставных взаимоотношений, хищения оружия. Как раз когда меня завербовали, было серьёзное ЧП в дивизии: двое военнослужащих расстреляли сослуживцев и убежали. Вся Москва их искала.

Помню, в эти дни Горбачёв из Франции возвращался, тогда только начались первые поездки нашего генсека на Запад. И мы, офицеры, вместе с сотрудниками Федеральной службы охраны оцепили всю дорогу от аэропорта.

Это произошло перед 7 ноября. Как раз новую вентиляционную систему поставили в Кремлёвском дворце съездов. И нас туда посадили, чтобы мы «испытали» её. Вся дивизия целый день там сидела. А потом вдруг подняли в ружьё — и в лес.

— По политическому направлению пытались организовать работу?

— В ту пору политикой КГБ уже почти не занимался. По крайней мере, я таких заданий не получал. Так, иногда, как говорится, пытались снять реакцию. После какого-то съезда КПСС Андрюшин, морщась, попросил поинтересоваться, как офицеры отреагировали на решения. Меня, конечно, все в задницу послали с такими вопросами. Ну, я и рассказал это Николаю Аркадьевичу. Так и сказал — информации никакой, все меня послали... «Как никакой, — улыбнулся Андрюшин. — С чувством глубокого удовлетворения все восприняли. Так и напишем».

— А что стало с Андрюшиным дальше?

— Дослужился до заместителя начальника отдела. Он выпивал много. Последний раз я его видел в 2000 году, в феврале. У нас товарищ погиб в Чечне, Гриша Медведев. И на кладбище я к нему подошёл. Он никого уже не узнавал, сильно болел. А человек был очень хороший.

По тому, как работал Андрюшин, я не видел в органах КГБ ничего предосудительного. Тогда уже не выискивали — кто что сказал? — этим уже никто не занимался.

— А как ты из агентов перешёл в кадровые сотрудники?

— В 1988 году меня официально откомандировали из внутренних войск в КГБ СССР, и я поступил на Высшие курсы военной контрразведки.

Собственно, моя служба в КГБ началась в 1988 году и продолжалась вплоть до ареста — 11 лет. Я служил в разных отделах: в военной контрразведке, Управлении экономической безопасности, в Антитеррористическом центре, а в УРПО перешёл в 1997 году. Всегда занимался борьбой с организованной преступностью, терроризмом, покушениями и похищениями.

В ФСБ, в спецслужбах, существует такое понятие, как разработчик. Это человек, который собирает весь материал о преступной группе или объекте. Что такое объект разработки? Это лицо, которое попало в поле зрения спецслужб. То есть люди, которые подозреваются: в ведении шпионской деятельности, руководстве устойчивыми преступными

сообществами, в подготовке и совершении террористических акций.

Разработчик изучает этих людей и их связи. Он даёт задания агентам, доверенным лицам, наружному наблюдению — за кем следить, техническим подразделениям — кого слушать. Все работают на него, и только он один знает об объекте всё. Это высший уровень, высший класс в спецслужбе. Я являлся разработчиком. Разработка обычно заканчивается возбуждением уголовного дела. На этой стадии моя группа занималась оперативным сопровождением следствия.

— В чём разница между агентом и доверенным лицом?

— Агент регулярно выполняет задания, на него есть личное дело. А доверенное лицо исполняет отдельные поручения.

— Его регистрируют?

— Доверенные регистрируются справкой. Некоторых сейчас оперативные работники не регистрируют. Мне, допустим, Трофимов в своё время советовал вообще никого на учёт не ставить. «Всё продается», — говорил. Доверенные иногда работают эффективнее агентов, и тогда их переводят в агенты.

— То есть ты был следователем?

— Нет, ты улови разницу. Я был не следователем, а опером. Следователь и опер работают параллельно. Есть уголовное дело. Есть лица в тюрьме. Есть лица из числа преступников на воле. Есть лица в розыске. Так вот подразделение, которое проводит оперативное сопровождение уголовного дела, организует разработку в следственных изоляторах, осуществляет наружное наблюдение за лицами, в отношении которых есть данные, что они могли быть участниками преступления. Словом, занимается сбором доказательств.

Следователь имеет право использовать только гласные методы — допрос и т. д., которые прописаны в Уголовно-процессуальном кодексе. А оперативное подразделение, занимающееся разработкой и сопровождением уголовного дела, использует негласные методы, которые заложены в законе об оперативно-розыскной деятельности. Приказом создаётся оперативно-следственная группа, и идёт совместная работа.

— Какого рода делами тебе приходилось в основном заниматься в качестве опера?

— Хорошо, вот, например, одно из моих первых дел.

В Москве была группа спортсменов-сванов, которая похищала людей. Главарь — Тариэл Ониани. Здоровые, крепкие ребята. И очень наивные. Некоторые даже не понимали, что совершают преступление. Плохо говорили по-русски. Жили в гостиницах «Россия», «Украина».

Был такой банк «Атлант» на проспекте Мира, и Сулхан Александрович Маградзе был его директором. Похитили его внука. Мы начали работать. Внука не успели найти, как его вернули деду. Не знаю, платил он выкуп или нет. По-моему, не платил. Но мы установили, кто был наводчиком в его окружении. Начали его разрабатывать и обнаружили, что он связан с вором в законе Микеладзе (уголовная кличка Арсен). А лидер банды — Ониани. Были установлены места их встреч; ресторан «Колхида» на Садовом кольце и грузинский центр «Мзиури» на Арбате.

Деньги они вымогали звонками по телефону-автомату на Старом Арбате. Обедают в «Мзиури», потом звонят, вымогают деньги, путают, угрожают и возвращаются в ресторан. Всё довольно примитивно.

Потом они похитили человека, семья которого проживает в Зестафони. Звали его Паата Зиракадзе. Вымогали около миллиона долларов.

Я встретился с его матерью, родственниками, уговорил не платить. Мать боялась, но я ей пообещал, что сына обязательно найдём.

Работали день и ночь. Две недели не были дома. Шли по следам этой банды. Мы установили места их проживания, их автотранспорт. Поставили в гостиничных номерах прослушивающую технику. Наконец наружному наблюдению удалось сфотографировать, как они брали заложника, Нашли место, где его держали. Но решили его не освобождать, пока не найдём Паату. Ещё три дня наружка шла. по следу бандитов и вышла на дом отдыха в Подмосковье, где и держали Зиракадзе.

Дальше было, как обычно: ««Альфа», всем стоять, вы арестованы!»

В ту же ночь провели обыски по другим установленным квартирам и освободили ещё двух заложников. Задержали шестнадцать бандитов!

Таких дел могу рассказать целую книгу.

Опер оперу рознь

— Ты начинал свою карьеру в органах в роли тайного агента КГБ. Таких не любят, называют «стукачами».

— Агент агенту рознь. Я был агентом военной контрразведки и считал это важным делом. Есть агенты по пятому направлению — политическому сыску, которые за бабки сдают друзей. А есть — настоящие герои, которые рискуют жизнью, спасая иногда незнакомых людей. Нечего всех валить в одну кучу. Я злюсь, когда говорят про любую агентуру «стукачи». Многие же действуют в преступных группировках, они настоящие герои, знают, что если их раскроют — убьют на месте. Это люди более смелые, чем даже разведчики. Найдут, допустим, нашего разведчика-нелегала в той же Англии, Америке, его никто не убьёт. Посадят в тюрьму, будут судить, обменяют. У него есть шанс добиться справедливого суда. И он получит ровно столько, сколько заслуживает за ущерб, нанесённый стране своего пребывания. Если в России найдут английского шпиона, у него тоже есть возможность добиться суда. Может быть, несправедливого, вот как с Поупом. Но всё же суда...

У агента, который действует среди бандитов, отморожков, террористов, нет шанса на суд. Перед многими из них я готов снять шляпу и поклониться им в ноги. Они же спасают жизнь мирных людей! Именно они составляют мощь и силу любой спецслужбы. Не открытые сотрудники, не здановичи, которые врут по телевидению, а именно те люди, которые ежедневно рискуют жизнью, и никто о них никогда не узнает. Когда я стал опером, у меня они были — вот такие агенты.

Опер оперу тоже рознь — зависит от того, кто чем занимается. Один направляет своего агента на раскрытие преступлений, на предотвращение террористических актов, а другой — на сбор анекдотов: кто рассказал анекдот про Путина, кто смеётся над Ивановым или Патрушевым...

Нельзя одного и того же агента использовать и для сбора анекдотов, и для работы в преступной среде, внедрять его в террористические организации. Это разные специальности. И не сможет оперативный работник, который вырос на политическом сыске, служить в подразделении по борьбе с терроризмом. И наоборот. Одно дело — спасти жизнь людей, а другое — затыкать им рот.

Молодым сотрудникам рассказывают случай; как во время войны полк прорывался из окружения, командир был ранен, фашисты наступали на

пятки. Несколько человек должны были задержать врага. Умереть, чтобы спасти остальных. Командир сказал особисту: возьми любой взвод и продержись, сколько можешь. И тогда особист перед строем приказывает: «Мои люди, ко мне!» И вышли все агенты. И все полегли. Стукачи? Агенты. Каков опер, таковы и его агенты.

Представь в этой ситуации Путина. Вот он встал бы перед строем: «Мои люди, ко мне!», и кто бы вышел? Патрушев? Этот за Родину убить может, а умереть — никогда.

Я не стыжусь своей работы. Пусть Зданович стыдится.

— То есть ты никогда не совершал поступков, которых стыдишься?

— Я стыжусь того, что смалодушничал и написал рапорт на своего начальника отдела Платонова. В 1995 году, после событий в Будённовске, был снят Степашин, и директором ФСК назначили Барсукова. Шла чистка, и сняли почти всех начальников отделов. В том числе и Платонова. Но так как его снимать было не за что, спровоцировали конфликт. Платонов пришёл к Волоху, вновь назначенному начальнику Оперативного управления. А тот стал на него орать.

Платонов вернулся и говорит в сердцах: «Я бы его застрелил. Вот мерзавец!» Это слышали несколько человек. Нас стали вызывать и требовать на Платонова писать рапорта. Я понимал, что это просто нервы, человек не сдержался, что никогда он Волоха не застрелит. Тем не менее слова-то были произнесены.

Я заявил, что это ерунда, но меня всё равно вызвали и приказали писать рапорт. Я подчинился, потом пошёл к Платонову и сказал: «Александр Михайлович, я на вас рапорт написал, извините». Он говорит: «Да ладно. Не ты один написал». Это — главное, за что мне стыдно.

Второе. В 1995 году я участвовал в провокации против известного правозащитника Сергея Григорянца. Его в ФСБ просто ненавидят. В особенности те, кто по пятой линии работал. Его постоянно прослушивали, следили за ним. В 1994–1995 годы на него давили, чтобы он отказался от своей правозащитной деятельности. Но мужик оказался упёртый, с ним ничего сделать не могли.

В конце 1995 года он вместе с двумя чеченками должен был выехать за границу на какую-то правозащитную конференцию с видеоматериалами о преступлениях, совершённых российскими войсками в Чечне. Начальник Оперативного управления Волох нас вызвал к себе в кабинет и доложил Барсукову, что, мол, люди готовы, выезжают на задание. По технике была получена информация, что Григорянец с этими материалами собирается выехать из страны. Волох приказал видеокассеты изъять, похитить или

привести в негодность. Мы спросили — если изымать, то на основании чего? Мы сами не можем, это дело таможи, а у неё нет права изымать документы. Они же не запрещённые.

Необходимо было основание, чтобы Григорянца со спутницами досмотреть в Шереметьево-2, задержать, не пустить в самолет. Кто-то предложил: «Надо им чего-нибудь загрузить». Волох усмехнулся: «Ну да, наркотики Григорянцу? Кто ж поверит?» — «Ну, тогда надо патроны подбросить». Волох говорит: «Согласен. Наркотики на границе — это уголовное дело. Нам не нужно уголовное дело. Зачем нам шум. Надо только материалы похитить или испортить». — «Патроны надо одной из чеченок подбросить, потом взять объяснение, что сумку взяла у знакомых, а там оказались патроны. Ведь где чеченцы, там патроны». Волох согласился: «Да, да; хорошо. А патроны есть? Только смотрите, не из серии ФСБ, чтобы потом не определили, что это с нашего склада».

Моей задачей было состыковаться с наружкой (они вели Григорянца), довести до таможи и показать — вот они. А там уже был полковник Сурков, помощник Волоха. Патроны подбросила либо таможня при досмотре, либо Сурков. Не знаю кто. Мы свою работу сделали. Григорянец в этот день никуда не вылетел, а если вылетел, то без тех документов.

Вот за эти два случая мне стыдно.

— Это всё?

— Это главное.

— Саша, извини, но я должен задать тебе неприятный вопрос. Получается, что ты как луч света в тёмном царстве. Ты утверждаешь, что никогда не работал «налево», даже не пользовался тем, что само шло в руки, — словом, всегда жил на зарплату?

— Я отвечу тебе так. У каждого в жизни есть эпизоды, о которых не станешь распространяться публично. И я не буду. Помнишь, как в песне поётся:

Судьба меня качана,
Но и сам я не святой...

В моей биографии есть эпизоды, которыми я не стану с тобой делиться. Даже в Конституции есть статья, разрешающая отказываться от показаний на себя самого. Но я никогда никого не убивал, не похищал, не крышевал, с бандитами в доле не был. И крови на мне нет. Так что стыдиться мне нечего, и я сплю спокойно.

Да и пойми, уже пять лет я нахожусь в оперативной разработке спецслужб. Есть команда высшего руководства найти на меня хоть что-нибудь. Подняли всю мою подноготную. Вывернули наизнанку все мои дела за последние десять лет. И что? Нашли трёх мерзавцев из числа бандитов, которых я отправил за решётку, и они оговорили меня. Я уж не знаю, что им за это обещали. Они дали показания, что я их ударил пять лет назад, и они вдруг об этом вспомнили. Меня за это сажали в тюрьму, судили, но суд меня оправдал. Я тебя уверяю, если бы за мной был криминал или что-либо постыдное, то об этом ФСБ разрезвонило бы на весь свет. И из тюрьмы я уж точно бы не вышел.

Коллеги

— Ты начал свою карьеру в ФСБ, борясь с организованной преступностью в тесной координации с органами МВД. А потом у тебя сложилась репутация специалиста по преступности внутри МВД. Как это получилось?

— Моими партнёрами в МВД были МУР и РУОП, подразделение по борьбе с организованной преступностью. Поначалу мы часто работали одной командой, по одному и тому же объекту.

— То есть ваша служба по сути дублировала милицию?

— Нет! Надо разницу понимать. Суть угрозыска в том, что они работают «от трупа», от факта разбойного нападения, кражи в квартире. Они от преступления начинают искать человека. КГБ всегда работал «от человека». Как в анекдоте «был бы человек, статья найдётся...» Через агентуру находят человека, который вызывает подозрение, а не он ли замешан в том или другом деле. И от него, через его связи идут к преступлению, которое он совершил (или нет). Это и называется «разработка».

Когда РУОП был создан, у них не было опыта разработчиков. А у нас не было опыта работы в криминальной среде. Мы учили их, а они — нас. Эффект был замечательный.

— Ходят легенды о противостоянии между Петровкой в Лубянской.

— Раньше такого не было! Противостояние началось позже. Они к нам поначалу отнеслись настороженно, а потом уж мы ходили к ним как на работу. Были настолько тёплые, человеческие отношения, что они даже помогали нам с подбором агентуры среди уголовной среды. Мы делали одно дело и делили трудности, а не славу.

Позже, когда Клишкин стал начальником Московского РУОПа, отдел стал превращаться в банду. Но в период с 1991-го по 1993 год именно Московский РУОП поставил бандитов на колени.

В начале девяностых они всю гуляли. Помню, был бандитский сходняк в гостинице «Президент-отель». Какого-то армянина чеченцы убивали: гонялись за ним по коридорам и стреляли. В гостинице «Украина» несколько месяцев бандиты жили, ели и пили в кредит. А когда их попросили рассчитаться, стали стрелять в потолок. Никого не боялись. И их не трогали. Такую картинку помню: надо было срочно позвонить, хотел зайти в гостиницу «Савой», там телефон-автомат есть. Подошёл — не

пускают. Показал удостоверение, а им по барабану, говорят: «Вали отсюда». И тут вижу, из «БМВ» выходят люди с цепями на пузе, их останавливают у входа: «Вы кто?» — «Мы бандиты». — «Проходите».

Это позже жульё стало говорить о себе: «Мы — коммерсанты». А в те годы бандиты особенно не скрывались. Подскочило количество убийств, рэкет становился нормой.

Москва была пострашнее Санкт-Петербурга. Помню, однажды ночью пришлось нам троих заложников освобождать. Ну могу ли я забыть женщину, к которой пришли и её девятимесячного ребёнка положили в ванну с ледяной водой? Денег требовали. Вот что творилось.

И московская милиция, и наша служба тогда стали бандитов гонять, как волков на охоте. Буквально обложили кругом. И за два года Москва превратилась в более или менее цивилизованный город. Да, преступления совершались, но уже не то было. Не было той наглости. И главная заслуга в этом — Московского РУОПа.

Были, конечно, и там и коррупция, и превышение должностных полномочий, но это всё расследовалось! Помню, выгнали парня, бывшего десантника, за то, что он на обыске деньги украл. Коллеги его сами вычислили и выгнали. Мы тогда искали заложников вместе с восьмым отделом (этнические группировки). Руководил им Михаил Васильевич Сунцов, известный московский сыщик. И день и ночь работали, никто не получал никаких вознаграждений. Иной раз не на что было поужинать.

Но постепенно и РУОПы, и ФСБ занялись одним делом — добычей денег. И стали не соратниками, а — иногда подельниками, иногда конкурентами. И началось всё с ментов.

— Почему?

— Наверное, потому, что они были ближе к мелкому бизнесу, к ларькам. И потом они же территориально организованы, на «земле» сидят.

Помню, была у меня встреча с агентом Александром. Он приходит с вытаращенными глазами и говорит: «Ты знаешь, мне участковый сделал заказ взорвать начальника милиции». Мы эту информацию задокументировали и передали в прокуратуру. Прокуратура стала разбираться. Даже агент был допрошен. Всё подтвердилось: участковый просил агента взорвать начальника милиции за то, что тот запретил в киосках, с которых получал участковый, торговать водкой.

Вот так всё и начиналось. Не прошло и трёх лет, как разрослось до беспредела. Сегодня почти ни одно торговое предприятие не работает без делёжки с милицией или ФСБ.

Некоронованным королём российского преступного мира считался

Япончик. Представьте себе, что Япончика выпустят из американской тюрьмы, он приедет, придёт в киоск и скажет: «Я — Япончик. Заплати мне десять рублей». Да он десяти копеек не получит! Приедут менты и изобьют. Потому что это их киоск.

Порой доходит до абсурда. Приходит ко мне агент: «Меня милиционер попросил создать банду у них на территории». Я спрашиваю: «Как банду?» — «Так. Вызвал начальник Уголовного розыска и предлагает: «Мы банду создаём, и ты будешь ее главарём. Ты сидел, эту публику знаешь. Мы тебе оружие дадим». Агент спрашивает: «А зачем это вам нужно?» — «Коммерсанты оборзели, платить отказываются. Ты станешь на них наезжать, а мы будем вроде как решать вопросы с тобой. Получать с них деньги и часть давать тебе. А кто не будет платить, ты им займёшься по-своему. Будешь район держать в страхе, а мы район от тебя защищать».

— Но сегодня ведь РУОПы пытаются реорганизовать.

— Слишком поздно. Сейчас уже всё схвачено. Кстати, газеты пишут, что РУОПы собирались расформировать из-за того, что ФСБ и милиция делят «Славнефть». Говорят, что Гуцериев был под крышей РУОПа. Поэтому они поставили министром внутренних дел своего человека, Грызлова, и тот их реформирует под свою команду. Это пишут в открытую, но ведь это криминальные разборки. И никто не удивляется. Как будто так и надо.

Повадки РУОПов

— У каждого преступника свой почерк. В чём специфика РУОПов?

— Каждое преступление, кем бы оно ни совершалось, носит скрытый характер. Сотрудники правоохранительных органов скрывают свои преступления известным способом: пытаются придать им форму законности. Если преступники нарушают закон, то правоохранительные органы используют его. Как сотрудники одного из отделов Московского РУОПа совершали банальные разбойные нападения? Через свою агентуру они устанавливали коммерческие фирмы, которые имеют большие суммы наличных денег. Допустим, с вещевых рынков или из магазинов. Но вместо того чтобы поступать по закону — ставить в известность налоговую полицию, они действовали следующим образом.

Милиция вербует агентов, как правило, из уголовной среды. Агент-уголовник — это вам не депутат Думы. То сбежит, то куда-нибудь уехал или его убили, мало ли что. Тогда милиция свою пропавшую агентуру ставит в розыск. Как лицо, якобы совершившее преступление. Его где-то задержат, звонят оперативному работнику, он приезжает, забирает его и разбирается.

— А поставить в розыск можно безо всяких на то оснований?

— Они берут какое-нибудь уголовное дело и просто вписывают туда нужную фамилию.

— Но это же противозаконно.

— Да, но в оперативных целях применяется часто: агента ведь надо найти, человек же пропал. Не самый законный, зато эффективный метод. Этим и пользовалось одно из подразделений РУОПа. Они брали ранее судимого своего агента и ставили его в розыск как лицо, совершившее особо тяжкое преступление. После этого устанавливали офис, куда стекается большое количество «чёрных» денег. Агент должен был просто войти в этот офис и сказать секретарше: «Я бы хотел с таким-то встретиться». — «А по какому вопросу?» — «Я скажу ему лично». Его задача — минут пять продержаться в помещении.

Как только агент заходит в офис, через несколько минут туда налетает милиция, всех задерживают и проверяют документы. Естественно, руководство фирмы интересуется: «Что случилось? В чём дело?» — «А вот у вас на фирме прячется человек, находящийся в розыске за массу убийств». Все, естественно, возмущены: «Да это не наш. Мы не знаем, как

он сюда попал». Милиция сурово: «Все так говорят. Было бы странно, если бы вы сказали, что знаете, как он сюда попал».

И начинается досмотр с целью установления вещественных доказательств. Разумеется, находят неучтённые наличные средства. «А это что за деньги?» — спрашивают. Им: «Вы понимаете, так и так...» Результат: деньги или делятся, или их просто отбирают и уходят. А кто заявление напишет? Нал-то чёрный. Проверенный метод, действует безотказно.

— Много говорят о поиске пропавших машин.

— Седьмой отдел МУРа, который занимается розыском машин, — одно из самых доходных подразделений. Деньги делаются так (мы работали по многим сигналам на них): ряд ранее уволенных сотрудников этого отдела организуют частную фирму по розыску машин. А седьмой отдел имеет компьютер с базой данных для установления владельца по номеру. В отделении всего один телефон — туда не дозвониться, полдня потеряешь, это любой оперативник знает. А фирма имеет прямой доступ на базу данных.

Угнанные машины, как правило, прячут на больших платных стоянках. Вот из МУРа едут туда, проверяют все машины подряд и находят одну-две угнанные. Если автомобиль дорогой, определяют владельца и передают его данные той частной фирме, то есть своим же товарищам. Фирма выходит на потерпевшего и предлагает за деньги «разыскать» автомобиль. Если машина стоит десять-пятнадцать тысяч долларов, то «ищут» за три-четыре тысячи. Причём берут предоплату и, глядя честными глазами, говорят: «Остальное заплатите, когда мы её найдем». А машина уже найдена.

Как правило, человек соглашается, потому что машина дорогая, лучше за треть цены вернуть старую, чем новую покупать. Буквально через неделю они звонят хозяину и говорят: «Нашли». Автомобиль возвращают, берут вторую часть денег и делятся с сотрудниками милиции.

Понятно, что при такой деятельности рано или поздно приходится сталкиваться с реальными угонщиками, и наступает момент, когда выгоднее с ними договориться, даже «войти в долю», нежели арестовать. Потому что если РИХ посадить и машины перестанут угонять, то исчезнет источник заработка. И в какой-то момент граница между ментами и бандитами начинает стираться, и уже не поймёшь, кто есть кто.

У меня был агент из уголовной среды. Он пришёл однажды на встречу совершенно ошарашенный и рассказал такую историю. Едут с одним вором в ресторан. Вор говорит: «Заедем на Шаболовку». — «Зачем?» — «Да там заказ надо сделать на одного». Агент ошалел: «Где заказ? На Шаболовке?»

Остановились прямо напротив РУОПа. Вор позвонил по мобильному, вышел сотрудник. Мент взял протянутую ему фотографию, посмотрел внимательно и положил в карман: «Данные есть, адрес?» Вор говорит: «Да, с обратной стороны всё написано. А цена какая?» Тот пояснил: «Если это бизнесмен, то двадцать тысяч. А если депутат или политический деятель, то цена может быть больше, а может, и вообще за это не возьмёмся».

И они уехали. Мой агент спросил вора: «А предоплата? Чего они прямо так берутся, без предоплаты?» Тот отвечает: «Сначала они всё сделают, а потом мы заплатим». — «А если ты их кинешь?» Вор усмехнулся: «Ага, попробуй их кинуть».

Москва и москвичи

— И часто оперативное чутьё заводило тебя туда, куда лезть не следовало?

— Ничто так не бьёт по оперативнику, как сознание собственного бессилия. Взял след, пронёсся по нему, рискуя жизнью, установил преступника, задокументировал его действия. А тебе сверху свистят: отставить, это суй.

В 1996 году стала поступать информация, что в Лужниках действует липецкая преступная группировка. Было установлено, что торговцы подписывают с руководством контракт на сумму, допустим, пять тысяч рублей за место, а на самом деле платят наличными от двух до десяти тысяч долларов. Эти деньги собирают липецкие бандиты и передают по инстанции — директору Лужников, в Московскую мэрию.

В липецкую группировку внедрили агента, были установлены спортзал, где они собираются, и два джипа, в которые они два раза в месяц грузят большие денежные суммы и развозят по адресам. Нашли несколько торговцев, которые написали заявление, что с них вымогают дань — оформляют одну сумму, а берут другую, не облагаемую налогом. Вместе с группой «Альфа» была подготовлена операция, в ходе которой машина была задержана и бандиты взяты с поличным, с незаконным оружием. В машине — почти миллион долларов. Операцией руководил подполковник Гусак из Оперативного управления.

Операцию провели тайно, почти никто об этом не знал, поэтому не было утечки информации. После того, как липецкие были задержаны с деньгами и оружием, необходимо было возбудить уголовное дело. Их привезли в местное отделение милиции, и что тут началось! Милиция отказывается выделять следователя. Нужно деньги учесть, они же левые, но налоговая полиция отказывается выезжать на место. Потом из Московского управления ФСБ пошли звонки, что задержанных людей избивали, подбрасывали оружие, гранаты. Дошло до того, что чуть ли не этот миллион долларов подбросили. А на Гусака пытались сфабриковать заявление, что он под крышу хотел взять Лужники.

Потом, когда на рынке зарезали азербайджанца, выяснилось, что это липецкие сделали. За то, что он вовремя деньги не выплатил. Руководство Москвы тогда спустило расследование на тормозах, заявив, что опасается беспорядков. Они прекрасно понимали, что если начать уголовное дело по

факту убийства, выяснится, что со всех торговцев собирают левые деньги и отправляют в мэрию.

— А как вы установили, что деньги отправляют именно в мэрию?

— Оперативной разработкой это и было установлено — куда они идут. Для московского правительства.

— Но оперативные данные ещё не факт?

— Да, оперативные данные надо легализовать. Надо брать людей с личным и спрашивать, где деньги взяли. С кого собрали? Это же нужно доказать. Люди пишут заявления, что с них взяли эти деньги. Должно следствие подключаться и проверять, допрашивать людей, спрашивать: как долго вы здесь работаете? Кому платите? Что у вас в договоре? Почему платите налом? Почему валютой? Кто с вас собирает? А что будет, если вы не заплатите?

Всё это надо было документировать следственным путём, и тогда бы установили, куда деньги идут дальше. Эти бы сказали: «Мы отвезли туда-то», допросили бы следующих, те сказали бы: «А мы возим туда». Задержаны с оружием, с деньгами, есть люди, которые пишут заявления. Но... следователя никто не выделяет для работы.

Наша агентура просто животы надрывала: что, руки коротки мэрию обнять?

— А деньги куда делись?

— Насколько мне известно, деньги в милиции остались. Оставили там, и всё. Раз дела нет, значит, деньги должны были вернуть липецким, а липецкие — не иначе как в мэрию.

— Миллион долларов?

— Точно не знаю, говорят, даже больше миллиона. Я не спрашивал Гусака, куда эти деньги они подевали. Знаю, что их в милицию сдали, а как милиция распорядилась ими, не спрашивал. Единственно помню, что потом Гусак ходил, объяснения писал.

— И всё же, как всплыли фамилии, точные адреса передачи денег?

— Это уже потом через свои источники я начал устанавливать, что собой представляет липецкая группировка. Почему за них так вступились? Надо мной мои агенты смеялись: «Они уже давно там, в Лужниках сидят, а деньги идут в мэрию». И рассказали, кому и как все эти деньги передавались. А куда ты пойдёшь с этой информацией? Кому её понесёшь? Её никто не принимает. Была даже в газете статья одна, что всё случившееся — разборки, какие-то крышные дела. Хотя я точно знаю, Гусак в той ситуации работал без чьего-либо заказа. Он, просто бандитов задерживал.

Клиент Пичуга

— Говорят, что однажды ты спас воровской общак. Как это?

— Не совсем воровской общак. Речь идёт о ста тысячах долларов, которые, как потом выяснилось, принадлежали одному из воровских общаков. В 96-м году ко мне обратился сотрудник Московского угрозыска, офицер четвёртого отдела Андрей Федотов (четвёртый отдел занимается грабежами и бандитизмом). Он сказал: —Люди хотят с тобой встретиться».

— «Что за люди?» — «Члены одной преступной группировки — ответвление солнцевской».

— Как они узнали о твоём существовании?

— Я занимался освобождением заложников, причём довольно успешно — многих нашёл. Естественно, об этом говорили, и не они первые ко мне обращались. Что-что, а находить заложников я умел.

— Обращение к тебе преступной группировки должно было быть зафиксировано в рапорте?

— Конечно. И об этом было доложено руководству. Но ведь это только по оперативным данным они числились членами преступной группировки. Взять, например, Михася. Все говорят: солнцевский бандит. Но ведь за бандитизм он не осуждён. Хотя по оперативным данным за ним достаточно — заслуг».

— Швейцарский суд его оправдал.

— Да, потому что российские правоохранительные органы никаких материалов на него не выслали. По оперативным данным, один из заместителей министра МВД, который и сейчас занимает высокий пост, получил за то, что не передал материалы швейцарцам, миллион долларов от адвоката Михася.

Почему ко мне обратились эти люди? Один из их лидеров был Миша, по кличке Кореец. Он в самом деле был кореец. Эта бригада контролировала часть коммерческих магазинов на Ленинском проспекте.

— Это известно?

— Конечно. Сегодня про любой магазин, про любую фирму известно, кто её контролирует. Бандиты — всё меньше, ФСБ и милиция — всё больше.

Так вот, они мне рассказали, что несколько дней назад Кореец был похищен. Люди остановили машину, представились сотрудниками милиции, вытащили его из автомобиля и увезли. По его же мобильному

телефону стали требовать несколько сот тысяч долларов.

Я доложил руководству, начальнику отдела Колесникову. Мне дали команду искать. В третьем отделе РУОПа оформили заявление. И мы вместе начали работать. Установили примерный круг лиц, которые могли его похитить, откуда работает телефон Корейца. Нам удалось выйти на контакт с преступниками, это у нас называется «ложный оперативный контакт».

— Почему ложный?

— Меня представили как члена другой группировки, которая участвует в выкупе Корейца. Часть денег мне привезли его люди. Похитители не знали, что мы из ФСБ. Думали — бандиты едут выкупать своего человека.

Давал деньги вор в законе Пичуга (с ним я потом столкнулся в тюрьме), а непосредственно мне более ста тысяч долларов принести Андрей Вольф, лидер реутовской группировки, и уголовный авторитет Утёнок, из Ухты. Мы вместе с Утёнком поехали выкупать Корейца. Утёнок тоже думал, что мы бандиты. Встреча была назначена возле церкви, на въезде в Мытищи.

Подъехали, подошёл человек с телефоном Корейца — это был пароль. Мы договорились, что едем вместе, отдаём деньги, забираем заложника и задерживаем преступников с поличным. Доказательством того, что мы не менты, было присутствие Утёнка — ни один преступный авторитет ни за какие деньги не пойдёт вместе с ментами, просто не может этого сделать по понятиям. А Утёнок-то не знал!

Переговорили и поехали. И вдруг милиция останавливает машины и задерживает Утёнка и человека с телефоном Корейца. Операция сорвана, — ложный оперативный контакт» закончился. Всем стало ясно, кто есть кто. Я говорю: «Вы что делаете! Вы почему сорвали операцию! Он же нас везёт к Корейцу!» А они: «Так надо!» Повезли нас в РУОП.

— А ты представился?

— Так это же были те самые менты, с которыми мы работали! Был план совместных действий милиции и ФСБ. А тут они срывают операцию. На повороте с Ленинского на Шаболовку этот человек, похититель, — они на него даже наручники не надели — открывает дверцу машины и смывается. Я — за ним. Мне менты кричат: «Не стреляй! Не стреляй!» Я сделал шесть выстрелов в воздух — в пять часов дня — можете себе представить, что творилось на Ленинском! Я в воздух стрелял. Напротив здания Министерства внутренних дел. Пули на излёте могли в кабинет к министру залететь. Догнал, прыгнул на него. Задержал.

Привозим его в РУОП. А менты говорят: «Сейчас будем пытаться. Выбьем из него, где Кореец». Я пытаюсь их остановить: «Не надо пытаться. У него телефон Корейца. Надо просто допросить». Они упёрлись: «Так ничего не скажет. Надо пытаться».

Я зашёл в соседний кабинет поговорить с Утёнком уже в новом качестве. Утёнок сидит в наручниках с вытаращенными глазами и говорит:

«Вот я попал! Саня, ты в каком звании?» Я говорю: «Я из ФСБ, подполковник». Он: «Спасибо, что не мусор».

Возвращаюсь, а они этого, с телефоном, отпустили! «Почему отпустили?» — «У нас нет оснований его задерживать». Как нет? У него же вещественное доказательство — телефон заложника в руках. Вечером докладываю руководству. Мне говорят: «Возвращайтесь, ищите его».

Установили, где он живёт. Дома он, естественно, не появился, исчез.

Утром возвращаемся в ментовку — сидит Утёнок, с которого уже сняли крест вместе с золотой цепью. Он просит: «Саня, по старой дружбе скажи, чтоб крест вернули, это подарок друзей». Я пошёл, еле уговорил. Крест вернули, а Утёнка отпустили.

Потом ко мне пришли люди от Пичуги, которые деньги давали на выкуп. Говорят: «Нам деньги не вернули». Я: «Как не вернули?! Я же руоповцам оставил». Поехал к руоповцам: «Верните деньги!» Они меня в сторонку отозвали: «Ты чего? Это ж воровские деньги!» Я говорю: «Воровские? Ну, так запишите в протокол, изымите, как положено, вызовите налоговую!» — «Слушай, Саня, не лезь в наши дела, мы сами знаем, как с жуликами разбираться». Я говорю: «Знаете что, друзья мои! Эти деньги люди мне давали. Верните!» И тут вижу — на стеллаже сумка лежит, с которой я ехал. Вытащил её — вот и деньги. Они: «Ты чего, собираешься бандитам деньги возвращать? Ах ты, мудака!»

Я взял деньги, поехал к бандитам. За столом сидят Утёнок, Вольф и ещё ясеневские. Вольф изумлён: «Никогда в жизни такого не видел. Кто бы подумал, что менты способны деньги отдать. Такого в истории ещё не бывало! Мужики, приколитесь, чего делается! Саня, тебя в психдом отправят!» Я говорю: «Пересчитайте!» Они: «Да ты что! Даже если чего-то не хватает, мы согласные!»

А Кореец появился сам по себе через несколько дней — придумал историю, как сбежал от похитителей. Я тем временем установил с одним руоповцем оперативный контакт, и он мне рассказал, что Корейца никто не воровал. Он вместе с сотрудниками третьего отдела сам организовал своё «похищение», чтобы с воровского общака собрать деньги и с ментами их поделить. Вот почему руоповцы операцию сорвали! А Пичуга мне

передавал большое спасибо, потому что это он за деньги отвечал, даже если бы выяснилось, что менты их обманули.

— А Корейцу ничего не было за попытку похитить деньги? Свои воры ему не отомстили?

— А откуда они знают? Я же им не говорил.

— Ты Пичуге не сказал?

— А почему я должен ему говорить? Что я, к нему нанимался? Он вор, а я офицер ФСБ. У меня задача была найти и освободить заложника.

И в другой ситуации эти деньги нужно было бы изъять. Я же предложил тогда руоповцам изъять деньги под протокол. Они не захотели, потому что если под протокол, то придётся сдать всё в казну.

Кореец тесно был связан с РУОПом. У него в бригаде был такой Илья Литновский. Кореец занимался, среди прочего, и заказными убийствами. И Илью этого он хотел подписать на убийства, а тот испугался и сказал, что убивать не будет и уйдёт из бригады. И ушёл, устроился в Ясенево в сервис — иномарки ремонтировать. Кореец ему говорит: «У меня ещё никто из бригады просто так не вышел. Сделаешь то, что я тебе скажу».

И вот однажды Литновский возвращается со своей матерью с рынка около одиннадцати часов утра, его задерживают сотрудники РУОПа, подбрасывают ему в сумку гранату и сажают в тюрьму. Мне об этом рассказал оперативный источник. Я взял ситуацию на контроль — велел источнику рассказывать, что будет дальше.

Илью посадили в «Матросскую тишину». Туда к нему приходят сотрудники РУОПа и говорят: «Или ты будешь убивать, или получишь большой срок. Если согласишься, сделаем так, чтобы тебе дали условно и выпустили». Он отказался. Тогда его начали кидать по камерам. Это очень плохо в тюрьме.

И вот начался суд. Я приехал. Судья мне говорит: «Я знаю, что гранату подбросили. А что я могу сделать? Руоповцы требуют, чтобы я дала ему три года. Я дам полтора. Ну не могу же я его отпустить». — «Но человек же не виноват. И вы это знаете!» — «Да, — говорит, — знаю. Он у нас тут не первый. У нас потоком идут подброшенные наркотики, патроны, гранаты. Что мне, милиционеров сажать?»

Литновскому дали полтора или два года.

Сидел Илья в Пресненской тюрьме. Я поехал к нему, спросил: «Илья, это правда?» Он глаза опустил: «Я вам ничего писать не буду». — «Тебя правда заставляли убийствами заниматься?» Он посмотрел на меня: «Да. Но я ничего писать не буду. Я хочу выжить». — «Но ты мне веришь?» — «Я не верю никому. Все вы, в погонах, мразь».

Я извинился перед ним за тех, с кем стоял в одном строю.

Среди своих

— Ты рассказал про стычки с РУОПом. А свои, фээсбэшные структуры приходилось разрабатывать?

— Вот случай. В 1996 году от оперативного источника в солнцевской преступной группировке была получена информация, что идёт продажа оружия со складов внутренних войск. Бандиты установили контакт с одним из прапорщиков.

Мы спросили агента, как нам туда легально попасть. Он говорит: «Давайте, выведу вас на прапорщика, скажу, что хотите купить оружие».

Приехали к Главному управлению внутренних войск МВД РФ на Красноказарменной улице. Вышел человек в гражданском, сел в машину. Агент представил нас как бандитов, которым нужно оружие.

Прапорщик оказался водителем командующего внутренних войск МВД России. Он объяснил, что сейчас на складах есть оружие и он спокойно может вывезти стволы: машину командующего никто не досматривает. Тогда мы спросили, сколько стоит ствол. Он ответил: «Полторы тысячи долларов за автомат Калашникова». Я спросил, что ещё к нему. Прапор сказал: «Два магазина, чистка, смазка». — «Чистка, смазка нас не интересует, нам на один раз нужно, — объяснил я. — А есть глушители, приборы ночного видения?» Он ответил, что всё возможно за дополнительную плату. Тогда мы заказали три ствола срочно. Договорились на понедельник, в его смену.

Перед этой встречей и в связи с тем, что внутренние войска являются объектом Управления военной контрразведки по внутренним войскам, мы поставили в известность руководство управления, и нам дали оперативных сотрудников, которые должны были установить этого прапорщика. Они сидели в машине и наблюдали за нами.

Ещё при первой встрече он нам продал патроны и в принципе уже совершил преступление, мы могли его арестовать. Но надо было установить, какое оружие и с какого склада уйдёт. Купленные патроны мы отдали офицерам отдела военной контрразведки, чтобы они установили, какая партия и откуда выносятся.

Я оставил прапорщику свой пейджер. В понедельник он мне передал, чтобы я перезвонил. Звоню, он говорит: «Я не смогу с вами встретиться, меня увольняют». Я спросил: «За что?» — «Подошёл майор и сказал, что я торгую оружием, и меня уволили».

Тогда я понял, что кто-то нас выдач. Позвонил заместителю начальника Управления военной контрразведки по внутренним войскам генералу Гуще и рассказал, что произошло. А тот спокойно говорит: «Да, это мы сказали. А что вы хотите?» — «А почему же вы нас в известность не поставили? А если бы мы поехали на встречу? И солнцевские кинули бы гранату в машину? Почему же вы его поставили в известность, а нас нет?»

Вот так просто предупредили вора, что на него вышла контрразведка ФСБ и чтобы он ни в коем случае не вёз автоматы на продажу, а то будет арестован.

Гуща ещё упрекал нас: «Что вы такие кровожадные? Вам бы всех в тюрьму сажать. Ты понимаешь, что наши прапорщики и офицеры получают мало, потому и воруют».

«Юрий Андреевич, — возмущился я, — мы тоже копейки получаем. Советуете заняться заказными убийствами?» Тут пошли разговоры про честь мундира, какой, мол, резонанс будет, если станет известно, что водитель командующего внутренних войск продавал оружие.

— Подождите, — уже кричу в трубку, — при чём тут общественный резонанс? Какая честь мундира? Оружие он уже продал. Из него солнцевские будут убивать людей. Мы должны найти, куда ушло оружие. Вы что делаете?

Я доложил об этом директору ФСБ Ковалёву. Но никаких мер принято не было.

— Было так, что бы кого-то в ФСБ всё-таки посадили по вашей разработке?

— Редко, но бывает, чаще всего из-за междоусобиц внутри самих спецслужб или каких-то других интриг.

Вот был случай в 96-м году. К Гусаку подошёл сотрудник шестого отдела Горлатых.

— Что такое шестой отдел?

— Внештатная антитеррористическая группа... Этот Горлатых спросил: «Вы освобождаете заложников? У меня есть информация, что в Москве захвачен один гражданин. Бандиты увезли его в Тулу и вымогают у его отца деньги. Это же по вашей линии. Давай я тебя с заявителем познакомлю». И Горлатых привёл члена-корреспондента Академии наук. У того неделю назад бандиты похитили сына, отобрали автомобиль и коллекцию оружия. И за сына вымогают деньги. И его друг, сотрудник ГРУ Мироничев, познакомил его с Горлатых. И вот его привели к нам в отдел.

Гусак и Бавдей выяснили все подробности, быстро установили место, где держат заложника, и освободили его. Преступники были задержаны.

Через некоторое время Гусаку позвонил учёный и сказал: «Александр Иванович, извините, не могу вам сейчас все деньги вернуть. Можно, я только две тысячи отдам, а остальные — когда милиция вернёт мою машину. Она же изъята как вещественное доказательство. Я её продам и верну вам деньги». Гусак удивился: «Какие деньги?» Он был в полной уверенности, что это не заказное дело.

Он встретился с учёным, и тот рассказал, что когда обратился к Горлатых, то он сразу сказал — пятнадцать тысяч долларов. Объяснил, что деньги нужны на бензин и прочие расходы. Страна бедная, зарплаты низкие. Членкор быстро собрал деньги и половину — семь с половиной тысяч — отдал Горлатых. И вот теперь просит немного подождать, пока соберёт остальное.

Гусак задокументировал одну из встреч, когда Горлатых с Мироничевым приехали к учёному и потребовали денег: — Ты всё должен отдать. Ты нас подставил. Мы свои деньги отдали ребятам. Если не отдашь, бандиты (а у них изъяли револьвер боевой) напишут, что взяли револьвер из твоей коллекции оружия, и тебя посадят». Учёный очень напугался...

Гусак спросил меня, что делать. Я посоветовал написать рапорт, а сам позвонил Ковалёву.

Директор ФСБ прочитал рапорт и сказал: «Надо задокументировать переговоры Горлатых и задержать его, когда он будет получать взятку. Видишь, до чего довёл Зорин Антитеррористический центр. Вместо того, чтобы заложников освобождать, они взятки берут».

Дело в том, что Ковалёв боролся со своим заместителем Зориным, потому что тот был ставленником Черномырдина. А Ковалёв был в команде Коржакова — Барсукова. И они выбивали из спецслужб людей Черномырдина.

Зорин был начальником Антитеррористического центра, первым заместителем директора ФСБ, вторым человеком после Ковалёва. Мне Трофимов говорил: «Он нас всё время сдаёт. Только мы начали работать по Черномырдину и Петелину (начальник секретариата Черномырдина), только технику расставили, Зорин пошёл к премьеру и всех сдал». Они ненавидели Зорина.

— Зорин доложил Черномырдину, что в его кабинете поставили «жучки»?

— Да. Ковалёв не знал, как от него избавиться. Зорин ненавидел Хохолькова и копал под его управление. Когда Ковалёв куда-то уезжал, на хозяйстве оставался Зорин и сразу начинал заниматься УРПО. Тогда Хохольков моментально брал больничный либо уходил в отпуск.

Мы составили два протокола — выдачи и осмотра денег потерпевшего, поместили банкноты. Встреча состоялась у памятника Пушкину. Они сели в машину Горлатых и куда-то уехали — опытный чекист не стал брать деньги на улице. Он по дороге высадил учёного и уехал. Тогда мы по пейджеру передали от имени одного из его знакомых просьбу о срочной встрече. Выяснили, что он находится на Чистых Прудах, в ресторане. Когда Горлатых вышел, мы его арестовали. При нём нашли часть денег — сто долларов он уже разменял.

Горлатых был вместе с тем офицером ГРУ, Мироничевым. Тот начал вытаскивать из карманов разные удостоверения — и милицейские, и военные — все на разные фамилии. Горлатых трясётся над сумкой: «Саня, не надо! Я твою долю отдам! Она в сейфе!» А Гусак: «Ты что, мне взятку предлагаешь?!» Привезли его в приёмную, опросили, вызвали следователя. Вечером позвонил Ковалёв, сказал: «Утром доложите».

Смотрю — гусаковские сотрудники, Алёшин и Комаров, тащат целый мешок из джипа Горлатых: колесо отвинтили, магнитофон, диски. Я кричу: «Вы чего делаете? Это же грабёж!» А Комаров: «Ему машина больше не понадобится. Его же посадят!» Такие вот сослуживцы!

На следующий день я пришёл в приёмную, там уже был Иван Кузьмич Миронов, заместитель начальника управления. Все — перепуганные. Миронов волнуется: «Как же так, взяли нашего?»

Когда я увидел Горлатых, он стал просить: «Поговори с директором, чтобы меня выслушал. Попробуй убедить, что я случайно вляпался, пусть уволят, только не сажают».

Я доложил Ковалёву, как прошла операция, и попросил, чтобы он принял Горлатых. Тот согласился. Мы привели к нему задержанного. Потом директор вызвал меня, Миронова, следователя и Гусака. Сначала обратился к Миронову: «Иван Кузьмич, кто у нас служит? Вы посмотрите на него — это же бык! Он пришёл ко мне с таким крестом на шее (у Горлатых был крест с бриллиантами на толстой цепи). И мне лепечет, что взятку взял, потому что детей не на что кормить!»

Миронов начал объяснять, что Горлатых заслуженный офицер, внедряется в преступные группировки. Ковалёв взбесился: «Довнедрялся до того, что сам бандитом стал». Директор спросил моё мнение. Я ответил:

«С одной стороны, Горлатых жалко, а с другой... в операции участвовали молодые сотрудники. Всё это видели. Что мы им скажем? Сами решайте: передавать материалы в прокуратуру или нет». Ковалёв приказал: «Материалы в прокуратуру передавать».

Горлатых был осуждён условно. Статью поменяли — не взятка, а

мошенничество. После этого он вернулся на Лубянку. Встретили радостно:
«В Лефортово отдохнул? Теперь садись за стол и начинай работать!»

Начальники

— На твоей памяти в ФСБ сменилось четыре директора. Ты с ними со всеми знаком лично?

— Да.

— Меняется ли стиль работы Конторы в зависимости от личности её директора?

— Каждый директор, едва пришёл, пытается поставить свою команду, и, естественно, стиль работы меняется. Допустим, Барсуков начал везде фэсэошников ставить (ФСО — Федеральная служба охраны), которых с собой привел. Фэсэошники в Кремле выросли, они — как придворные. А какой у нас двор, все прекрасно знают — византийский. Они всего боятся — как доложить, а что там подумают? А кто за ним стоит? В общем, пока десять раз не осмотрится да не подстрахуется — решение не примет. Вот, допустим, в отделе по борьбе с терроризмом надо быстро решения принимать, на месте. А они не умеют этого делать.

Потом пришёл Ковалёв. Тот всю жизнь прослужил по пятой линии. Он начал тащить «пятёрочников». Питомцы Пятого управления КГБ (политические) вред нанесли колоссальный. Для них преступник — это враг. А с врагом не разговаривают, и законов для борьбы с ним не существует. Но это же бред. Я говорю: «Постойте, надо же задокументировать, надо доказать по закону факт преступной деятельности. Мы же не бандиты, должны всё делать по закону». — «Это враг, — объясняют. — Какие там доказательства!» Вот с чего начался произвол весь. С «пятёрочников».

Это Ковалёва методы. И, естественно, в ФСБ крен начался в эту сторону.

Потом, когда появился Путин, начал тащить своих из Питера. А что Питер? Бандитская столица. Люди, которые в своём городе не смогли элементарный порядок навести. С ними приехали их водители. За водителями — их бандиты. Те бандиты, которых они прикрывали там, переехали в Москву. Начали брать коммерческие фирмы под крыши. Извините, но я в жизни не поверю, что в Питере вся организованная преступность не прикрывается ФСБ. Да это просто невозможно!

Тамбовская группировка дня бы не продержалась в Питере, если бы Кумарин-Барсуков, её лидер, не был знаком с Патрушевым и Путиным. У них дачи рядом! Они же вместе жарят шашлыки...

- А период работы Степашина запомнился?
- Ничем не запомнился. Степашин — он никакой.
- Если бы надо было выбирать между Степашиным, Патрушевым, Барсуковым и Путиным, кого бы ты взял себе в агенты?
- Любой подошёл бы.
- Но кто из них был бы наиболее полезен с оперативной точки зрения?
- Надо смотреть, какая задача, где они находятся.
- В организованной преступной группировке.
- Тогда надо смотреть, на каких они ролях. Дай подумать... Из всей этой команды я бы, наверное, всё-таки завербовал Барсукова.
- Он наиболее профессионален?
- Во-первых, он более порядочен, что ли. Думаю, у него есть совесть. Мне было бы приятнее сотрудничать с Барсуковым. С ним отношения можно было бы перевести из чисто агентурных в более доверительные. Из него бы получился хороший агент. Но, конечно, по оперативным возможностям лучше всего Путин. Но его надо было бы постоянно держать под контролем, потому что он всё время врёт. Его надо регулярно проверять. С ним тяжело было бы работать. Но результат был бы лучше, чем с Барсуковым.
- Почему?
- Путин тот человек, который в преступной группировке обладал бы большими оперативными возможностями. Он неприметный совершенно. Он лучше физически подготовлен, подтянутый. Наиболее самолюбивый. А воры грамотные психологи, его бы на этом использовали. И Путин владел бы наибольшей информацией. Что и нужно оперативному работнику. А завербовать его проблемы не было бы.

Глава 3. Военные тайны

— Ты не скрывал своего отношения к чеченской войне?

— Я не скажу, что всегда был против чеченской войны. Даже думал, что эту проблему можно решить только силовым путём. Когда начиналась первая война, я ее поддерживал. Кто ж знал, как она началась!

Впервые я задумался над тем, что происходит, в Первомайском. Я участвовал в операции по освобождению заложников. Мы задержали чеченцев, я допрашивал парня, ему было семнадцать лет, совсем пацан, школьник. Я его спросил: «Почему ты пошёл воевать?» Он ответил: «Я ненавижу эту войну. Она мне противна. Но я пошёл воевать потому, что у нас пошёл весь класс». Я тогда вспомнил фильмы о Великой Отечественной, как со школьной скамьи всем классом уходили на фронт добровольцами.

— Он боялся, что его будут бить?

— Да. И должен сказать, что конечно, мы были очень озлоблены, потому что пятнадцать суток прожили в поле, в грязи. Видели этих заложников, обмороженных людей, женщин с детьми. Это было что-то страшное. Куча трупов, разрушенное село. Ужасное зрелище. Но когда он сказал, что — мы всем классом пошли на фронт», я понял, что Россия не сможет выиграть эту войну.

У убитого чеченского командира изъяли записную книжку. Там кодовые таблицы были. Я написал справку (для радистов важно, как они ведут переговоры). В этой справке были имена арабских наёмников (без фамилий), и Барсуков тряс на пресс-конференции этой справкой: «Вот видите, мы уже установили 26–28 наемников, которые участвовали в боевых действиях. Но они убежали от нас босиком!»

Меня ещё поразило в этой записной книжке то, что чеченцы ведут строгий учёт боеприпасов, оружия, расписаны посты, кто и в какое время стоит, кто кого сменяет. Такое я видел в последний раз в образцовой дивизии Дзержинского. И понял, что полевой чеченский командир ведёт учёт своих сил и средств, как в образцовой дивизии СССР.

Дисциплина, порядок, «всем классом на фронт» — это не банда. Это армия. Малочисленная, не имеющая такого вооружения, как российская, но — армия. Они знают, за что воюют. Можно убеждать всех, что они бандиты. Но в преступники не идут «всем классом». И банды не уничтожают вместе с целым народом.

Конечно, там есть люди, которые на войне делают деньги, как и в российской армии. Конечно, у них многие и грабят, и мародёрствуют. Как и наши. Но всё же это — война, а не охота за парой тысяч боевиков, как нас убеждают.

— Ты допрашивал Аллу Дудаеву?

— После того, как был убит Джохар Дудаев, его супруга пыталась выехать из аэропорта Нальчика вместе с телохранителем Мусой Эдиговым. Была задержана. Она предъявила поддельный паспорт, но её опознали. Муса уже сидел в самолёте. Но когда увидел, что остановили Аллу, вышел из самолёта и сдался.

Меня вызвал к себе Волох и сказал, что есть серьёзное задание, надо выехать на Кавказ. Он объяснил, что задержана Алла Дудаева, с ней надо провести беседу, попытаться узнать всё, что можно, и привезти в Москву. Но главная задача заключалась в том, чтобы выяснить место захоронения Джохара, поскольку ещё оставались сомнения, убит он или нет.

Её держали на бывшей даче Сталина в Кисловодске. Там уже были сотрудники ФСБ по Кабардино-Балкарии. Мы собрались на обед в гостиной, вышла Алла, и я с ней познакомился.

Первое впечатление пронзительное — человек, преисполненный скорби. Переживала, нервничала. Была очень скована. Все сидели за общим столом, говорили какие-то нелепые тосты, потом встал я и сказал:

— Алла Фёдоровна, мы познакомились в эти трагические для вас дни. Я вижу, как велика ваша боль. Велика настолько, что я испытываю к вам очень большое уважение. Ваш муж для одних враг, для других бог, но он вошёл в историю. Как история повернётся дальше, никому не известно. Кем бы ни был Джохар, что бы про него ни говорили, он был ваш муж. Вы с ним прожили более двадцати лет, и ваше горе мне понятно. Хочу поднять тост за вас, за ваши чувства. Хочу выразить вам соболезнование в связи с тем, что погиб не президент Чечни, а ваш муж. Земля ему пухом.

— Слышали бы это твои товарищи, организовавшие ликвидацию Дудаева.

— Это не мои товарищи. Мне, кстати, Хохольков сказал: —Ты предал нас». Я ответил, что не мог предать, поскольку вам не присягал. Никогда не присягал нарушать законы. Я один раз принимал присягу, и то в Советском Союзе. Там было написано, что я должен служить Советской Родине и делу коммунизма не жалея своей крови и до последнего дыхания. Советского Союза нет, коммунистической партии — тоже. Кому я должен — до последнего дыхания? Хохолькову? Так он с бандитами в доле. России? Так я и сейчас ей служу — больше, чем Хохольков.

Когда я закончил, Алла встала и сказала:

— Я очень вам благодарна. Вы первый офицер, который выразил мне соболезнование.

С этого дня у меня установился с ней добрый человеческий контакт. На следующий день мы должны были начать беседовать. Поставили технику, но не было хорошей камеры — была такая, что надо было менять плёнку через каждые тридцать-сорок минут.

Приходилось постоянно смотреть на часы и искать предлог, чтобы выйти и поменять плёнку. Она мне рассказала всё о Джохаре, как жила в Подмосковье, в Пушкино, часто ездили в Москву, гуляли, как познакомилась с Джохаром... Я её спросил, зачем он грозился взорвать Москву. Она сказала, что всегда ругала его, мол, это же твой город. Джохар отвечал: «Ты права, Алла, я не могу это сделать. Говорю потому, что завожусь. Они сильнее, у них больше армия. Нам тяжело будет. Но они угрожают — и я завожусь. Начинаю их путать». Она так была взволнована, что стала говорить о нём как о живом: «Он никогда не взорвёт людей! Он детей любит, Москву. Мы же расписались во Дворце бракосочетаний номер один...»

Потом начала рассказывать, как он погиб. Смотрю на часы — кончилась плёнка. Предлагаю: «Алла Фёдоровна, давайте погуляем». Она просит:

«Лучше я до конца расскажу, не могу это часто вспоминать».

По её состоянию я видел, что муж у неё правда погиб. И все слухи, что он жив, — пустое. Он жив только для неё.

— А твои начальники верили, что Дудаев жив?

— И да, и нет. Так вот, она просит не делать перерыв, а я — про свежий воздух, чтоб себя берегла. Не могу же я сказать ей, что надо плёнку новую поставить! Мы вышли на улицу. Я был зол на себя, а её стало очень жалко. Она любила Джохара. Если я узнаю сейчас от неё, где могила мужа, то его выкопают. У неё и детей последнего не останется: могилы. Мне было стыдно слушать, выведывать. И я сказал:

— Алла Фёдоровна, не говорите в помещении о том, где похоронен ваш муж...

— Ты совершил должностное преступление?

— Должностное преступление — выкапывать человека ради политики. Мне надо было быть или офицером ФСБ, или человеком. В тот момент это не совмещалось.

— Но ты же получил приказ! Сейчас модно оправдываться тем, что отдали приказ. А что, мол, я мог сделать — приказали стрелять...

— Я тогда об этом не думал. Просто решил — это противоправное задание. И не исполнил его.

Тут как раз сообщают, что Ельцин её амнистировал. Мне сказали — ей пока не говорить. Я позвонил руководству: «Как это не говорить? А тогда чего она со мной сидит? Я что, её охраняю, держу незаконно? Извините, я не могу этого делать». Волох сказал: «Перезвони». И пропал. Звоню весь день — не отвечает. Только ночью жена взяла трубку: — Поимейте совесть, генерал уже спит». А поскольку генерал спал, я принял решение самостоятельно и сказал Дудаевой, что она — свободна.

После этого разговор у нас пошёл более откровенный. Я был уже не связан заданием и задавал вопросы, которые волновали лично меня. Почему, к примеру, Дудаев начал эту войну? Неужели не понимал, что она приведёт к истреблению народа?

И Алла рассказала, что Джохар всё это понимал и хотел встретиться с Ельциным, и если бы это произошло — крови бы не было. Но за встречу с Ельциным у Дудаева запросили несколько миллионов долларов.

Я спросил тогда — почему не дал, глупо не спасти народ ценой каких-то денег. И она рассказала, что Дудаев постоянно посылал деньги в Москву. Любой экономический вопрос решался за доллары. Но встреча президентов — вопрос не хозяйственный, а политический. Тут Дудаев платить отказался. Кроме того, он припугнул высокопоставленных чиновников имеющимся у него компроматом (по рассказам Аллы, Дудаев постоянно возил с собой какие-то документы и говорил, что его никогда не арестуют — окружение Ельцина этого не допустит, его могут только убить).

И тут она мне сказала, что нападение Басаева на Будённовск — это попытка отбить деньги за указ о перемирии, который был чеченцам обещан, но не был подписан.

— А кому передавались деньги, она назвала?

— Я спросил, но она не хотела называть имена. «Если вы кому-то доложите, я могу живой не попасть к детям». Я обещал: никому. Она долго думала, а потом говорит: — Ладно, я вам верю. Только дайте слово, что это останется между нами до моего отъезда из России». Я обещал. Она сказала: — Этих людей мы называем «партия войны».

Вспомни, летом 1995 года чеченцев загнали в горы, и у них было потеряно управление войсками. Боевики расходились по домам. Не было ни связи, ничего. Фактически была одержана победа. Ситуация для них стала катастрофической. И в этот момент, сказала Алла, у Дудаева вновь затребовали деньги из Москвы. За приостановку боевых действий. Через Басаева. Несколько миллионов. И Дудаев заплатил: у него выхода не было.

После этого чеченцев решили элементарно кинуть. Бабки взять, а боевые действия не приостанавливать.

Тогда Басаев захватил Будённовск.

Тут я вспомнил, что в прямом эфире Басаев что-то говорил Черномырдину о деньгах, взятках.

— Не ему ли деньги пошли? — спросил я Дудаеву.

— Тому, кто стоял рядом.

Рядом стоял Сосковец.

Боевые действия были прекращены.

Я слышал, как генерал внутренних войск, который воевал в первую чеченскую войну, сказал: «До сих пор не могу понять, почему был подписан указ о приостановке боевых действий. Это было предательство армии».

Впервые я рассказал это в 1999 году в интервью Невзорову. Меня посадили в тюрьму, но никто в прокуратуре по этому факту меня не допрашивал. А Невзорова после этого интервью выгнали с телевидения.

— А Ельцин про это знал?

Алла Дудаева не назвала мне Ельцина. Она назвала Сосковца. Более того, она неплохо к Ельцину относилась.

Когда была её пресс-конференция в Москве, меня вызвал Волох:

«Александр, тут у нас чрезвычайные обстоятельства. Алла Дудаева собирает журналистов в гостинице «Националь». Надо сорвать эту пресс-конференцию». Я спросил: «Как мы её сорвём?» — «Надо что-то придумать».

Я предложил: «Давайте позвоним в гостиницу и скажем, что она заминирована».

— «Ты понимаешь, шум будет. Это всё-таки политика, надо тоньше. А ты не мог бы её уговорить, чтобы она отказалась?» Я пообещал: «Попробую».

Прихожу в гостиницу, а там наружка — её видно за версту — уже сидит. Спрашиваю: «Ну, где объект?» Они говорят: «Да вон там, собирается». Я подошёл: «Алла Фёдоровна, мне поручено сорвать вашу пресс-конференцию. Вы не могли бы её не давать?» Она говорит: «Поздно. Я уже людям обещала. Не могу их обмануть». Тогда я попросил: «А вы хотя бы можете российскую власть не ругать крепко?» Она улыбнулась: «Это я вам обещаю». И свое выступление она начала со слов: «Я призываю голосовать за Ельцина».

— Всё-таки как-то не укладывается. Её мужа по приказу Ельцина убили, а она призывает за него голосовать.

— Она не винила Ельцина в гибели мужа. И не думала, что этот приказ исходил от него, даже если он его и подписал.

Из слов Дудаевой я понял, что она определённо считала, что ликвидацию её мужа организовали Коржаков, Барсуков и Сосковец, и дело было не в политике, а в деньгах и в компромате на них, который Дудаев возил с собой.

Слушая этот рассказ Аллы Дудаевой, я понимал, что это — правда. Те, кто работал в ФСБ по чеченцам, знали, что была поставлена задача Дудаева именно убрать. Политики в этом не было никакой.

— Ликвидация Дудаева была официально оформлена как оперативная задача?

— Конечно. Иначе невозможно было — операция была слишком сложной, были задействованы разнообразные технические службы, включая самолёт ГРУ, откуда на дудаевский телефон навели ракету. Хохольков эту операцию разрабатывал под личным контролем Барсукова. Он на этом себе карьеру сделал, генералом стал, управление получил, ещё и денег заработал. В сущности, УРПО возникло «на плечах» этой операции, потому что руководство сообразило, как удобно иметь автономное подразделение для решения «спецзадач» внесудебным путём, при строжайшей секретности. Можно сказать, что УРПО началось с Дудаева и закончилось на Березовском, но об этом — потом.

Что касается Ельцина, то чеченцы вообще не считали, что это его война, знали, что президент не контролирует ситуацию. Они ведь владели информацией об окружении президента, знали роль каждого в войне, весь расклад. Позже мы получили сигнал, что материалы прослушки кабинетов Черномырдина и Петелина (главы его секретариата) продавались чеченцам. Эти кабинеты прослушивала Служба безопасности президента, отдел «П», начальником которого был Валерий Стрелецкий. Мы разрабатывали этот сигнал, но продолжать нам не дали — все материалы забрал Коржаков.

Я со многими чеченцами говорил. Они не винили персонально Ельцина за войну. Ведь при Ельцине и зачисток не было. Путин — другое дело. Он геноцид устроил. Мочиловку в сортире. Они очень тонко определяют разницу между двумя президентами — один ЗА Россию воевал, а другой ПРОТИВ чеченцев. И они чувствуют эту разницу. Поэтому Ельцин смог подписать мир, а Путин — никогда не сможет.

Они очень мудрый народ — чеченцы. Я в тюрьме с ними сидел, в автозаке ездил. Они нормально с людьми общаются.

— А в тюрьме их мочат?

— А за что их мочить? В тюрьме вообще национализма нет. Там все

равны. Пожалуй, единственное место в России, где национальный вопрос решён.

— Много твоих друзей погибло?

— Да, очень много, из бывших сослуживцев по дивизии Дзержинского. Когда первая чеченская началась, у нас только и было что похороны, девять дней, сорок дней... Много искалеченных.

Вот когда Гришу Медведева хоронили — двенадцать гробов сразу пришло. Закрытых. Кто-то решил открыть гробы, и жена Гриши Лиля не узнала мужа. «Стойте, — кричит, — это же не Гриша. У него родинка на плече должна быть. Откройте плечо». А Понькин ей говорит: «Не надо, Лилия. Голова, может, не его, может, и ноги не его. Но тело — Гришки. Я у него в кармане твоё письмо нашёл».

Была у меня злоба на чеченцев. Да пропала вся. Сегодня я знаю, кто эту войну затеял, и все, кто на могилки мужей и сыновей своих ходит, тоже пусть знают. Я хочу, чтобы мы их судили. За Гришку, лежащего в земле с чужой головой и чужими ногами. И письмом жены.

Глава 4. Узбекский след

Хохольков и его команда

Летом 1996 года, вскоре после того, как я вернулся из Чечни, пригласил меня к себе начальник ОУ АТЦ (Оперативного управления Антитеррористического центра) генерал Волох и спрашивает: «Ты знаешь, что Хохолькова назначают начальником УРПО? Это страшный человек. И ты не представляешь, какими возможностями обладает человек на этой должности. Его почти никто не контролирует. Ты понимаешь, что будет творить Хохольков на таком посту. Надо всё сделать, чтобы его не назначили».

Почему Волох невзлюбил Хохолькова? Тот, когда был в Чечне, возглавлял группу по ликвидации Дудаева. На эту операцию была выделена большая сумма денег по девятой статье, на оперативные расходы. И около миллиона долларов было разворовано. Хохольков тогда был начальником отдела в ОУ АТЦ. А Волох — начальником управления, и такую большую сумму мог списать только он. Волох потребовал от Хохолькова отчитаться, куда делись деньги. А тот не смог отчёт представить. Тронуть Хохолькова нельзя было: у него в активе такой успех — ликвидация Дудаева. Волох деньги списывать отказался, списало их руководство ФСБ. Вот из-за этого затаил Волох на Хохолькова обиду. В конце концов Хохольков избавился от Волоха — того убрали из центрального аппарата, отправили куда-то в Европу представителем ФСБ.

— А ты давно знал Хохолькова?

— Впервые он попал в поле моего зрения в 1993 году, когда я участвовал в разоблачении группы офицеров, обвинённых в коррупции. Тогда я служил майором в УБКК — Управлении по борьбе с контрабандой и коррупцией. Заместителем начальника управления был полковник Костюков, а моим непосредственным начальником — подполковник Ваганов. Как-то мне приказали явиться в приёмную — придёт заявитель. Так я познакомился с Георгием Гурамовичем Окроашвили. Тот занимался нефтью, значит, понятно, не голодал. Георгий мне рассказал, что когда он загонял свой БМВ-850 в гараж, появились вооружённые люди и пытались его похитить. Он нажал на газ, выбил дверь гаража и сумел уехать. Ваганов дал задание этого Окроашвили охранять.

Пока охранял — сдружились. Георгий стал мне доверять, иногда обсуждал деловые вопросы. И однажды обмолвился, что он — объект оперативной разработки «Горец». Я удивился: «Как объект?» Он говорит:

«Да ещё при КГБ на меня дело завели'. И спокойно рассказал, как агентура по нему работает, где стоит техника, какие мероприятия проводятся. Он знал по делу всё.

Но это его мало волновало. Он занимался крупными махинациями с нефтью и сказал, что делится с руководством МБ. Передаёт деньги моим начальникам Костюкову и Ваганову.

Я был в шоке! Пришёл на работу, написал запрос и проверил Георгия по оперативным данным. Подтвердилось, что он действительно объект оперативной разработки «Горец». Объект знает, что он объект! Это вообще ЧП. Я с ним встретился ещё раз, и он мне подробно нарисовал схему, откуда берутся деньги и как моё начальство с ним их делит.

Я доложил генералу Трофимову: «Анатолий Васильевич, по-моему, у нас в управлении действует крыша по нефтяным делам. А меня в ней втёмную используют».

— Почему ты пошёл именно к нему?

— Во-первых, он руководил УБКК, то есть был прямым начальником Костюкова и Анисимова, и моим тоже. Во-вторых, в ФСБ Трофимов был, пожалуй, единственный, к кому можно было пойти, не опасаясь, что налетишь на одного из участников этой самой крыши — ведь Окроашвили сказал, что деньги через нас идут куда-то вверх. Простые опера Трофимова уважали как честного и неподкупного человека и профессионала высочайшего класса. Трофимов — легендарная личность. Ещё со времён КГБ за ним числились самые громкие экономические дела, такие как Елисеевский гастронорм, икорное дело и другие. Должен сказать, что во время моего конфликта с ФСБ и даже после пресс-конференции он был единственным из высших руководителей, кто меня не предал и не побоялся со мной общаться.

— А где он сейчас?

— Путин, став директором ФСБ, его выгнал, и при этом объяснил, что «пришла команда, в которую Трофимов не вписывается».

Когда я Трофимову доложил о том, что узнал от Окроашвили, он сказал: «Но это пока голословное обвинение. Дело «Горец» очень серьёзное. Ты можешь доказать, что Костюков связан с объектом?»

Встречаюсь с Окроашвили. Он говорит: «За то, что ты меня охраняешь, я тебе хочу заплатить». Я отказался. «Ну, правильно, — говорит он. — Твое начальство так и сказало: вам не давать, они сами дадут. Я сегодня передаю деньги Костюкову, там и твоя доля будет». Я доложил об этом Трофимову (разговор был записан на диктофон). Трофимов говорит: «Вот это уже интересно. Бери наружное наблюдение, езжай и

документируй».

Я взял бригаду, и мы всё сфотографировали. В пятнадцать ноль-ноль состоялась встреча Костюкова и Окроашвили у «Глобуса» на Арбате. Встреча объекта с одним из руководителей управления! Только этого достаточно для служебного разбирательства. Объект передал деньги. Костюкова задерживать, естественно, не стали.

Трофимов позвонил в наружное наблюдение и говорит: «Материалы не печатать, от руки и лично мне в конверте». Он придал этому делу повышенную секретность, так как неизвестно было, с кем связан Костюков в ФСБ. За подозреваемыми установили наблюдение. И тогда я впервые услышал фамилию Хохольков. Вся эта команда — Костюков, Ваганов, Хохольков — происходила из Узбекского КГБ. Их всех перевели в Москву, когда распался СССР. И вот что интересно, Хохольков среди них низший по должности — на четыре ступеньки ниже Костюкова, но все они бегали к нему советоваться. Он явно был у них за старшего.

— И чем закончилось?

— Костюкова уволили. Трофимов этого добился. Причём сказал:

«Вот мерзавец. Я с его отцом служил. И не знал, что сын — такая скотина». Трофимов-то сам помогал его в Москву перевести из Узбекистана. Ваганова переместили в Службу безопасности президента к Коржакову. Хохольков остался служить дальше. Против него лично никаких доказательств не было.

Восстанавливая в памяти этот период, я вспомнил ещё один странный эпизод, связанный с Вагановым. Нашему отделу было поручено провести задержание одного из преступных лидеров Узбекистана, уголовная кличка Салим. Получили оперативную информацию, что Салим вылетает в Москву. Собираемся на задержание. Ваганов спрашивает: «Вы куда едете?»

— «Салима задерживать». — «Кого, кого?» И убежал в кабинет, кому-то звонить.

Самолет прилетел. Все пассажиры вышли, а Салима нет. Самолёт обыскали — нет его. Похоже, Ваганов успел кого-то предупредить. Потом выяснилось, что самолёт завернули в воздухе. Посадили, Салим вышел, самолёт полетел дальше.

И я подумал, что команда «узбеков» в ФСБ, возможно, имеет гораздо более глубокие связи с криминальным миром, чем банальное получение «отката» от нефтяных махинаций Окроашвили.

Компромат в ГУОПе

— Из того, что ты рассказал, едва ли можно было предъявлять какие-то серьёзные обвинения Хохолькову.

— Верно, поэтому когда Волох поставил задачу собрать информацию по Хохолькову, я поехал советоваться к Платонову, своему бывшему начальнику отдела.

— Постой, его же выгнали из-за конфликта с Волохом. Тебя ещё заставили на него рапорт писать.

— Так точно, но мы с ним объяснились и остались в хороших отношениях. Так вот, Платонов рассказал мне следующую историю.

На Хохолькова, оказывается, был серьёзный компромат в ГУОПе. Существовала видеозапись оперативного наблюдения, где Хохольков был заснят на сходке криминальных авторитетов, деливших российский рынок наркотиков. У Платонова был источник в руководстве Московского РУОПа, и он ручался за достоверность этой информации.

Поток афганских наркотиков в Россию, а через неё на рынки Северной и Западной Европы контролируют несколько соперничающих преступных сообществ из бывших республик Средней Азии. Среди них к середине 90-х годов ведущую роль захватили узбеки — они получали товар от лидера Северных провинций Афганистана афганского генерала Абдурашида Дустума, узбека по национальности, который контролировал территорию, где произрастает 80 процентов наркосодержащих растений.

— Это который с американцами воюет против талибов?

— Да, сейчас он один из лидеров Северного альянса, но до терактов 11 сентября считался не союзником Америки, а бандитом, лидером наркомафии. И был он в прекрасных отношениях с узбеками, имел дом в Ташкенте и занимался наркобизнесом.

Главным партнёром Дустума был крупнейший узбекский преступный авторитет по кличке Гафур. А основным соперником был казахский авторитет по кличке Алмаз, который также контролировал таджикскую группировку (впоследствии убит в Испании).

Между этими группировками постоянно происходили трения, и время от времени авторитеты собирались на стрелку, чтобы по возможности договориться и избежать войны. Вот на одной из таких стрелок и «попал под технику» Хохольков. А техника была установлена агентом РУОПа.

Платонов рассказал, что на этой стрелке узбеки объявили таджикам,

что те должны платить им долю с прибыли за продажу и прохождение товара через Россию. Алмаз возмутился — слишком много, и непонятно за что. А Гафур ему в ответ, что, мол, мы держим в России общую для всех крышу, и что если Алмаз не согласится, то у него могут быть проблемы, потому что у узбеков, мол, в России всё схвачено. Завязалась перебранка, Алмаз спрашивает Гафура: «От кого это у нас будут проблемы, неужели от вас?»

И тут вперёд выступает Хохольков и говорит: «От меня у вас будут проблемы». И вот эту запись, по словам Платонова, держало у себя в сейфе руководство МВД.

«Коля, кому ты даёшь генерала?»

Параллельно я выяснил, что Хохольков имеет ресторан на Кутузовском проспекте, очень дорогой, дачу стоимостью в сотни тысяч долларов и много всего прочего. Плюс к этому известная история с проигрышем в казино.

— Это была скандальная история. Был депутатский запрос в Думе. А в чём было дело?

— По закону правоохранительные органы имеют право создавать предприятия в оперативных целях. Как говорится, хочешь поймать голубя, насыпь пшена. А если хочешь поймать бандита, надо насыпать денег. Есть специальные фирмы, которые служат наживкой для преступников. Одним из таких предприятий было казино в гостинице «Ленинградская» — там следили, кто с кем приходит, у кого какие деньги водятся и т. п. Так вот, в этом казино на видеозапись попал Хохольков, который в одну ночь проиграл сто двадцать тысяч долларов.

Депутат Думы и журналист Юрий Щекочихин, прослышав про это, написал депутатский запрос — правда ли, что полковник ФСБ проиграл такую сумму? Ну что было отвечать ФСБ? Не скажешь ведь, что неправда, если есть видеозапись? Они думали-думали да и сочинили сказку о том, что полковник не играл, а проводил оперативное мероприятие: входил в контакт с «объектом», иностранным бизнесменом. И эти деньги Хохольков промотал, чтобы показать, какой он богатый!

Все опера чуть не передохли со смеху: ну кто даст сто двадцать тысяч долларов на такое дело! И вообще, полковник, официальное лицо, будет работать по легенде как бизнесмен? И ведь могут же придумать, когда хотят. Что-что, а врать — мастера!

Всю собранную информацию я принёс Волоху. Рассказ Платонова о видеоплёнке в РУОПе можно было проверить, только выйдя на самый верх. Волох сказал: — Тебе симпатизирует Трофимов. Попробуй обратиться к нему».

— Трофимов по-прежнему был начальником УБКК?

— Нет, к тому времени он уже был генерал-полковник, начальник Управления ФСБ по Москве и области. И заместитель директора ФСБ.

Незадолго до этих событий сняли Барсукова, и директором ФСБ поставили Ковалёва. А известно было, что Ковалёв в хороших отношениях с Трофимовым, уважает его и даже вроде почитает своим учителем. И я

решился на разговор с Трофимовым.

Выслушал меня Трофимов и говорит: «Пошли к Ковалёву».

Пришли. Рассказали. Трофимов говорит Ковалёву:

— Коля, кому ты даёшь генерала! Кого ты ставишь на управление!

А тот оправдывается: «Ты понимаешь, Толя, он очень ценный кадр, после Чечни пользуется поддержкой в верхах. Ведь я здесь не один, есть решение предыдущего руководства, Ельцин уже подписал, я ничего не могу сделать».

Вышли мы из кабинета. Анатолий Васильевич посмотрел на меня выразительно, мол, что с него возьмёшь, пятёрочник, начальству в рот смотрит (то есть из Пятого, политического управления КГБ). Вдохнул и пошел.

А я вскоре после этого говорил с одним офицером из Управления собственной безопасности. Он покрутил пальцем у виска: — Нашли к кому ходить. Хохольков отстёгивает самому Ковалёву. Мы несколько лет вели на него оперативное дело. Ковалёв, как только стал директором, его к себе забрал. И тут же велел дело закрыть».

Генерал Женя

А вскоре после этого я получил приказ о переводе в УРПО под начало Хохолькова.

— Могу себе представить, что ты чувствовал.

— Что я мог сделать? Приказ есть приказ. Ковалёв мне лично зачитал приказ у себя в кабинете. Не мог же я ему сказать: —Нет, товарищ генерал армии, я не согласен работать с Хохольковш». Он ведь прекрасно знал, что я о нём думаю, и наверное сделал это специально. Он мне даже сказал: «О том, что вы мне приносили по Хохолькову — забудь. Нет там ничего».

— Ты думаешь, Ковалёв сообщил твоему новому начальнику, что ты собирал на него материал?

— Нет, конечно. Иначе тот меня не взял бы в своё управление. И не стал бы давать чрезвычайно деликатное поручение — моё первое задание в УРПО. Как только я приступил к выполнению этого поручения, тут же подтвердились связи Хохолькова с наркобизнесом.

Хохольков попросил меня установить, то есть дать оперативный материал — адрес, телефоны, контакты, передвижения — на Нанайца. Это был уголовный авторитет, зафиксированный среди посетителей казино Ленинградская». Я вышел на некоего Сеницу, который, как мне сказали, знал, как найти Нанайца. Сеница — опер, тоже легендарная личность, хорошо известен как модельер. На самом деле он сотрудник ГРУ.

Я начал проверять Сеницу, а тот, естественно, меня. Только после длительных маневров между нами установилось доверие, и Сеница сказал, что Нанайца можно найти. Но сперва хотел знать, для чего он нужен, и проверить мои полномочия. Я доложил Хохолькову, что установил местонахождение Нанайца. Но прежде, чем двигаться дальше, нужно эту разработку официально оформить как оперативно-розыскное мероприятие. Хохольков говорит: «Узнай, где Нанаец, и доложи. Документов не составлять, никому, кроме меня, об этом не докладывать — только устно и мне лично».

Встретился с Сеницей. Тот говорит: «Ты что-то темнишь. А Нанаец боится, знаешь, он всё время в движении. За ним ведь один тип из ФСБ охотится. Может быть, ты даже его знаешь». Спрашиваю, что за тип. Сеница: «Есть такой генерал по имени Женя. Здоровый такой». А Хохольков «здоровый», и зовут его Евгений.

Спрашиваю: «А почему генерал ищет Нанайца?» — «А потому, что

Женя через своих людей из Узбекистана передал Нанайцу большую партию наркотиков. Нанаец наркотики отдал на реализацию, но его кинули. А сейчас Женя требует, чтобы Нанаец отдал двести тысяч долларов этим людям из Узбекистана. Тот считает, что если наркотики продавали сообща, расплачиваться тоже должны вместе. Кинули ведь обоих, и не по вине Нанайца».

Про наркотики и про контакт с Синицей говорить Хохолькову я, естественно, не стал. Пришёл и доложил: «Нанайца трудно найти, он всё время передвигается. Но можно провести комбинацию: встретиться с ним и передать его под наружку». Хохольков говорит: «Это хорошо. А как ты на него вышел?» Я говорю: —Через агента». Хохольков: «А что за человек?» Я объяснил: «Ну, это человек, с которым я познакомился в казино «Ленинградская»». Хохольков заволновался: «Так, всё! Больше по Нанайцу не работай. А этому человеку скажи, пусть Нанайцу передадут: приедут люди из Узбекистана, он должен вопрос закрыть».

То есть всё подтвердилось: люди из Узбекистана, наркотики, деньги.

Впоследствии, в 1998 году, когда я давал показания в отношении своего руководства, я сообщил об этом эпизоде прокурору. Получил ответ: Синицу допросить невозможно, потому что он уехал за границу.

Выхожу из прокуратуры, а на улице меня ждёт Синица и говорит: «Ты зачем меня втравливаешь в это дело? Почему ты дал показания в прокуратуру? Если ты сумасшедший, то я — нет. Я, говорит, выяснил, кто был этот Женя. На меня Хохольков сам вышел, и я встретился с людьми из Узбекистана. Это убийцы. У них глаза стеклянные. Я не собираюсь класть голову на плаху. Ты что, дурак? Да они бандиты. Все ваши генералы — бандиты. Ты что, об этом не знаешь?»

Вертикаль власти

— Непонятно, почему РУОП, если там действительно была плёнка с Хохольковым, не передал её в прокуратуру?

— Наивный человек! Эта плёнка нужна была — и была использована совсем для другого. В то время шла война между ФСБ и РУОПами, и та плёнка стала тайным оружием в этой войне. Вот, послушай.

Вызвал меня Гусак, который в УРПО стал моим непосредственным начальником, и попросил поговорить с коммерсантом Алёхиным, директором магазина в районе трёх вокзалов — недалеко от метро Красносельская. У Алёхина, мол, проблемы.

Как мы поняли, это был личный заказ генерал-лейтенанта Соболева, первого заместителя директора ФСБ. Алёхин позже рассказал, что у него была в том магазине доля.

У Алёхина действительно были проблемы. Соболев спрятал его от бандитов на конспиративной квартире. Эта квартира принадлежала Ассоциации ветеранов отряда «Витязь», руководитель которой, Мирзоянц, впоследствии был обвинён в убийстве Холодова. Я туда приехал, и Алёхин мне поведал свою историю.

Когда открылся магазин, хозяева поставили его директором. Начал работать. Через некоторое время к нему пришли и сказали, что эта территория контролируется, и он должен платить. Алёхин отказался.

На следующий день явились несколько человек, посадили его в машину, привезли на улицу Обручева. В полуподвальном помещении за столом сидел человек. Он вытащил удостоверение и сказал: «Я полковник Московского РУОПа, фамилия моя Юршевич. Я начальник СОБРа, и ты будешь нам платить, иначе у тебя будут проблемы». Алёхин согласился: «Если вы милиция, тогда конечно». И начал им давать по пять тысяч долларов в месяц.

Через какое-то время они приехали снова и говорят: «Давай по семь». Алёхин стал им по семь платить. Потом подняли мзду до девяти тысяч. Алёхин платит. Дошли до пятнадцати. Тут Алёхин взвыл: «Я горю!» Но они только разозлились: «Ах так, у нас такой же магазин, как твой, платит пятнадцать тысяч. Значит, врёшь, утаиваешь прибыль. За это нам не только будешь по пятнадцать платить, но ещё сорок пять тысяч с тебя штраф».

Алёхин всё твердит — столько не смогу. Тогда ему говорят: «Значит, плохо занимаешься бизнесом. Мы тебя увольняем».

Они выгнали Алёхина и директором магазина поставили жену руоповца. И она начала там командовать, безо всяких документов, без ничего. В общем, сплошное самоуправство.

А к Алёхину ворвались домой и потребовали сорок пять тысяч долларов. Избили, отобрали золотые вещи жены, документы на дачу, на машину и уехали. Тогда Алёхин и прибежал к Соболеву.

Мы начали устанавливать этих бандитов. Когда задержали первого, оказалось, что это действительно люди из охраны Юршевича. Стали копать дальше, и выяснилось, что это представители рязанской преступной — группировки. Причём один из них в розыске за совершение убийств. И этот человек спокойно разъезжает по Москве с удостоверением сотрудника Министерства юстиции, числится в охране начальника СОБРа Московского РУОПа. И занимается рэкeтом.

Мы начали документировать преступление в отношении Алёхина, устанавливать машину, на которой приезжали бандиты. Выяснилось, что она на спецучёте, и данные на неё невозможно получить. Сказали, что информация находится в личном сейфе начальника ГБДД России Фёдорова. Что ж, добрались и до него. И тут выяснилось, что машина числится за подкрышной руоповской коммерческой фирмой. Машина, напомним, с мигалками, служебная, со спецталоном — без права досмотра. Мы разыскали фирму. Приехали. Постучали. Дверь открыл охранник. Лицо грузинской национальности, в Москве без прописки, без регистрации. Проникли в соседнюю комнату, а там хозяин фирмы и при нём две девчонки — одна несовершеннолетняя, другая постарше. Обе сильно избитые. Стали говорить, что хозяин фирмы насилует их уже двое суток.

Вызвали местную милицию, начали производить досмотр, нашли документы на машину. Я спросил, где автомобиль. Хозяин отвечает, что забрали за долги. Вот с таким я встретился впервые — чтобы милицейскую машину со спецталоном забрали за долги. Мы этого человека привезли в отделение милиции, возбудили на него уголовное дело. Девчонки написали заявление, что их изнасиловали. Кроме того, мы нашли целую пачку паспортов молодых девушек. Я позвонил по нескольким адресам и выяснил, что они все числятся как пропавшие без вести.

— Избиение Алёхина, вымогательство у него денег, спецмашина, отнятая за долги, — всё это соединяла фамилия Юршевич?

— Да. Дальше события развивались так. Приходит в отделение милиции один известный московский адвокат, но вместо того, чтобы заниматься своим задержанным клиентом, рассказывает нам, что Юршевич уже в течение трёх лет заставляет его оказывать юридические услуги своим

подкрышным фирмам и не платит денег. Более того, втягивает его в преступную деятельность. Адвокат рассказал, что эта банда состоит из руоповцев, и привёл конкретные эпизоды их преступной деятельности. А потом начал давать показания на Климкина, начальника Московского РУОПа, и на руководство МВД. Следователь сидел бледный: «Увези его к себе на Лубянку. Я тебе дам отдельное поручение. Допроси его там. Я боюсь».

Я увёз адвоката на Лубянку и под кинокамеру допросил. Он рассказал многое. Что эта банда орудует несколько лет, что работают вместе с солнцевскими. Назвал мне несколько эпизодов.

Команда Юршевича работала с бандой некоего Минды и с бандитами в Брянской области. Один раз они взорвали машину директора фарфорового завода — делили предприятие. В другой раз выезжали на разборку, где произошла перестрелка у ресторана на центральной площади в одном из городов на Брянщине. С той разборки привезли раненых в Москву, лечили их в одном доме. Мы нашли этот дом, провели обыск. Оказалось, что это — подпольный публичный дом. Гинекологический кабинет, баня, небольшой танцевальный зал. Стали изучать клиентов и выяснили, что это место отдыха руководства Московской милиции, РУОПа и Министерства внутренних дел. Там они и отдыхали, утомлённые борьбой с преступностью.

— Кто дал эти показания?

— Смотритель бани. И адвокат.

Ещё он рассказал одну смешную и одновременно драматическую историю. Похитили эти люди человека из Обнинска. Он занимался сахаром, задолжал большие деньги. Так вот, они просто взяли и увезли его вместе с машиной в Москву. И оставили телефон родственникам! Мол, когда соберёте деньги — звоните. Тёща похищенного пришла в Обнинске в РУОП и заявила: «Украли зятя и вымогают деньги». Обнинский начальник установил номер, который оставили преступники, и оказалось, что это телефон Московского РУОПа. Позвонил, а ему сам Юршевич заявляет: «Он у нас будет сидеть, пока вы деньги не заплатите. Он заложник». Самое смешное в том, что крышей у заложника был как раз Обнинский РУОП. Менты начали деньги собирать за него. Собрали, и на границе Московской и Калужской областей состоялась передача выкупа в обмен на заложника. А машину так и не отдали.

Выслушал я эти рассказы адвоката и говорю: «Понимаешь, получается, что ты втянут в бандитскую деятельность». Он сразу всё понял: «Я напишу заявление, если вы возьмёте меня под охрану».

Его информация требовала проверки. Я отправил шифровки, и отовсюду пришли ответы, что да, всё подтверждается: и перестрелки были, и директора взрывали, и человека похищали.

Я установил, где сидели эти бандиты. Выяснилось, что приютили их в Лебяжьем переулке, в офисе ЛДПР. Там у них место дислокации. Я предложил делать обыск. Они же чрезвычайно опасны, бандиты с удостоверением Министерства юстиции. Доложил Хохолькову, начальнику УРПО. Тот запретил: «Ты что, с ума сошёл? У Жириновского обыск? Это же наш человек, из спецслужб. Не вздумай даже близко подходить к ЛДПР».

— Он официально запретил делать обыск?

— Официально сказал: «Нет».

— А ты с Юршевичем сам встречался?

— Нет, Юршевича не дали задержать. Он и сейчас ещё в розыске находится. Где-то в Турции живёт. Его никто особенно и не ищет. Так что вся работа, считай, даром пропала. Мы организовали засаду, одного бандита рязанского, Кузнецова, задержали. Его осудили на двенадцать лет. Больше никого не нашли, потому что нам работать не дали.

— Следы увели наверх?

— Конечно, потому что стали выплывать большие имена. Хохольков сказал: «Хватит, уже вышли на начальника Московского РУОПа Климкина. Хотите поспорить Ковалёва с министром внутренних дел? Я тебе приказываю: не вздумай лезть в МВД».

Но мы тихо продолжали работать. Я установил, где проживал Юршевич. У него было две квартиры в центре — хорошие, по полмиллиона долларов каждая. Огромный особняк под Москвой, шестисотый «Мерседес», на котором он ездил на работу, ещё одна дорогая иномарка для жены и джип для поездок на охоту. Мы недвижимости у него насчитали миллиона на три.

— Он её не скрывал?

— А что скрывать? Он — начальник Московского СОБРа! Считал, ему положено жить на широкую ногу.

Я собрал все материалы. Все доказательства у нас были. Мы имели перестрелку, взрыв, похищение заложника, сокрытие преступлений, рэкет, вымогательство, разбойное нападение.

Я передал материалы в Генеральную прокуратуру, Специально выбрал момент в отсутствие Хохолькова — он был на больничном, и взял подпись у его заместителя, который уже уходил на пенсию. Тот подписал всё и говорит: «Неси».

Как только материалы пришли в Генеральную прокуратуру, мы поставили на контроль телефон руоповцев. И слушали...

Один звонит другому: «Осипов (первый заместитель начальника Московского РУОПа Климкина) приказал быстро деньги собрать на подарок одному из руководителей в МВД. По штуке с коллектива». То есть с каждого отделения милиции. Если в московской милиции около ста отделений, то сто тысяч получается. Один начальник милиции не успел деньги вовремя сдать, и его так понесли: «Вы что, с коммерсантов получить не можете? Совсем сдурели. Штуку баксов не можете взять». Такие вот разговорчики в строю! Они деньги в открытую собирали.

Позже мы установили, что Осипов крышует дагестанскую преступную группировку, а те — все московские овощные рынки, включая розничную продажу наркотиков. Наркотики поступали из Центральной Америки в ящиках с бананами. А поставки бананов кредитовало правительство Москвы.

За короткое время эта разработка выявила широкомасштабную криминальную сеть, в которой Московский РУОП по сути сросся с межрегиональными преступными сообществами. Как и опасался Хохольков, нити вели в руководство МВД. Поступила оперативная информация, что Климкин платил деньги помощнику министра внутренних дел Владимиру Семёновичу Овчинскому, позже ставшему начальником российского бюро Интерпола. А тот деньги передавал лично министру внутренних дел Куликову.

— Вы что, проверяли должностных лиц государства, министра внутренних дел?

— Нет, у нас руки были коротки, реализовать ничего не дали. И потом я работал тогда не с коррупцией, а с уголовными бандами, и поэтому официально сфера моей деятельности заканчивалась на пороге МВД. Но когда мы вышли на эту шайку, то фактически подняли планку. Начали с фирмы, где насиловали девчонок, добрались до Московского РУОПа и упёрлись в министра внутренних дел. Такая вот вертикаль власти.

И вот тут всплыла плёнка с узбеками. Два заместителя начальника РУОПа пришли в приёмную ФСБ и потребовали встречи с Хохольковым. Но поскольку его не было, встретились с его правой рукой — заместителем начальника УРПО генералом Макарычевым. Ему бьио сказано:

«Остановитесь, успокойтесь, мы на вас тоже материал имеем. Зачем это нам надо, войну устраивать». И прокрутили ту плёнку. И ещё одну, где Хохольков от Гафура деньги получает.

Прибежал с больничного Хохольков, вызвал меня и кричит: «Я с

клизмы слез. Ты что сделал? Зачем пошёл в прокуратуру? Быстро оттуда материалы забрать!» Я говорю: «Как я их заберу? Не имею права». — Ладно, — говорит, — иди отсюда».

Они быстро составили запрос, материалы были забраны из Прокуратуры и переданы заму Хохолькова Камышникову. А тот их отправил в... РУОП! Видимо, для того, чтобы менты расправились с теми, кто дал на них показания.

Эти материалы я больше не видел. Все преступники, которые проходили по делу, остались на свободе. Нигде никаких обысков не провели. Наворованное осталось у воров.

— Но ведь Климкина сняли.

— Климкина сняли позже, и за другие грехи, когда министром МВД стал Рушайло. А пока Куликов был министром, Климкина никто тронуть не смея.

Справка для Путина

— Из твоего рассказа следует, что твои отношения с начальством в УРПО, мягко говоря, не сложились. Сколько времени ты там проработал?

— Со дня моего поступления и до того момента, как мы подали заявление на руководство УРПО в прокуратуру, прошло ровно шесть месяцев.

— За это время ты два раза убеждался в «узбекских» связях Хохолькова — в историях с Нанайцем и с Юршевичем. Ты что-нибудь сделал с этой информацией?

— А что я мог сделать? Ковалёв сказал — забудь про Хохолькова. Трофимова Ковалёв снял с Московского управления и вывел за штат, было ясно, что его влияние уменьшилось, и рассчитывать на его помощь бесполезно. А влияние Хохолькова между тем росло.

Я тем не менее продолжал отслеживать узбекские контакты в Москве и даже добыл у своего друга в УСБ оперативную справку на «узбеков». Но никому её не показывал. Мне, кстати, сам Трофимов сказал: «Саша, смотри, будь осторожен. Всё куплено. Я тебе не советую регистрировать свою агентуру или протоколировать информацию, если не хочешь её расшифровать».

Первый, кому я показал эту справку, был Путин, когда его назначили директором ФСБ. Говорили, что к этому был причастен Березовский, который пожаловался то ли Ельцину, то ли Татьяне Дьяченко.

— Ты передал материалы в руки Путина?

— Мы встречались с ним в 1998 году, сразу после его назначения. Березовский организовал эту встречу. Это было уже после того, как мы получили от наших начальников приказ ликвидировать Березовского и написали об этом заявление в прокуратуру. Березовский мне сказал: «Иди к Путину и расскажи всё, что знаешь. Я этому человеку доверяю. Думаю, он всё поймёт, это умный человек».

Дня через два-три Березовский перезвонил:

— С Пуганым встретились?

— Нет. Меня никто не вызывал.

Он дал мне телефон помощника Путина. Я позвонил, тот сказал: «Да, Владимир Владимирович вас ждёт. Мы вас ищем два дня. Нам отвечают, что такой сотрудник не служит».

Я говорю: «Я вот есть». Он: «А когда вы можете прийти?» — «Как

скажете», — отвечаю. На следующий день у нас состоялась встреча. Я принёс большую схему, на которой вся известная мне организованная преступность была расписана.

Основные бандитские группировки, наиболее опасные. От них были выведены стрелки к коррумпированным связям в государственных учреждениях, в МВД, в ФСБ, в налоговой полиции. Вниз шли стрелки к коммерческим фирмам, через которые отмываются деньги.

— Эту схему ты показал Путину?

— Для него и делал. Кроме того, дал справку по узбекской группировке. Там значились «филиалы» в России, Америке, в Афганистане, а также связи с нашими генералами ФСБ, с руководящими лицами в МВД. Было указано, что они занимаются незаконным оборотом наркотиков. И что наркотики идут от генерала Дустума из Афганистана.

Помимо чисто криминальных связей, узбекские контакты в Москве выходили на высший круг государственных чиновников. Была оперативная информация, что Сергей Ястржембский построил себе дачу на Соколиной Горе на деньги Гафура, которые переводились через Алишера — доверенное лицо Гафура в Москве. Когца Ястржембский был послом в Словении, то сдавал свою квартиру этому Алишеру за пять тысяч долларов.

По оперативной информации УСБ Алишер был близким другом Ястржембского, Хохолькова и Андрея Кокошина, бывшего замминистра обороны и секретаря СБ. Жена Алишера, старший тренер сборной по гимнастике, ждала его из тюрьмы восемь лет. Через неё шла связь с Шамилем Тарпищевым и еще одним министром — спорта, Иванюженковым, членом подольской преступной группировки, уголовная кличка Ратан.

Его, министра, в США не пустили.

Кроме этого, Тарпищев был в близких отношениях с вором в законе Аликом Тахтауновым, уголовная кличка Тайванчик. Сам Тайванчик — выходец из Узбекистана, с Хохольковым в Ташкенте в одну школу ходили. Вот и близкая связь — Гафур, Алишер и Хохольков. Тайванчик был смотрящим узбекской группировки в Европе. А в Америке эту роль выполнял Иваньков (Япончик), пока его американцы не посадили. По оперативным данным, с Тайванчиком и Япончиком имели неслужебные контакты близкие к Коржакову офицеры СБП. Вот и получается схема: Гафур с Тайванчиком, Тайванчик с Тарпищевым, Тарпищев с Алишером, Алишер с Ястржембским, Ястржембский с Гафуром, а между ними офицеры спецслужб. Одно слово, вертикаль. Всё это было в той справке, что я принёс Путину.

Путина больше всего заинтересовали связи Ястржембского. Он мне сказал: «Да-да! У меня тоже есть информация по Ястржембскому». И мою оперативную справку забрал себе. И назначил Ястржембского своим помощником.

— Расскажи подробнее, как проходила встреча.

— Я был у Путина не один. Со мной пришли полковник Шебалин и, по-моему, майор Понькин. Но Путин принял меня одного. Он вышел из-за стола, поздоровался. Видимо, хотел показаться открытым человеком, располагающим к себе. У нас, оперов, особый стиль поведения. Мы друг с другом не раскланиваемся, обходимся без любезностей — и так всё ясно. Посмотрим друг другу в глаза, и сразу понятно, можно верить или нет. И вот у меня сразу сложилось впечатление, что он неискренний. Он больше напоминал не директора ФСБ, а человека, который играет директора. Я открыл перед ним схему. Он сыграл лицом, что вроде как просмотрел её. Но эту схему нельзя просмотреть за три минуты. Он говорит: — «Да, да. Я понимаю. А это что? А это?»

Он больше напоминал партийного работника, который всю жизнь работал в сельском хозяйстве, а тут его привели на металлургический завод. Он спрашивает: «А это что?» Ему объясняют: доменная печь. Что ещё может спросить руководитель, глядя на доменную печь?

Так и Путин, глядя на схему, начал спрашивать: «А это что? А это?» И сейчас, оценивая эту встречу, я понимаю: либо он не знает оперативной работы, раз такие вопросы задавал, либо прикидывался, что её не знает. Я спросил: «Вам оставить её?»

— Нет, нет, не надо. Спасибо. Заберите.

— На том всё и кончилось?

— Ещё я Путину дал список фамилий и сказал: вот люди, которых я хорошо знаю и которые готовы бороться с коррупцией. Первым в списке стоял Трофимов. Я предложил ему создать вертикаль — от директора до оперативного работника. Попробуем хотя бы взять ситуацию под контроль. Установим наиболее коррумпированных лиц в высших эшелонах власти, их связи с преступниками.

Путин со всем соглашался, список оставил. Справку про узбекскую группировку взял. Попросил домашний телефон. Обещал позвонить, но не позвонил. Позже, из материалов уголовного дела мне стало ясно, что сразу после этой встречи Путин приказал продолжить слежку за мной.

— А Трофимов знал, что ты дал его фамилию Путину?

— Нет, впоследствии я пожалел, что дал его фамилию Путину. Он меня об этом не просил, и я боюсь, что я невольно ускорию его судьбу. Наш

последний разговор состоялся незадолго до этого, на следующий день после назначения Путина. Трофимов меня позвал и говорит: «Передай Березовскому, что они там, в Кремле, с ума посходили?! Зачем они его поставили? Они не понимают, что происходит в Питере, это же бандиты!»

— Ну и что ты сделал?

— Передал.

— А Березовский?

— А он не согласился с такой оценкой. Знаю, что Трофимов после этого с ним встречался. О чём они говорили, мне неизвестно, но перед тем, как идти к Путину, я спросил у Березовского: «А как насчет предупреждения Анатолия Васильевича?» Березовский сказал: «Я с ним не согласен. Иди, — говорит, — к Путину, я ему верю». Я сходил, рассказал.

— Думаешь, Березовский сейчас жалеет, что поддерживал Путина?

— Это ты у него спроси. Но я думаю, что если бы я исполнил приказ руководства убить Березовского, то Путин президентом России точно бы не стал.

Общие деньги

Вскоре после этого меня начали увольнять из ФСБ. И тогда мой бывший начальник по Антитеррористическому центру генерал-лейтенант Иван Кузьмич Миронов пошёл к Путину за меня просить.

— А зачем было Миронову за тебя просить?

— Это особая история, потом расскажу. Так вот, вышел Миронов от директора и говорит: «Александр, я тебе не завидую — там общие деньги». Что он имел в виду? Тогда я не понял. Сейчас думаю, что он имел в виду Хохолькова, его дела с узбекской группировкой и контрабанду афганских наркотиков.

Это понимание пришло позже, уже когда я вышел из тюрьмы. Я узнал, что взаимоотношения Пута с командой Хохолькова уходят корнями в питерский период, когда Путин работал вице-мэром по экономике у Собчака.

Один мой доверенный в те годы находился в близком окружении Путина. И имел контакты с уголовной средой Петербурга. Когда Собчак проиграл выборы, Путина выгнали со всех постов. Он очень переживал. Доверенный мой встретился как-то с ним в ресторане, и Путин посетовал, что он на мели. К тем деньгам, что у него были припрятаны, он боялся подойти: за ним следили. МВД тогда кинулось сажать всю прежнюю власть в Питере, на Собчака завели уголовное дело.

В тот вечер мой доверенный — звали его Давид Двапи — дал ему две тысячи долларов. Позже, когда Путин стал президентом, Давида сделали его помощником по экономике.

Хотя Давид был моим доверенным, я с ним активно не работал, так как у меня не было дел в Питере.

Но когда я вышел из тюрьмы, мы с ним встретились. Он сказал:

— Путин тебя будет давить, и никто не поможет. Он тебя задавит, потому что они по Питеру работают с узбекской командой. Путин уже давно кормится от этих ребят. Там общие деньги, и они тебя придушат.

«Общие деньги» — точно те же слова, что и Миронов сказал до этого. Давид прямо говорил, что Путин связан с уголовщиной. Я ему не поверил: «Да ты что? Ведь он — Президент». Давид улыбнулся:

— Он же металлом занимался в начале 90-х годов. Лицензии выдавал на вывоз. Ты сколько по линии организованной преступности работал? В начале 90-х годов можно было хоть килограмм металла вывезти из страны,

минуя бандитов?

— Нельзя, — говорю.

— Да бандиты бы поезд под откос пустили, если бы он без них эти дела проворачивал. Сейчас ничего не вывезешь, если не заплатишь, а тогда и подавно. Это сейчас всё под крышей ФСБ, милиции. А тогда всё было под крышей бандитов.

Мы сидели в ресторане с тремя знакомыми, и Давид говорил о Путине в их присутствии:

— Очень быстро Володя полюбил власть. Ты смотри, Ельцин когда ездил, только половину дороги перекрывали. А Володя едет — всю дорогу очищают. Он не тот человек, которому можно власть давать. У него нет политических навыков и какой-то другой способ мышления. Про Ельцина можно говорить всё, но он был — политик. А Путин — нет. И он опасен для власти.

Давид выпил, и его понесло. А за столом сидел человек, который контролировал меня от ФСБ...

— Ты ему никакого сигнала не подал?

— А какой сигнал я ему подам? Потом уже ему сказал: «Ты чего несёшь? Проблемы нужны? Завтра на Лубянке будут знать, что ты мне рассказываешь».

Потом моего Двали застрелили. Через две недели после этого разговора. Я узнал об этом по телевизору: убит помощник президента по экономике. Говорили, будто встречный велосипедист застрелил. Прямо в глаз попал. Написали, что из-за его коммерческой деятельности. Одна из версий. Но я знаю, что никаким бизнесом Давид не занимался. Да и пойми: помощников президента просто так не убивают.

— Из того, что ты говоришь, вытекает, что ты обвиняешь Путина в том, что он лично связан с контрабандой афганских наркотиков в Россию и Европу? Тебе не кажется, что это слишком?

— Я никого не обвиняю. Я не прокурор, а опер. Я анализирую оперативную информацию. В чём она состоит?

Первое: два независимых источника сообщают, что у некоего гражданина П. — «общие деньги» с неким Хохольковым из ФСБ. Одного из источников убивают, как только ФСБ становится известна его связь со мной.

Второе: Хохольков крышует узбеков — поставщиков афганских наркотиков в Россию. При этом живёт как миллионер, имеет возможность проиграть за одну ночь больше ста тысяч долларов.

Далее: гражданин П. прикрывает Хохолькова и прессует его

оппонентов. Он также прикрывает некоего Ястржембского, своего близкого сотрудника, который получает деньги от тех же узбеков.

Далее: гражданин П. не может не знать, что Хохольков и Ястржембский связаны с наркобизнесом, то есть его не используют втёмную. Более того, когда совершались преступления, гражданин П. сидел на ключевой позиции в крупном северном городе, который уже триста лет называют окном в Европу». Известно, что этот город — перевалочный пункт на пути афганского товара на западные рынки.

У меня, как у опера, возникают вполне обоснованные подозрения в отношении гражданина П. — что он является участником той же банды. Что здесь необычного? Такие вещи происходят сплошь и рядом. Тебя удивляет, что гражданин П. оказался президентом Российской Федерации? Меня тоже. Но ведь в то время он не был президентом. Он был всего лишь вице-мэром Питера. Если я тебе скажу, что вице-мэр, например, Екатеринбурга замешан в подобном деле, ты удивишься? Нет. Такое будет в порядке вещей.

Более того, добавлю, что сегодня не только гражданин П. пошёл вверх и сидит в Кремле. За три года так же сильно поднялся статус первичных поставщиков товара — боевиков генерала Дустума. Теперь они называются Северным альянсом и участвуют в борьбе с международным терроризмом, совместно с гражданином П.

Другое дело, что данные против гражданина П. основаны на оперативной информации и должны быть проверены. Если бы гражданин П. не был президентом, то я не стал бы это публиковать, а завёл бы на него оперативное дело. И если бы мои подозрения подтвердились, то через год он оказался бы за решёткой. Но он — Президент, и проверить эти факты обычным путём невозможно, к тому же он — лицо нации, и спрос с него другой. Он должен отвечать на эти вопросы перед общественностью. Но для начала я хочу посмотреть, что будет с той газетой, которая эти вопросы опубликует.

Глава 5. Большая война

Взрыв у «ЛогоВАЗа»

— Твой конфликт с ФСБ совпал с «Большой войной» между спецслужбами и крупным бизнесом — олигархами. Можно сказать, что ты был активным участником этой войны. Ты начал свой путь в святая святых ФСБ — в оперативных подразделениях центрального аппарата, а закончил — в Лондоне, в команде опального олигарха. Когда и как ты сделал этот выбор?

— Такого выбора я не делал. Я выбирал другое: совершать преступления или нет, выполнить свой долг или смириться, остаться самим собой или потерять к себе уважение. И было это не один раз на протяжении всей моей службы в ФСБ. А дальше все происходило само собой — шаг за шагом, постепенно. То, что я оказался там, где оказался, — это следствие, а не причина всех этих шагов.

— А как вы познакомились с Березовским?

— С Березовским я познакомился в 1994 году после взрыва на Новокузнецкой улице. Он в тот день выезжал на «Мерседесе» из дома приемов своей фирмы «ЛогоВАЗ». Перед домом была припаркована машина «Фольксваген Гольф» красного цвета, снаряженная взрывчатым веществом. Когда из ворот выезжал «Мерседес», раздался взрыв. По счастливой случайности Березовский не пострадал. В тот день шел дождь, и он сел не на свое обычное место. Ему только обожгло лицо, а телохранителя искалечило, водителю же оторвало голову.

На трамвайной остановке, которая находится поблизости, многие люди получили ранения. Это был серьезный террористический акт, едва ли не первый в Москве. Я в ту пору работал в Федеральной службе контрразведки по линии бандитских формирований, деятельность которых сопряжена с особо опасными формами насилия. По взрыву у «ЛогоВАЗа» был издан специальный циркуляр Степашина (в то время директора ФСК) — всем подразделениям, занимающимся оперативной работой, всем без исключения, вне зависимости от линии работы, осуществить розыск лиц, совершивших этот террористический акт. А также проинструктировать агентуру на выявление лиц, возможно, причастных к этому.

Фамилия Березовского и его фирма проходили по одному делу, которым я занимался. У меня был агент с псевдонимом Александр. На одной из встреч он сообщил мне, что в Москве действует банда Петросяна

(уголовная кличка Зверь), которая занимается убийствами и взрывами. Он также рассказал, что видел на квартире у одного члена банды, Ермолинского (кличка Метис), взрывное устройство и автомат Калашникова. Агент дал мне их домашние телефоны, адреса, номера машин, которыми они пользуются. Очень скоро были установлены участники банды. Все они были неоднократно судимы. Костяк банды состоял из лиц, в свое время вместе сидевших в одной из колоний строгого режима, недалеко от города Соликамска.

Мы нашли несколько фирм, которые они рэкетировали. Короче, за полтора месяца банда была практически вся установлена и вскоре арестована. Моя группа осуществляла оперативное сопровождение этого уголовного дела...

— А какое отношение все это имело к Березовскому?

— По оперативным данным, банда Петросяна давно пыталась внедриться в «ЛогоВАЗ». Было установлено, что Петросян имеет хороший контакт с кем-то из заместителей Березовского либо их родственников. Мы выяснили, что у одного из близких сотрудников Березовского брат сидел по экономической статье в Соликамске, вместе с Петросяном и другими членами банды. И Петросян, по словам моего агента, как-то сказал: «Вот войдем в «ЛогоВАЗ» и будем иметь хорошие деньги».

А после взрыва, незадолго до ареста Ермолинский (Метис) сказал агенту: «Начудили с Березовским, пора гаситься». То есть временно затихнуть. Вот у меня и возникла версия, что банда Петросяна имела какое-то отношение к взрыву.

На одном из допросов Метис подтвердил, что говорил: «Мы начудили с Березовским». Но категорически отказывался от причастности к этому взрыву. Тем не менее мы приняли решение продолжить эту линию. Когда я все собрал и проанализировал, то понял, что надо узнать соображения самого Березовского. И я пригласил его в приемную ФСК на беседу.

Когда мое руководство узнало об этом, поднялся невероятный шум. Меня вызвали к первому заместителю начальника Управления по борьбе с терроризмом.

— Березовский тогда занимал какую должность?

— Никакой — он был коммерсант.

— Но уже имел вес в обществе.

— Правильнее будет сказать — вес имел, но в обществе не был еще известен.

Кстати, я тогда его проверил по оперативным учетам. Ни агентом, ни объектом органов госбезопасности он никогда не являлся.

Итак, начальство вызывает меня и требует план беседы. Хотя никто никогда такого плана не писал, этого вообще в инструкциях нет. Я изложил, о чем будет разговор.

Начальство было напугано: «Ты понимаешь, что сделал? Березовский — друг Черномырдина, и нам теперь всем конец».

— Но я же по закону обязан его вызвать, — говорю. — На него покушались! Там люди погибли!

В общем, мне дали санкцию на беседу, хотя и были недовольны.

Березовский ко мне приехал. Был чуть подшофе. Я начал задавать вопросы. «Что вы думаете о взрыве? Кто мог это совершить? Кто ваши заместители? Какие у вас с ними отношения?»

— Он ничего не знал про планы Петросяна?

— Нет. Я ему не говорил. Хотел его послушать.

Сам он полагал, что это был политический заказ. Я не согласился — у нас не было таких данных. Теракт в центре Москвы — тягчайшее и дерзкое преступление, на это мало кто способен. Я спросил, на каком основании он сделал такой вывод? Березовский ответил: «Политика у нас заключается в разделе собственности. И делается не в белых перчатках. Удивлен, что вы удивляетесь». И предлагает этот разговор продолжить завтра, у себя на даче.

Я говорю, где угодно, в любое время. Да, размышлял он еще о том, что происходит в стране, о том, что появляется российская бизнес-элита. «В Америке сто семей держат в руках экономику. Вот и у нас в России уже постепенно формируются эти сто семей». И все эти взрывы, покушения нельзя рассматривать вне контекста ситуации первоначального накопления капитала. Он говорил такие вещи, о которых я думал, но не мог так четко сформулировать.

— А ты вообще понимал, чем занимается «ЛогоВАЗ»?

— Да, я знал, что «ЛогоВАЗ» торгует автомобилями. Но глубже не вникал. Я в то время был совсем далек от политики, а слова «раздел собственности» услышал тогда впервые. Я ведь не работал по экономической линии. Мое дело было — уголовщина, банды, особо опасные формы насилия, то есть заложники и взрывы.

— Итак, тебя пригласили на дачу...

— Да, мы с подполковником Родиным приехали к нему на дачу. Там шли съемки какого-то фильма, интервью у него брали. Потом мы продолжили беседу. Я его спросил, почему уголовщина переплетается с политикой.

Он говорит: «Возьми торговку семечками на Садовом кольце, двинься

по цепочке, и через две недели ты окажешься в Кремле... А вот почему, — говорит, — это тема для долгого разговора».

Вернулись к взрыву его машины. Я ему рассказал про Петросяна, но он был не согласен, что эта банда совершила теракт. «Я не думаю, что это они». Но ничего конкретного привести не мог.

Мы договорились, что, если у нас или у него появятся новые данные, мы свяжемся. Его служба безопасности тоже искала этих ребят.

Прощаясь, он сказал: «Люди, которые мне помогают найти преступников, — это Коржаков и Барсуков».

— Сегодня это смешно слышать?

— Почему смешно? Это большой бизнес, политика... На том этапе они находили общий язык. Потом разошлись.

— После этого визита ты с ним часто общался?

— Нет, я с ним пару раз говорил по телефону. А потом он как-то пригласил меня к себе в клуб — так в Москве прозвали дом приемов «ЛогоВАЗа».

— Зачем он тебя позвал?

— Поговорить. В ту пору он мало знал о спецслужбах. Ему было интересно, чем они отличаются от КГБ. Его интересовали общие вещи. Он никогда не спрашивал, кто у меня объект да за кем наши следят. Просто пытался понять место спецслужб в государстве. Представляют ли они опасность для общества?

И меня самого беспокоило, почему с 1994 года спецслужбы начали фактически саботировать борьбу с организованной преступностью. Речь не о воровских шайках или бандах. В те годы преступник уже надел деловой костюм, ездил с охраной, сел за компьютер, объединялся по интересам с себе подобными, делил сферы влияния.

Я говорил Березовскому, что необходимо брать под строгий агентурный контроль банковскую сферу. И законы менять, потому что банковская сфера — наиболее тонкая область деятельности. Там очень легко можно нарушить права людей. И мне казалось, наша служба упускает момент.

Березовский говорит: «А вы могли бы это рассказать моим знакомым?» Я спрашиваю: «Кому?» — «Коржакову». — «Конечно, пожалуйста».

Вот тогда он меня познакомил с Юмашевым, тут же позвонил ему и говорит: «Валя, тут у меня один человек сидит, представь его, пожалуйста, Александру Васильевичу».

— То есть он ввел тебя в свой круг.

— Ни в какой круг он меня не вводил. После этого я приезжал в клуб еще пару раз, и всегда приходилось ждать в баре — он вечно опаздывал. А в его приемной тогда пол-Москвы крутилось — от журналистов до министров. Иногда я встречал у него известных людей.

— И часто ты бывал в клубе?

— В то время не часто, может быть, раз пять в течение года.

— Вернемся к Юмашеву и Коржакову.

— Да, я приехал к Юмашеву. Он тогда еще работал в журнале «Огонек», но было известно, что он пишет книгу за Ельцина.

Он мне сразу начал задавать вопросы про то, что происходит в ФСК. Я объяснил, что не хочу говорить в общих чертах, а конкретно — не имею права. Юмашев спросил: «А с Коржаковым вы можете обо всем говорить?» Безусловно, да. Коржаков — начальник Управления охраны президента, офицер спецслужбы, генерал. А так как наш отдел занимался центральным террором, то есть разрабатывал лиц, подозреваемых в том, что они замышляют нападение на высших государственных лиц, то мы в принципе должны были взаимодействовать и со Службой безопасности президента. И Юмашев меня познакомил с Коржаковым. На нашу встречу с ним пришел Барсуков. Я все рассказал. Коржаков послушал и говорит: «Интересно. А скажи, есть саботаж в ФСК, как ты считаешь?» — «Мне кажется, есть. В принципе то, что делают сейчас спецслужбы, не на пользу президенту. Я это чувствую и вижу».

— А ты можешь, — говорит, — нам написать свою концепцию борьбы с организованной преступностью?

— Могу, — ответил я. — Но лучше это сделает мой начальник Платонов, он более опытный.

Через несколько дней мы пришли к ним на встречу с Платоновым. Все описали, объяснили. Платонов говорил о признаках коррупции, привел любопытные факты. Помню такой: как-то проходило всероссийское совещание по проблемам организованной преступности. И сидит в зале один из заместителей министра внутренних дел, а рядом с ним — объект нашей оперативной проверки, лидер уголовной среды. И очень активно обсуждают жгучую тему совещания. А у нас были сигналы, что один другому взятки дает. Коржаков все это себе записал.

— Фамилии называли объектов?

— Конечно, называли. Потом, когда вышли, Платонов, опытный оперативный работник, сказал:

«Ты знаешь, это бесполезная встреча. Они такие вопросы задают, как будто хотят не понять, а что-то выведать. Их не интересует, как решить

проблему и что надо сделать. Они интересуются — кто объект? Под кого мы копаем? Такие вопросы задают люди, которые чего-то боятся».

— То есть Платонов сказал, что они пытались выяснить, не опасен ли для них объем ваших знаний, не стали ли они сами объектами?

— Ну, в то время уже стало опасно прямо об этом говорить.

А потом, в 1995 году, Барсуков позвонил ему и спросил:

«Почему вы собираете на нас компромат?» Ситуация была следующая. На одном из совещаний — со слов Платонова — присутствовал Шамиль Тарпищев. Они с Коржаковым левой водкой торговали. Поставляли из Венгрии водку «Абсолют», «Кремлевская делюкс» и торговали ею. Это знали все. Водка завозилась без пошлины и, естественно, наносила урон казне. Чубайс был на той встрече и заявил; «Я не позволю разорять казну. Прекратите завозить в страну левую водку». А Тарпищев ответил: «Возили и будем возить». Чубайс возмутился: «Только через мой труп», — и вышел. А Тарпищев ему вслед: «Значит, будет труп».

Рядом сидел агент Платонова, он написал агентурное сообщение. В то время Чубайс являлся главой Госкомимущества, членом правительства. И естественно, покушение на Чубайса — это тоже террористический акт. Тогда Платонов решил завести дело по оперативной проверке на Тарпищева. Ведь он высказывался как террорист, и, согласно закону, мы должны были проверить, что за этими словами кроется.

Естественно, никто не дал ему проверять Тарпищева. Начали давить. Потом звонок Барсукова. Скоро нашли предлог, и Платонова выгнали.

— А чем кончилась история с бандой Петросяна?

— Мы продолжали разрабатывать эту группу. Но тут началась война в Чечне, и наши оперативные разработки были задвинуты в дальний ящик. Членов банды осудили по другим эпизодам. А версия, что они устроили взрыв у «ЛогоВАЗа», скорее всего, оказалась ложной — Березовский был прав.

С началом войны оперативный состав Управления по борьбе с терроризмом почти перестал заниматься разработкой бандитских формирований и их лидеров. Мне дали команду по делу Березовского больше не работать. Агентуру перенацелили на выявление чеченцев в Москве. В 1995 году я почти шесть месяцев провел в командировках.

— Можно сказать, что чеченская война развязала руки преступникам? И предопределила грядущую криминальную ситуацию?

— Да, банды, захват заложников, наши «мирные» дела ушли на задний план. Любая война влияет на рост преступности, потому что правоохранительные органы отвлекаются на другое. За годы войны банды,

к сожалению, окрепли.

Первая жертва

В середине февраля 1995 года мне позвонили от Березовского и попросили приехать в «ЛогоВАЗ». Борис Абрамович говорит: «Александр, я бы хотел, чтобы вы послушали эту запись». Это был сорокаминутный разговор Березовского с Кожановым, заместителем начальника уголовного розыска Москворецкого РУВД. (Он работал по делу взрыва у «ЛогоВАЗа», который произошел на их административной территории.) В разговоре участвовал некий уголовный авторитет Николай Плеханов, по кличке Кот.

Кот говорил следующее: «Я один из тех, кто организовал взрыв. И мне известно, от кого пошел заказ. Я готов назвать заказчика. Вы согласны за это заплатить?».

Березовский говорит: «Согласен. Кто заказчик?»

Кот: «Вас заказал Зибарев».

Зибарев был одним из руководителей «АвтоВАЗа». В то время фирма Березовского стала основным дилером «Жигулей» и составила конкуренцию криминальным структурам, «державшим» «АвтоВАЗ».

Березовский: «Мне нужны доказательства».

Кот: «Я могу записать разговор с Зибаревым. Это будет вам стоить полмиллиона долларов».

Потом он вышел из кабинета, и Березовский спросил Кожанова: «Что вы можете сказать в связи с этим как сотрудник милиции? При вас человек рассказывает, что он организатор, взрыва, а вы ищете преступника». — «Я считаю, он говорит правду Мы все проверили. Он реальный, люди реальные», — спокойно отвечает Кожанов. Березовский: «Ну, что мне делать?» — «Я думаю, надо ему деньги заплатить, Борис Абрамович». Короче, Кожанов, вместо того чтобы арестовать этого уголовника, посоветовал ему заплатить.

— Ну и что вы собираетесь делать, Борис Абрамович? — спросил я.

— Я хочу им заплатить, — отвечает. — Мне нужны доказательства.

Я говорю: «Если вы действительно решили платить, то передачу денег необходимо задокументировать. Лучше всего на видео. Я обязан доложить начальству. А вам советую написать заявление».

На следующий день Березовский передал Коту аванс в сто тысяч, а я сидел в соседней комнате и видел их разговор по технике. Кот говорит:

— Есть еще один заказ на вас или кого-то из вашего окружения. Это связано с телевидением.

— Откуда вы знаете?

— Один омский авторитет передал. Он связан с Носовцом в Кремле, и разговор шел о контроле над телевидением.

Я сказал Березовскому: «Вы заявление писать будете? Потому что сотрудники милиции, которые привели к вам Кота, фактически совершили преступление. Если не напишете, я с вами больше общаться не буду».

Он ответил: «Хорошо. Я подумаю».

— А твое руководство было в курсе?

— Конечно. Я с санкции руководства поехал на эту встречу. И, вернувшись, написал справку о том, что слышал. Вечером позвонил Березовскому, спрашиваю, что он решил. Он отвечает: «Я напишу». Написал заявление следователю ФСК полковнику Павленку и передал все кассеты. Я взял материал в оперативную разработку.

Через два дня был убит Листьев. Когда все забегали, шум пошел, крик — меня вызвал к себе первый замдиректора ФСК Сафонов, я включил эти записи, он их посмотрел.

Собрали совещание руководства ФСК. Присутствовали Катышев — начальник Следственного управления Генеральной прокуратуры, Ковалев — замдиректора ФСК (он его и проводил), начальник Московского управления Трофимов и я. И тут Катышев стал настаивать на том, что надо разрабатывать Березовского как одного из заказчиков этого убийства.

— На каких основаниях?

— Он не говорил, на каких. Просто «есть основания». Тогда Трофимов заявил, что у его сотрудника имеются интересные материалы, и представил меня. Я начал все рассказывать. А Катышев вдруг заявляет, что не видит состава преступления в действиях сотрудника милиции Кожанова. Я опешил. Мне было очевидно, что надо арестовать Кота, задержать Кожанова — ведь это единственная зацепка в деле Листьева. Они знали, говорю, что будет убийство, и оно совершено! И мы это задокументировали. А Катышев опять:

«Молчите, товарищ майор!»

Я попросил не обрывать меня на полуслове.

Трофимов поддержал меня: «Правда, а почему вы с ним так разговариваете? Оперативник работал, это его труд. Чего. вы ему рот затыкаете?»

Вдруг мне поступает сообщение на пейджер. Я сказал Трофимову: «Березовский меня зачем-то ищет». Он говорит:

«Иди позвони». Я вышел из кабинета, позвонил.

— Александр, — сказал он, — лица, на которых я вам написал

заявление, приехали и арестовывают меня.

Я — обратно в кабинет Ковалева, доложил Трофимову Трофимов — надо отдать ему должное — сразу понял, что на Березовского происходит высокопрофессиональный наезд. Он приказал: «Поезжай туда и возьми его под охрану». И тут же при мне сообщил все Ковалеву. Тот поддержал: «Под охрану его берите».

С совещания меня отпустили, и я выехал в клуб. Там было восемь сотрудников РУОПа с автоматами. Они настаивали, чтобы Березовский поехал с ними на допрос.

— А милиция знала, что он написал заявление на Кожанова?

— Нет таких данных, что знала. Милиция приехала его арестовывать по делу Листьева.

В этот день шли поминки по Владу. Он жил на Новокузнецкой, рядом с клубом. И тут перед клубом появилась камера НТВ. Видимо, ждали, когда Березовского в наручниках выведут как подозреваемого в убийстве. Собралась толпа.

Я позвонил и доложил Трофимову:

— Анатолий Васильевич, это провокация, а не следственное действие. Стоит камера НТВ, восемь автоматчиков поведут Березовского... Можно было со двора заехать, а они машины демонстративно поставили на улице.

— Вы что, хотите провокаций? — спросил я сотрудников РУОПа.

— Нет, мы хотим допросить Березовского.

— Видите, — говорю, — толпа на улице. Вы сейчас поведете его в наручниках, провокатор какой-нибудь скажет: «Вот убийца», и снесут весь дом. Начнется драка, искалеченные будут. Зачем вам это? Хотите его допросить? Ради Бога. Загоните машину во двор, мы возьмем Березовского под охрану и отвезем на допрос. Если следователь найдет основание, пусть арестует. А если отпустит, мы его привезем сюда. Хотите делать обыск — пожалуйста, вам никто не мешает. А вообще, лучше бы следователь прибыл сюда и провел допрос на месте.

Он говорит: «Ладно». Начал звонить начальству А я — Трофимову Он мне: «Ни в коем случае Березовского в наручниках не дать вывести. Они что, хотят беспорядки устроить в Москве? Я сейчас пришлю людей».

Прислал человек двадцать с автоматами из Московского управления. Приехал следователь, допросил Березовского в «ЛогоВАЗе», и вопрос был решен.

Сейчас Коржаков обвиняет меня в своей книге, что я чуть ли не подрабатывал в охране олигарха. Хотя прекрасно знает, кто и зачем меня послал. Ведь материалы о том, как Кот и Кожанов вымогали у Березовского

деньги и как он дал им сто тысяч долларов, видели Барсуков, Коржаков и генерал Рогозин (первый заместитель Коржакова). Более того, мы с Рогозиным вместе возили эти записи министру внутренних дел Ерину.

— Ну и что было дальше?

— Ничего. В дальнейшем это дело было снято, замотано, прекращено. Заявление Березовского передали в прокуратуру и приобщили к расследованию по Листьеву. Поручили следователю Индюкову, который занимался взрывом на Пятигорском вокзале, и он же вел дело Тамары Рохлиной. У Кожанова и еще одного сотрудника милиции при обыске нашли деньги из этой пачки.

— А ты этим не занимался?

— Нами был задержан Плеханов (Кот). Он рассказал, что это было просто мошенничество, что его подбили сотрудники милиции, которые решили получить полмиллиона долларов. У Плеханова было изъято пятнадцать тысяч долларов из той пачки. Ни один из сотрудников милиции не был привлечен к уголовной ответственности, напротив, все пошли на повышение. Кожанов потом получил полковника... Информацию по линии омский авторитет — Носовец — Кремль нам разрабатывать запретили. Ее забрал Коржаков.

Березовский в 1999 году осенью написал еще одно заявление Путину о том, что денег ему никто не вернул, сотрудников милиции к уголовной ответственности не привлекли и, наоборот, сейчас выгоняют из органов тех людей, которые в то время работали по этой информации. Путин не ответил.

— Если это просто мошенничество, зачем же нужно было милиции приезжать задерживать Березовского?

— Я не сказал, что это мошенничество. Это сказал Плеханов. А мною потом были получены оперативные данные, что весь этот цирк с арестом Березовского был устроен Коржаковым. Время было четко выбрано. В тот день Ельцина увезли на охоту, и Березовскому некуда было обратиться за помощью. Уже и камеру подготовили, куда его должны были посадить. По той же оперативной информации, к Березовскому должны были применить психотропное средство и до понедельника выбить показания о том, что убийство Листьева организовал он. Все это планировалось записать на кассету и показать Ельцину.

— Откуда у тебя такие данные?

— Это из беседы с одним из сотрудников Службы безопасности президента, которые тот «цирк» организовали. Но я не хочу раскрывать источник — он до сих пор работает. За арестом Березовского под камеру

НТВ стоял Коржаков. Поэтому он так старается обвинить меня в том, что я «с оружием в руках защищал своего патрона».

— К расследованию убийства Листьева Коржаков имел отношение?

— Самое непосредственное. С Коржаковым я общался сразу после убийства. Один из агентов, который действовал в курганской группировке, вышел на меня и запросил встречи. Агент сказал — есть информация, что Листьева убили курганские, но заказ пришел откуда-то сверху. И поскольку шум поднялся, то курганские хотят этого человека убрать. «И могут это дело, — сказал агент, — поручить мне. А я сдам вам этого человека. Но для того чтобы добиться большего расположения, мне надо показать свой вес. Ко мне обратились с просьбой поспособствовать, чтобы выпустить под подписку одного человека. А потом вы можете его опять арестовать».

В то время заместитель Коржакова Рогозин просил рассказывать ему все, что касалось Листьева. Потом я понял, почему это их интересовало: они сами это дело и организовали. Но, увы, об этом я узнал гораздо позже. А в те дни я лично, да и сам Березовский доверяли Коржакову полностью. В общем, развел меня Коржаков по полной программе.

Когда я доложил о сообщении агента Рогозину, тот ответил: «Иди к Коржакову». Я пришел и все рассказал. Выпустим, предложил, одного под подписку о невыезде, а взамен выйдем на заказчика Листьева. Коржаков говорит: «Что, правда?» Я ответил: «Да. Давайте из вашего кабинета позвоню, послушайте разговор с агентом». Коржаков поставил кассету, говорит: «Давай запишем». Я поговорил, агент все подтвердил. Коржаков просит меня выйти на минуту. Потом позвал, отдал кассету и говорит:

«Сейчас придет Ильюшенко, исполняющий обязанности генерального прокурора, ему все расскажи». Я все рассказал Ильюшенко, тот начал канючить, мол, это все бред сумасшедшего, нам этого не надо.

— Генеральный прокурор примчался мгновенно?

— Минут через сорок, как ручной. Конечно же, они с Коржаковым все заранее решили. Это был обыкновенный «развод». Мол, я пообещаю, но ты пойдешь к тому А тот твердит — нам это не надо. И все. И курганскую группировку, конечно же, никто не стал разрабатывать.

Запись разговора с агентом я принес на Лубянку. Распечатку этого разговора даже не включили в материалы по Листьеву. Просто приказали подшить к личному делу агента и забыли.

Агент этот очень боялся, что его расшифровали. Когда два года спустя я вышел из тюрьмы, он позвонил и попросил о встрече. Мы встретились, и он стал просить, чтобы я его «подписку» вернул.

— Ты вернул?

— А как я могу вернуть, когда уже к делу доступа не имею. Он был очень напуган. Позже с этим агентом у меня была встреча. Он напомнил мне тот разговор и спросил: «А кому ты это сказал из своего начальства?» Я ответил, что Коржакову.

— Ну ты даешь! — всполошился агент. — Ну ты меня подставил! Ты знаешь, что Коржаков с курганскими работал? Могу рассказать, как они вместе налаживали канал поставки наркотиков из Колумбии. Возили в автомобильных покрывалах. Подержанные американские машины покупали и загоняли их в Россию. Фирму специальную открыли, чтобы их завозить. Я проверил — действительно у Коржакова в спецгараже на Обручева, где находятся правительственные машины, была фирма, которая торговала американскими подержанными автомобилями.

— Курганская версия имела какое-нибудь подтверждение?

— Разработкой «курганцев» занимался 12-й отдел МУРа. Однажды со мной связался Олег Плохих, который вел это оперативное дело, и сообщил, что задержаны два члена курганской банды и посажены в СИЗО «Матросская тишина». Один из них сказал, что готов расколотся и сообщить подробности многих заказных убийств, включая убийство Листьева. Но он требовал гарантий безопасности. Дело в том, что «курганцы» ликвидировали нескольких воров в законе, за что по правилам российской тюрьмы полагалась смерть.

— Зачем «курганцам» было ликвидировать воров?

— Курганская группа, в которую входил известный киллер Александр Солоник, состояла в основном из бывших сотрудников спецслужб. Как я потом узнал, у нее были хорошие связи со Службой безопасности президента и в ФСБ, и они тесно сотрудничали на взаимовыгодной основе. В 1994 году шла война между курганцами и баумановской группировкой, в которой было много дагестанцев. В ходе этой войны погибли несколько десятков бауманских, в том числе несколько воров.

Так вот, после звонка Олега я начал готовить перевод этих курганцев в Лефортово, но перевод не состоялся. Произошла утечка информации, и оба они были убиты в «Матросской тишине» в одну и ту же ночь, хотя и сидели в разных камерах.

Таким образом, у меня было два независимых указания, что заказ на Листьева выполнили курганцы — от Олега Плохих и от моего собственного агента, но обе линии зависли, потому что кто-то в ФСБ или СБП внимательно все отслеживал и торпедировал разработку. Эх, знал бы я тогда про Коржакова!

— А как продвигалось расследование по Листьеву?

— Да никак. Однажды Березовский спрашивает: «Слушайте, Саша, по Листьеву у вас что-нибудь получается?» — «Борис Абрамович, да уже все заглохло. Никто никого не ищет, одни разговоры, — ответил я. — Чтобы разрабатывать дело дальше, надо обратиться к Барсукову, поговорить с ним».

Березовский встретился с Барсуковым, и тот навесил эту работу на своего заместителя Ковалева.

Ковалев приказал мне пройти по всем подразделениям и посмотреть, что вообще делается по Листьеву. По розыску должны были работать три подразделения: Управление по борьбе с терроризмом, Управление экономической контрразведки — третий отдел Курганова, и отдел защиты стратегических объектов, который обслуживал Останкино. Никто не проводил никаких оперативных мероприятий. Вообще.

Я встретился с Березовским: «Борис Абрамович, никто убийц Листьева не ищет. Если вы хотите их найти, делайте то, что вы делали, когда Листьев был жив. Ведь Листьева убили за что-то, и те, кто убил, на этом не остановятся. Убрали-то его за определенные действия».

— Листьев с Березовским, насколько я помню, перестроили всю схему продажи рекламного времени на ОРТ.

— Да, да. Листьев же хорошо знал телевидение. Если Березовского, который не совсем хорошо в этом разбирался, они могли обмануть, то Листьева — нет. И поэтому Березовскому я сказал: продолжайте делать то, что начал Листьев. И на вас еще раз наедут. Обязательно.

Через месяц-два мы встречаемся, и он говорит: «Саша, наехали!»
Спрашиваю:

«Кто?» — «Не могу сказать. Но наехали».

Потом я виделся с Бадри Патаркацишвили, партнером Березовского, который занимался ОРТ. Он тоже говорит: «Наехали». Спрашиваю: «Кто?» Бадри: «Я не могу об этом говорить».

В 96-м году я еще раз вернулся к этому вопросу «Борис Абрамович, все-таки кто же на вас тогда наехал?» Он ответил: «Теперь могу сказать — Коржаков». Это было уже после того, как Коржакова сняли. — «А что же вы раньше не сказали?» — «Ну, ты понимаешь...»

Я понял. Березовский боялся, что его ударят сразу же...

И он рассказал, как все было. «Стрелка» была назначена у Коржакова в кабинете. Участвовали Березовский, Бадри, Коржаков и Шамиль Тарпищев, который привел с собой каких-то бандитов. Прямо в Кремль.

Речь шла об ОРТ. Они в ультимативной форме потребовали от Березовского и Бадри отдать Шамилю весь спортивный блок, чтобы

Тарпищев там делал что хочет. Рекламу ставил, деньги получал. Березовский, естественно, понимал, что это будет за телевидение, если все растащить по кускам... Деньги-то он туда вкладывал. А они хотели спортивным блоком пользоваться бесплатно. Вот такой рэкет получается.

Началась разборка, бандиты Тарпищева стали «наезжать по понятиям». Тут Коржаков выгнал из своего кабинета Бадри и заявил Борису: «Чего ты с собой этого грузина приволок? Я только с тобой хочу дело иметь». В общем, Березовский отказался.

С этой встречи, как я понял, началась война между Коржаковым и Березовским. Короче, этот наезд показал, что у коржаковской команды был интерес на ТВ и мотив против Листьева. А в 1998 году я получил прямое подтверждение, что Листьева заказал Коржаков.

— От агента?

— Нет, из беседы с заместителем директора ФСБ Трофимовым. Он мне лично рассказал. И то же самое он рассказал Березовскому.

— И что же он рассказал?

— Трофимов рассказал, что Барсуков на одной из встреч ему заявил, что Листьева убрали они с Коржаковым. Но дело было не только и не столько в рекламе на ОРТ. Они хотели развести Березовского с Ельциным и его семьей. Ведь Листьев и Березовский были заодно, а у Листьева были отношения с Татьяной Дьяченко.

— Он уточнял, какие?

— Он сказал — очень хорошие, больше не знаю, врать не буду. План состоял в том, чтобы основным подозреваемым сразу сделать Березовского, арестовать, выбить показания и предъявить их Ельцину и его семье. Ельцину пришлось бы Березовского сажать. И то же самое Трофимов рассказал Березовскому. Это даже было записано на пленку.

— Скажи мне, для чего Барсукову нужно было рассказывать все это Трофимову?

— Трофимов говорит, что они хорошо выпили. Сидели, делились впечатлениями. Ну тот и «хвастанул». Похоже, кстати, на Барсукова. В его духе.

— Значит, тайны убийства Листьева не существует?

— Да. Об этом я рассказал в интервью Доренко после пресс-конференции в ноябре 1998 года. Тот показал по телевизору.

— Неужели никто тебя по этому факту не допрашивал?

— За месяц до ареста мне позвонили из Генеральной прокуратуры. Человек представился следователем Ширани Эльсултановым и вызвал меня на допрос в качестве свидетеля по убийству Листьева. Я написал все то, что

мне рассказал Трофимов. Ширани спросил: «И вы это подпишете?» Я ответил: «Конечно, подпишу. И прошу поехать со мной, изъять кассету с записью этого разговора».

Он отказался. Я спрашиваю: «Почему вы не хотите взять вещественное доказательство?» Он отвечает, что не может без санкции Катышева. Тогда я предлагаю:

«Позвоните Катышеву и поехали». Он заладил: «Нет, я не могу». Говорю: «Хорошо, позвоните Трофимову, давайте очную ставку с Трофимовым». Ширани сказал: «Он от очной ставки отказался». Я просто очумел: «Хорошо, а как мне быть? Давайте я вам сам эту пленку принесу». — «Не надо, не приносите».

— Боялся?

— Я думаю, что о «треугольнике» Листьев — Коржаков — Дьяченко догадывались многие, но знать не хотел никто. Прокуратура боялась, не дай Бог, узнать что-нибудь по делу Листьева — все боялись. Им нужны были какие-то другие «доказательства», уводящие в сторону, а подлинные не нужны. Вот вам человек, который знает, кто убил Листьева. Разговор записан. А прокуратура не хочет пленку изымать! После моего ареста на обыске были изъяты все аудио— и видеозаписи, даже мультфильмы моего ребенка. Что они искали? Эту кассету. Ее надо было уничтожить, что они и сделали. Иначе, почему на обыске они кассеты при понятых не просматривали и не прослушивали? Почему все в кучу свалили и увезли? И протокол обыска не составили.

— Имея такую серьезную улику, ты хранишь ее дома? Для оперативного работника это как-то странно...

— После того допроса я хранил ее дома специально, потому что думал — если ко мне придут с обыском (надеялся, что обыск будет в моем присутствии), я бы ее выдал. И сказал бы: «Граждане понятые, гражданин следователь, прошу эту кассету прослушать и приобщить к материалам уголовного дела». И пояснил бы, как эта запись оказалась у меня. Но они запрятали меня в тюрьму, а обыск провели в мое отсутствие.

— И где эта пленка сейчас?

— Из прокуратуры с другими вещами ее не вернули. Просто украли.

— Ты знаешь книгу «Крестный отец Кремля»? В ней отрабатывается теория, что Березовский убил Листьева.

— Да, заказуха. Ее написал Пол Хлебников — с подачи людей Коржакова. Основной аргумент состоит в том, что за несколько дней до убийства один из уголовников получил от Березовского крупную сумму денег, а потом был убит Листьев. Но Березовский сам же об этом написал в

заявлении, было возбуждено уголовное дело, и все подтвердилось! Да, он давал деньги, но не на убийство Листьева, а потому, что ему обещали назвать заказчиков преступления, совершенного против него самого...

Агрессивно работали! Если бы Березовский хоть где-то совершил ошибку, если бы не написал то заявление, ему бы вменили, что деньги отданы на убийство. И я не исключаю, что был бы задержан Плеханов-Кот, который дал бы показания, что получил от Березовского сто тысяч и что, мол, тот просил убить Листьева, что и было сделано. Дали бы Плеханову лет восемь, потом признали бы невменяемым, выпустили... А Березовский получил бы за это лет двадцать пять или пожизненно.

— Было бы интересно устроить тебе «очную ставку» с Хлебниковым. Тебя, кстати, вызывали в английский суд, где Березовский судится с Хлебниковым за клевету?

— Суд еще не начинался, но я готов выступить и предоставить все имеющиеся у меня материалы. Кстати, есть еще одна линия. Я получал информацию о частном охранном агентстве «Стеллс». Это подкрышная фирма ФСБ. Ее руководителем является генерал-майор действующего резерва Луценко. В этом частном охранном агентстве работал один человек, который ранее проходил службу в Седьмом управлении КГБ. Оно занималось наружным наблюдением и оперативной установкой. Этот сотрудник работал у Луценко и был знаком с моим оперативным источником. В одной из бесед он рассказал источнику, что по указанию руководства фирмы проводил установку адресов разных объектов. Он изучал подъезд, квартиру, как она расположена в подъезде, а также подходы к дому и отходы от него. Потом рисовал схему и докладывал. Такую установку он делал в подъезде Листьева и, конечно, узнал свою схему после того, как Листьева убили.

Он сильно испугался и в разговоре с моим источником сказал, что просмотрел все места, где он делал установки до этого, и определил, что везде были совершены убийства. Понимаешь, по всем адресам!

— Ты не можешь назвать эти адреса?

— Я их не знаю и не могу назвать источник, потому что опасаясь за его жизнь. Но если будет объективное расследование, то он даст показания. А если я назову его сейчас, он, в лучшем случае, откажется от своих слов. Он же не сумасшедший.

— А у тебя донесения оперативного источника запротоколированы?

— Я получил эту информацию, когда был уже отстранен от оперативной работы.

— Ты уже не был в ФСБ?

— Я еще числился в ФСБ, но был уже за штатом.

— В таком случае ты имел право не протоколировать эти материалы?

— Я не имел права не протоколировать это донесение. Более того, я должен был об этом доложить руководству. Но я прекрасно понимал, как происходит расследование дела Листьева и что произойдет, если я об этом скажу. Ведь я по телевизору прямо заявил, кто совершил убийство Листьева, а меня допросили только через четыре ^есяна. Никто этим не интересовался.

— На тебя никто не выходил? Ни журналисты, ни родственники Листьева?

— Нет. Никто не звонил. Ни родственники, ни с телевидения. Вообще никто. Это совершенно никого не волновало. Я уверен, что и тогда, и даже сейчас, по имеющимся материалам можно было бы раскрыть это преступление за несколько недель.

— Вернемся в 1996 год. Ты продолжал расследование курганской линии?

— Меня отстранили. Я служил тогда в Управлении по борьбе с терроризмом. Заместителем начальника управления был Иван Кузьмич Миронов. Дело по раскрытию убийства вели мы, но, как только пошли серьезные материалы по курганцам, дело у меня забрали и передали оперу по фамилии Любочка в соседний отдел. Это у меня вызвало подозрение. Я сказал Миронову: «Иван Кузьмич, похоже, меня отстранили отдела по Листьеву?» — «Да нет, — успокоил он, — не отстранили. Ты работай с агентурой, а мы все оперативные мероприятия переключаем на Любочку, потому что он ведет розыск, и пусть все контролирует. Так удобнее».

И тут Миронов спрашивает: «А ты не считаешь, что Березовский может быть причастен к убийству Листьева?»

Я много работал по заказным убийствам, видел всякое. Жена может заказать мужа, муж — жену. Здесь такие перлы иногда всплывают, за голову схватишься. Но заказного убийства не бывает без мотива. Они же были заодно — Листьев и Березовский. «Нет, — говорю, — не вижу мотива у Березовского. Да и данных никаких нет».

Тогда Миронов открыл папку и начал читать запись встречи с Лисовским, который давал оперативные показания на Березовского. Не протокол, а просто запись беседы. Лисовский утверждал, что Листьева заказал Березовский. Потому что Березовский «убивает все, что связано с нашим национальным достоянием», и хочет национальное телевидение, нашу гордость и красу, отдать иностранцам. Словом, враг всего русского.

Дальше пошло об экономике телевидения, о взаимоотношениях его

руководителей и снова то же — Березовский хочет отдать ТВ в руки иностранцев, а патриот Листьев будто бы не соглашался. И погиб.

Тут у меня, как у опера, уши завяли. Я не привык вместо фактов слушать общий треп. Но спорить было бесполезно. Они копали под Березовского и не хотели даже слышать ни о чем другом.

По всему было видно, что силовые ведомства — не только ФСБ, но и милиция, прокуратура — начали настоящую войну с бизнесом. На одном совещании генерал Колесников, тогда первый заместитель министра внутренних дел, поставил органам МВД задачу собирать компромат на Березовского и его фирмы. Колесников не сказал, что, мол, есть преступления, которые надо раскрыть. То есть от преступлений выходить на заказчика и исполнителя. Он сказал наоборот — есть Березовский, и его надо обвешать преступлениями.

Начиналась «Большая война» между спецслужбами и российским бизнесом. Влад Листьев стал первой жертвой этой войны.

Олигархи против чекистов

— Первое крупное сражение в войне между бизнесом и спецслужбами состоялось летом 1996 года, и все закончилось изгнанием Коржакова из президентской свиты. Ты оказался между двух огней. Как это было?

— В 1996 году, накануне президентских выборов, Березовский прилетел из Давоса, и мы встретились. Он сказал: «Саша, до недавнего времени я был в очень хороших отношениях с вашим руководством — Коржаковым, Барсуковым. А сейчас мы разошлись. И я хочу предупредить — от общения со мной у вас могут быть проблемы. У них свое видение выборов, у меня свое. И тут мы расходимся».

Я не стал уточнять, какое это видение, потому что политикой в то время особо не интересовался. Это я сейчас понимаю, что в те же дни группа Коржакова — Барсукова уговаривала Ельцина отменить выборы, запретить КПРФ и распустить Думу По существу, устроить диктатуру. А бизнесмены были против. Они были убеждены, что Ельцин должен идти на выборы и выигрывать их, а не отменять. Потому что, отменив выборы, он станет заложником тех, кто обеспечит ему сохранение власти.

Из разговора с Березовским я понял, что в Давосе олигархи заключили пакт о ненападении друг на друга и договорились помогать Ельцину на выборах, поставив Чубайса руководить предвыборной кампанией. И это очень не понравилось Коржакову.

Многие думают, что на тех выборах борьба шла между двумя силами — коммунистами во главе с Зюгановым и коалицией демократов и олигархов, сплотившихся вокруг Ельцина. На самом деле демократы имели очень маленький вес, и в схватке за власть участвовали три силы — коммунисты, олигархи и спецслужбы. Последние вели свою собственную игру хотя и считались сторонниками Ельцина. Но во многих вопросах они смыкались с коммунистами. Например, в своей нелюбви к евреям и ненависти к Западу Бизнесмены были настолько поглощены борьбой против коммунистов, что не заметили, как люди в погонах нанесли им удар в спину.

В эти дни пригласил меня помощник Барсукова, генерал Осадчий, и завел такой разговор:

— Гляди, Гусинский опять сдружился с Березовским и лег под Черномырдина, отошел от Лужкова. Руководство ФСБ сейчас очень интересуется эта связка — Гусинекий, Березовский и Черномырдин.

— А по-моему, — говорю, — нормальная связка, они не хотят, чтобы к власти пришла КПРФ, и объединяются перед выборами. И хорошо, что Березовский с Гусинским мирились.

Осадчий даже подскочил на месте: «Ты хочешь, чтобы эти два еврея опять вместе были? Мы же столько сил потратили, чтобы их развести!»

— Александр Ильич, — спрашиваю, — а чем вам Березовский не угодил?

— А ты считаешь, нам не стоит против, него работать?

— Не в том дело, — отвечаю. — Просто у нас нет шансов победить.

Осадчий посмотрел на меня, как на больного: — Как это нет шансов?

— Вы в домино играете, — говорю, — а он шахматы. А в этой игре надо видеть на много ходов вперед.

Генерал махнул рукой: — Ну ладно, ладно, иди отсюда.

— Почему не любят евреев в Конторе?

— Долго не понимал. Понял уже здесь, в Англии, после разговора с моим адвокатом.

«Саша, — говорит он, — знаешь, почему в Англии нет еврейского вопроса? Потому что англичане не считают себя глупее евреев».

Это Черчилль так сказал.

— Вернемся в 96-й год. Ты знал, что в Давосе в узком кругу олигархи решили сделать ставку на Ельцина. Иными словами, в Давосе «выбрали» президента.

— Ну, я думаю, все-таки кандидата в президенты. Но в тот момент меня это занимало меньше, чем то, что Березовский разошелся с моим руководством. Тогда я еще не знал ни про «стрелку» в Кремле, ни про связь Коржакова с курганцами. Я только начинал понимать масштаб беспредела в ФСБ. До этого дня я знал, что Березовский и Коржаков играют в одной команде, и вдруг такая новость. Коржаков и Барсуков не те люди, с которыми стоит ссориться.

— По сути, перед тобой встал тот же вопрос, что и перед Ельциным: с кем ты — с группой Коржакова (отменить выборы) или с бизнесменами, которые решили выборы «купить».

— Тогда я не формулировал это так четко и вообще не понимал роль денег на выборах. Но я и сейчас считаю, что главное вот в чем. Коржакова не устраивало, что Ельцина приведут к власти демократическим путем. Ему нужен был не легитимный президент, а президент-заложник. Который будет в полной зависимости от спецслужб.

А Березовский понимал, что это конец бизнесу, рыночной экономике, демократии — путь к гражданской войне, к крови. И он требовал выборов.

Он меня предупредил, что если я буду продолжать с ним общаться, то у меня могут возникнуть проблемы. Хотя мог бы этого и не делать: кто я ему?

Назавтра у него была встреча с Анатолием Васильевичем Трофимовым — начальником Московского управления ФСБ. Не знаю, о чем они говорили, но когда я его провожал, впервые увидел наружное наблюдение. Стояли два человека с «дипломатом». Я эти чемоданы хорошо знаю, это камера-фотоаппарат. Стояли углом. Один сбоку из «дипломата» снимает, а другой его прикрывает, вроде как разговаривают.

Я показал их Березовскому и кинулся на них, они удрали. Смылись. Пошел, доложил руководству, что обнаружил за собой наружку.

— За тобой или за Березовским?

— За нами! Фотографировали нас обоих. Трофимов сказал — это не ФСБ. Я думаю, кто это может быть? Позвонил Рогозину в Службу безопасности президента: «Не ваша ли это работа?» Рогозин посмеялся: «Ты видел фильм про Штирлица? Помнишь, что ему сказал Мюллер? Попутали ваш «Мерседес». В общем, что-то началось вокруг нас, но было не ясно, кого пасут.

Потом были выборы, и люди Чубайса — Литовский и Евстафьев — попались с коробкой из-под ксерокса, а в ней — полмиллиона долларов наличными. Задержали их люди Коржакова. В тот день Рогозин меня попросил заехать в гостиницу «Президент-Отель» (там был штаб выборов). Приезжаю и вижу — Рогозин куда-то мчится. Я ему:

«Георгий Георгиевич, вас ждать или нет?» — «Не ждите, не ждите. Там у нас кое-что произошло...». Вечером я узнал про коробку с «ксероксом», то есть с левыми деньгами на оплату выборов.

Накануне я просил одного сослуживца напечатать мне документы. А тот говорит:

— Знаешь, Саня, не могу, докладные пишем. Приказано весь компромат срочно собрать для директора на Березовского, Чубайса, Коха и Гусинского. Готовят их арест.

Но на следующий день в отставку отправили Коржакова, Барсукова и Тарпищева. Говорят, что решающую роль в этом сыграла Татьяна Дьяченко. Это она убедила отца встать на сторону Чубайса. (Интересно, догадывалась ли она о том, что это Коржаков убрал Листьева?).

— Готовили арест одних, а получили отставку других. А ты Березовского не предупредил о возможном аресте?

— Нет, я не имел права этого делать. Вечером дома посмотрел новости. Там Чубайс торжествовал, что вбил «последний гвоздь в гроб

коммунизма». Думаю, при чем здесь коммунизм? Коржаков как раз хотел компартию запретить.

Позже ребята из Службы безопасности президента мне рассказали, что в кабинете Евстафьева была установлена техника для просмотра помещения (у нас это называется «Ольга»). Наблюдали, как Лисовский с Евстафьевым деньги таскали. Та коробка, с которой их поймали, говорят, была уже шестнадцатая, последняя. Смеялись, коробка и есть последний гвоздь в гроб коммунизма? Все понимали, что за выборы «левые» деньги платили. При чем здесь коммунизм? Обозначился новый водораздел в политике: люди с деньгами против людей с удостоверениями. А коммунисты остались в стороне.

— А ты знаешь, что всю ту ночь Чубайс прятался в клубе «ЛогоВАЗа»?

— Об этом стало известно через несколько дней, когда у нас стали обсуждать подробности. Говорили, что Коржаков собирался всех их накрыть в одном месте и что ареста не допустил генерал Лебедь, которого среди ночи подняли с постели. Но я Чубайса никогда у Березовского не встречал — видел только по телевизору.

— А если бы тебе тогда приказали их в клубе арестовать? Что бы ты делал в той ситуации?

— Исполнил бы свой служебный долг.

— Безусловно?

— Однозначно. И на Лубянке это знали. Хотя и приставали: «Как ты можешь с ним общаться? Это же вор. Обокрал всю Россию». Я спросил: «Если он украл, то у кого? Назовите потерпевшего». — «Обокрал Россию», — отвечают. Как это обокрал Россию?

Берет деньги из казны? А он что, госчиновник? Из казны может украсть только чиновник. Где этот чиновник, который ему помогает в этом. Давайте с него и начнем. Мне в ответ: «Ну ты же понимаешь, был бы он Иваныч, а не Абрамыч, вопросов бы не было». А я говорю: «Можно смириться с тем, что у тебя нет денег. Труднее — с тем, что они у кого-то есть».

Я позвонил Березовскому на следующий день после отставки Коржакова: «Как настроение, как дела?» (А вдруг арестовали? Чубайса-то я видел по телевизору, а Березовского нет). Он позвал меня на дачу.

Березовский сказал: «Саша, вчера ночью прошел еще один путч. Они делали вид, что поддерживают президента, а потом ударили ножом в спину. Как ты думаешь, что можно сделать, чтобы так больше не было?»

К тому времени я уже начал понимать, что спецслужбы реформировать

нельзя, но еще не мог четко определить, почему, что происходит. Я хорошо знал функции только одного управления, которое занималось бандами и террористами, и эта работа была нужна. Но в 1996 году участие спецслужб в большой политике еще не было очевидным. Просматривался их повышенный интерес к бизнесу.

Мы видели, что в некоторых отделах появились непомерно богатые чекисты, которые покупали квартиры, дома, иномарки — явно не на зарплату. И мы легко вычисляли, где они могли добыть деньги.

Я сказал: — Надо, наверное, выгнать оттуда несколько наиболее одиозных фигур.

Березовский спросил: «Ты их знаешь?» Я назвал нескольких генералов, которых бесят слова «СМИ», «права», «демократия». Я знал генералов, которые любили стишок:

«Товарищ, верь, пройдет она, так называемая гласность, и вот тогда госбезопасность припомнит ваши имена».

Эти люди помнили времена, когда с удостоверением КГБ можно было делать что угодно. Они не понимали, как может быть, что офицер спецслужбы приходит в банк и требует: «Дайте счета этого человека», а ему отвечают: «Извините, коммерческая тайна. Будьте добры, предъявите уголовное дело, постановление следователя, и мы вам все предоставим».

— И что же с этими одиозными генералами стало?

— Ничего. Ни один из них уволен не был, а некоторые пошли на повышение.

Я ему тогда сказал: «Эти люди вас будут душить. Всех, кто занимается бизнесом. Они хотят быть главнее и с вас оброк собирать».

А он: «Дело гораздо сложнее. Идиоты, говорит, — бросили спецслужбы на произвол судьбы, деньги им не платят, чего же хотят от них?»

Но знаешь, общую угрозу мало кто относит к себе самому... Хотя я его не раз предупреждал. У меня в те дни был разговор с генералом Осадчим — это помощник Барсукова. Он мне сказал один на один: «Передай Борису, что если Коржакова посадят, он, Борис, труп». Я в тот же день передал это Березовскому.

— Разговор с Осадчим ты довел до сведения руководства ФСБ?

— А кому я мог доложить, какому руководству? Своему начальнику отдела Платонову? Его к тому времени самого уже выгоняли из органов, давили. Я передал ему в общих словах содержание этого разговора.

— Но ты не зафиксировал это письменно? Ведь это угроза, по вашей классификации, террористического акта.

— Нет. Потому что, если бы я это написал, меня бы выгнали вслед за Платоновым. Нужны подтверждения. Разговор-то был один на один. Единственное, что мне оставалось, — предупредить Березовского: в ваш адрес идут угрозы.

— А ты часто с ним общался в те дни?

— Примерно раз в месяц. Шла война, я работал по чеченской линии, проводил оперативные мероприятия, а Березовский тогда работал зампреда Совбеза по чеченскому направлению, и у меня возникали к нему вопросы. Каждый раз говорил с ним лишь по несколько минут, У него никогда не было времени.

Но разговор с Осадчим был постоянно в уме. К тому времени уже был отравлен Кивелиди. Уже было известно, каким ядом он был отравлен.

— Из лаборатории ФСБ на Краснобогатырской?

— Да. При встрече я Борису сказал:

«Будьте аккуратней. Наши ребята на вас зуб имеют. На кухне — чтоб режим был».

Но он отмахнулся, пропустил это мимо ушей.

— Ты думаешь, что торжество победы 96-го года ослепило российских олигархов? Создало чувство ложной безопасности?

— Думаю, что они здорово ошиблись, считая своими главными противниками коммунистов. Думали, что за Коржаковым и Барсуковым никто не стоит, не понимали, что у спецслужб свой политический интерес. А спецслужбы поняли, что они не смогут кормиться, «опекая» бизнес, если олигархов не смять. В общем, спецслужбы проиграли сражение, но не войну. Но тогда это мало кто понимал. Березовский, может быть, понял раньше других.

— Ты назвал предвыборный кризис 96-го года «первым сражением» между бизнесом и чекистами. А с позиций сегодняшнего дня как бы ты оценил ход военных действий?

— На самом деле было четыре сражения. Первое — это когда олигархи бились с группой Коржакова — Барсукова. Кончилось оно отставкой Коржакова и победой Ельцина на выборах в 1996 году. Вторая битва была между олигархами в ельцинском окружении и чекистами примаконской школы, то есть старого, советского образца. Чекисты проиграли, так как Примаков не смог стать президентом. Третья битва: между олигархами — владельцами СМИ — Гусинским, Березовским, и питерскими чекистами — Путаным, Патрушевым, Ивановым началась после выборов 2000 года. Чекисты взяли реванш: отобрали телеканалы. России это обошлось дорого — исчезла независимая пресса. Так что счет

два один. Сейчас происходит четвертое сражение. Чекисты перешли в широкомасштабное наступление и стараются получить полный контроль над страной, обществом и финансовыми потоками. Эта война идет по новым правилам. После терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года Запад, в первую очередь США, стал играть на стороне российских спецслужб, которые рады отдать американцам все, что ни попросят, в обмен на то, что те закрывают глаза на их темные дела. Можно считать, что российская демократия оказалась под развалинами нью-йоркских башен. Чем это закончится, и не только для России?..

Глава 6. Последнее дело УРПО

Отдел специальных задач

— В УРПО тебя перевели в августе 97-го. Ты говорил, что лично Ковалёв отдал приказ. Как это произошло?

— Началось с конфликта с Волохом, начальником ОУ АТЦ, где я тогда служил. Моя группа проводила задержание мытищинского преступного авторитета по кличке Григор. По оперативным данным, на нём висело несколько заказных убийств. Но брали его по уголовному делу о завозе наркотиков в зоны — были доказательства и санкция на арест. У него дома устроили засаду, и когда он появился, один из моих ребят попытался надеть на него наручники. Ну а тот оказал сопротивление, ударил его сумкой по голове — и бежать. Сотрудник за ним. Как положено, произвёл три выстрела в воздух. Григор не среагировал. Мой сотрудник начал стрельбу на поражение и ранил Григора.

Увезли Григора на «скорой помощи», а меня вызвал к себе Волох и стал орать. Мол, стрельбу в городе устроили, завтра в газетах наезды начнутся. Что, мол, ведём себя, как ковбои и т. д. Я был злой, мы двое суток не спали, сидели в засаде на этого Григора. Мои люди устали. Я сам еле на ногах держался. А тут моих сотрудников домой не отпускают, стали допрашивать по одному. В общем, я хлопнул дверью и пошёл к Ковалёву.

— Он тебя сразу принял?

— Ковалёв меня хорошо знал. Незадолго до этого мы у него были с Трофимовым по поводу Хохолькова. Ещё раньше он лично отслеживал мою работу по Листьеву и взрыву у «Логоваза». Он хоть и запретил разрабатывать Хохолькова, но ко мне относился хорошо. Вообще, если рядовой опер просится на личный приём к директору ФСБ, то умный директор его всегда примет, потому что по пустякам к нему никто не обратится. А Ковалёв был умный директор.

Зашёл я к нему, стал докладывать. Мои люди бандита задержали, и он оказал сопротивление. Пришлось применить оружие. Прокуратура признала, что всё было по закону. А Волох, вместо того чтобы спасибо сказать, служебное расследование устроил. Я, говорю, своих людей никогда не сдаю. Если он не отвяжется, подам в отставку.

Ковалёв спрашивает:

— А кто стрелял?

— Подполковник Горшков. Он опытейший опер. Двадцать лет прослужил в милиции, прежде чем к нам пришёл. У него два ранения.

Восемь применений оружия. Стреляет без промаха. Несколько человек убил.

Ковалёв говорит:

— Восемь раз? Ничего себе. И это твои люди?

— Да, — говорю.

— Такие люди нам нужны. Пойдешь работать в УРПО. Забирай своих людей с собой.

Я обалдел. Как же, думаю, я туда пойду, если я ему на Хохолькова материал приносил.

А он будто мои мысли прочёл:

— Про Хохолькова забудь. Мы его проверили. Но не повредит, если у меня в УРПО будет свой человек. Согласен? Пойдешь в седьмой отдел к Гусаку.

— Чем занимался седьмой отдел?

— В общем, оглядываясь назад, скажу — внесудебными расправами. Инициативу проявил Гусак — он подал директору рапорт. Подробно написал, что уголовщина, воры в законе распустились, посадить их невозможно, так что разрешите их убирать внесудебными способами.

Ковалёв взял этот рапорт, положил в сейф, создал отдел и назначил Гусака начальником. Отдел специальных задач.

— А другие работники ФСБ знали, чем занимается ваш отдел?

— Никто не знал. Высшая степень секретности. Было известно, что отдел этот занимается разработкой преступных группировок в Москве и Московской области. Я сам, когда туда шёл, так думал.

— Сколько вас было человек?

— В отделе человек двенадцать. Всё УРПО состояло из 40 оперов, плюс собственные вспомогательные подразделения — наружка, прослушка, силовая группа, автономный оперативный учет и т. п. По существу это была отдельная ударная группа руководства. Мы находились на отдельном объекте на Новокузнецкой, там особняк стоит. Нас никто не трогал, никаких проверяющих, ничего.

— Ты говорил, что УРПО было создано специально под Хохолькова после ликвидации Дудаева. Там были какие-то специальные задачи по Чечне?

— Нет. Скорее наоборот. Дело в том, что Чечня в каком-то смысле развратила спецслужбы. Там ведь другие правила, больше позволено, большее сходит с рук. В Москве из-за того, что бандита легко ранили, Волох мне скандал устроил, а в Чечне можно ненароком десяток людей на тот свет отправить, и никто слова не скажет. Вот и решило начальство

создать в целях эффективности спецподразделение, которое могло бы действовать в Москве, как в Чечне. Я это сразу понял, на одном из первых совещаний.

Ковалёв рассказывал о новых назначениях. Речь зашла об Умаре Паше — есть у нас такой полковник, чеченец по национальности. Шебалин из нашего отдела смеётся: «Вот дошли до чего — Умар уже в центральном аппарате работает. Николай Дмитриевич, помните случай, когда Умар Паша вам предлагал Басаева отдать за сорок тысяч долларов?» Ковалёв руками замахал: «Помню, помню». Мой новый начальник Александр Гусак потом мне рассказал этот случай.

Когда Ковалёв был в командировке в Чечне, к нему пришёл Умар Паша (он работал в местном ФСБ) и заявил, что люди готовы сдать Басаева и указать место, где он сейчас появится. «Давайте сорок тысяч долларов». Ковалёв говорит: «Нет, давайте сначала Басаева». Тогда Умар Паша и говорит: «Он, может, не живой. Его могут убить». Ковалёв: «Давайте хоть мёртвого, тогда отдам деньги». Согласился Умар. Приехали к какому-то вагончику. «Вот там, — говорят, — Басаев, но туда опасно входить».

Этот вагончик расстреляли из автоматов и пулемётов. Потом оттуда повытаскивали трупы. Басаева среди них не оказалось. Какие-то крестьяне были. Семь или восемь трупов вытащили. Ковалёв говорит: «Отдал бы деньги, а потом чего? Басаева-то нету».

— То есть Ковалёв — директор ФСБ — присутствовал при совершении преступления?

— Получается, что так.

— Семь человек были убиты ни за что ни про что.

— Да. Потом сказали, что это были боевики.

— Но ведь даже не установили личности?

— Как Гусак рассказывал, ничего никто не устанавливал. Закопали и уехали. А Ковалёв радовался, что деньги не отдал. И Умара Пашу всё упрекал: «Такие деньги просишь, каких-то крестьян постреляли, а Басаева нет». Умар говорит: «Рано стреляли. Надо было подождать. Он бы приехал».

Представь, приезжают ребята из Чечни после таких операций, чтобы с бандитами бороться, а им говорят: «Это вам не Чечня, теперь всё по закону».

— Существовал ли вообще какой-либо принцип подбора кадров?

— У Гусака в группе, к примеру, служил Гриневский. Как он к нему попал? До этого он работал во Владимирской области, в одном из райотделов. Гриневский разрабатывал одного объекта, и как он сам

рассказывал, сволочь этот объект была редкостная. Андрей понял, что посадить его невозможно, потому что у того были связи в милиции и прокуратуре. Ну, в общем, Гриневский организовал его убийство. Как, кто — он не рассказывал. Просто сказал: «Надо было общество очистить от этой заразы».

Милиция вышла на Гриневского, его задержали, десять суток он просидел по подозрению в убийстве, но доказать ничего не удалось. Тогда его оттуда убрали, стали искать место, куда перевести. Кто-то из знакомых помог перевестись в Москву. Кадровик Баев ходил по отделам, спрашивал: «Никому не нужен человек?» Гусак заинтересовался: «Кто?» — «Такой-то, подозревается в том, что убил объекта. Все понимают, что это он сделал, но доказательств нет». Гусак говорит: «Нам такие люди нужны».

— А ты сам принимаешь логику Гриневского, что если объекта нельзя достать судом, то допустимо его уничтожить другим способом. Если — по заслугам?

— Теперь, после того что произошло в УРПО, я знаю, что лучше дать преступнику уйти от наказания, чем позволить менту творить беспредел. Знаю, что борьба с преступностью должна идти в рамках закона. Бандиты — вне закона, а мы — в нём! Да, нам труднее. Но если для уничтожения преступности кто-то выходит за рамки закона, то обратно не возвращается. Нет обратного хода.

Однако должен сказать, что это понимание далось мне нелегко. Когда Ковалёв направил меня в УРПО, у меня в уме был мой сотрудник Горшков — честный офицер, которого незаслуженно таскали на допрос за превышение власти. Большинство ментов, которые повседневно сталкиваются с бандитами, убийцами, законченными отморожками и не могут их достать, смотрят на закон и права человека как на досадную помеху.

Но дело в том, что если разрешить ментам или спецслужбам стать над законом, то моментально найдутся люди — в тех же самых спецслужбах или в политическом руководстве, которые начнут это использовать в своих целях, продавать, так сказать, услуги на рынке. Или захватывать власть.

Начинается с Дудаева — ведь, по сути, его убили незаконно, но все это проглотили, потому что — Чечня. Потом чеченские крестьяне — опять вроде не так страшно, они ведь чужие. И пошло. И кончается всё заказами от наркомафии или политическими покушениями.

— А как у тебя наступило прозрение?

— У каждого есть свой порог, что-то вроде запретительного барьера, и если его перейти, то назад ходу не будет. Для одних помочь старому другу

«решить вопрос» с должником, для других — продать информацию, для третьих взять свою долю «отката» за заказную операцию, для четвертых — организовать крышу, для пятых — похитить человека, для шестых — его убить, а для некоторых — взорвать автобус с пассажирами. В органах есть всякие люди — от чистых и бескорыстных до законченных отморожков. И тех и других мало. Почти все чем-то замазаны, но и жилые дома взрывать пойдёт не каждый. И вовсе не каждый в ФСБ был повязан на крови, даже в нашем седьмом отделе УРПО. Мудрость руководства в том и состоит, чтобы замазать каждого, а потом использовать в соответствии с его запретительным барьером, но не заставлять людей делать то, чего они точно делать не станут. Мой барьер наступил, когда мне приказали убить человека.

Мимо крови

— Гусак набирал в седьмой отдел людей, за которыми числились особые «заслуги», вроде того мента, который объекта убил. А ты говоришь, на тебе нет крови. Как это согласуется?

— Меня не Гусак выбрал, а Ковалёв прислал. Позже Гусак об этом в интервью сам скажет: «Я не хотел брать в своё подразделение Литвиненко. Мне его руководство навязало». Думаю, что просмотрели они меня, ошиблись. Гусак считал, что Ковалёв меня на крови проверил, а Ковалёв — что Гусак.

Уже потом, когда нас начали прессовать, они кинулись всё проверять задним числом. Гусак меня как-то вызвал и говорит: «Помнишь, ты с нами участвовал в одном мероприятии?» Я спрашиваю: «В каком?» — «А помнишь, мы, — говорит, — убили одного азербайджанца?» Я отрезал: «Я с тобой никаких азербайджанцев не убивал». — «Ну как же, — он даже растерялся, — мы его в отделении милиции забили».

— А сам Гусак? Что за ним числилось?

— У Гусака всегда была «крутая» репутация. Он сам написал в рапорте Ковалёву: «Мои подчинённые — отморозки в хорошем смысле слова». Но что за ним числилось конкретно — тогда мне не было известно. Было ясно в общих чертах. Ходили всякие слухи. Пришёл однажды сотрудник Гусака Горшков и стал проситься ко мне в группу. Горшков раньше в милиции служил, в УТРО и ОБХСС. «Ты знаешь, — сказал он, — они ненормальные, я боюсь. Они людей убивают. Я не буду там работать — уволюсь. Они выезжают на мероприятия и начинают избивать людей до смерти. Я против этого. Рано или поздно всех посадят. А что я могу сделать?»

Конкретная история, благодаря которой Гусак получил седьмой отдел, стала мне известна позже, когда мы уже конфликтовали с руководством. Гусак вывез пять человек — дагестанцев — в лес, в район Подольска, и расстрелял. В этой операции кроме Гусака участвовали Алёшин и Бавдей.

Про это я узнал случайно, когда мы уже были за штатом: у Гусака нервы сдали, и он по пьянке выболтал моей жене, как они пятерых человек вывезли и застрелили. «Ты понимаешь, — говорил, — если этот факт вскроется...» Переживал вроде.

Маруся мне это рассказала и добавила: «Скажи ему, чтобы он мне такие вещи больше не говорил. Зачем мне это? Я это знать не хочу».

— Я говорю Бавдею: «Боря, Гусак моей жене рассказал, что вы расстреляли несколько человек». Борис испугался: «Он что, с ума сошёл? Разве можно это кому-то говорить? Я так и знал, что с этим дураком мы в тюрьму сядем».

Начал проверять. Поговорил с Шебалиным, Понькиным, другими сотрудниками. Все удивлялись — а ты чего, не знал? После нашей жалобы в прокуратуру в отделе ждали обыска, а у Гусака в сейфе было незарегистрированное «палёное» оружие, а также окровавленные паспорта этих дагестанцев. Гусак приказал всё уничтожить. Документы Понькин и Шебалин куда-то увезли, а оружие спрятал другой сотрудник, капитан Соловей. Позже один пистолет из этой партии прокуратура изъяла из сейфа бывшего сотрудника нашего отдела Шевчука. Сейчас он служит в Московском управлении. Меня по этому факту допрашивал следователь Барсуков.

— Авто дал указание Гусаку убрать этих дагестанцев?

— Генерал-лейтенант Миронов. Так Гусак сказал моей жене. Я у Миронова спросил: «Иван Кузьмич, Гусак рассказывал, что вы дали команду пойти на разборку, а там людей убили». Миронов побледнел: «Я не давал команды никого убивать». И после долгой паузы добавил: «Я знал, что он сумасшедший». Именно после этого разговора Миронов ходил просить за меня к Путину. Мол, Литвиненко слишком много знает, его нельзя выгонять.

— То есть высшее начальство знало об этой истории?

— Конечно, знало. Позже, когда прокуратура занялась УРПО по нашему заявлению, Гусак мне рассказал: «Ты знаешь, у меня был разговор с Ковалёвым, и он спросил: —Чего Литвиненко дергается? Он же с вами ездил тех дагестанцев стрелять?» Я ответил, что тебя там не было. Ковалёв спросил: «А где он был? Как — нигде»? И он попал в УРПО?!»

Вот и всё. Они думали, что я был «где-то». Они даже представить себе не могли, что я — не замаранный. Проскочил мимо крови.

Но если бы кровь была — мне бы её припомнили, и из Лефортово я бы уж точно не вышел. Ведь они проверили все мои дела за десять лет и не нашли ничего серьёзнее, чем обвинить меня в том, что я однажды стукнул арестованного бандита, поставив ему синяк «величиной с копейку». Но и в этом суд меня оправдал!

— А за что убили дагестанцев?

— Дело было так. У сына бывшего председателя КГБ Семичастного была коммерческая фирма, которая кому-то задолжала деньги. Дагестанцев, как я понял, наняли деньги из него выбить. Семичастный-младший

пожаловался папе, тот пошёл к Ковалёву и попросил помочь. Ковалёв вызвал Гусака, приказал разобраться: «Иди к Миронову, пусть оформит».

Гусак тогда, как и я, служил в ОУ АТЦ, и они с Мироновым этот наезд оформили как угрозу террористического акта против Семичастного-отца. Что уж там получилось, не знаю, но Гусак поехал на разборку, и она закончилась пятью трупами.

Заказ на олигарха

— У тебя прозрение наступило в тот момент, когда тебе приказали убить Березовского, Не Петрова, не Сидорова, а Березовского. Я думаю, наиболее деликатный момент именно в этом. У Березовского ведь был мотив сфабриковать всю эту историю. Мол, ты «прозрел» и начал «разоблачать» спецслужбы по его заказу.

— Неправда. Помимо Березовского, было ещё два случая, о которых мы дали показания в прокуратуру и потом говорили на пресс-конференции. Но Березовский — самая громкая фамилия из трёх, и на другие просто не обратили внимания. Тебе, например, что-нибудь говорит фамилия — Трепашкин?

— Трепашкин?

— Осенью 1997 года, когда мы только перешли в УРПО, ко мне подошёл начальник моего отдела Гусак и сказал: — Есть такой Трепашкин, его надо разыскать. Он бывший сотрудник ФСБ, не сдал удостоверение и ездит бомбить водочные киоски, деньги получает. Надо это удостоверение изъять». Я говорю: «Хорошо. А где он работает?» Гусак отвечает: в налоговой полиции. Я удивился: «Как это в налоговой полиции? И его найти никто не может? А кем он там работает?» — «Начальником следственного отдела».

— Саша, — говорю я, — а тебе не кажется смешным, что начальник следственного отдела Налоговой полиции Московской области бомбит водочные киоски с удостоверением ФСБ? Если вымогать, то лучше с удостоверением налоговой полиции. С ним можно не с киосков, а с заводов водочных брать. И как это он удостоверение не сдаёт? У него же есть начальник, который может приказать ему сдать удостоверение ФСБ.

Гусак замялся: «Саша, тут вопрос деликатный, я не хотел тебе говорить. Трепашкин подал на руководство, на Ковалёва, в суд. И тот лично просил с ним разобраться». — «Как разобраться?» — «Ну, короче, Саша, ему надо заткнуть рот. Он пошёл в газету, дал интервью, надо ему чего-нибудь подбросить или посадить его».

Мы спустились в отдел кадров. Мне показали личное дело, фотографию, где он ещё молодой, в чине старшего лейтенанта... Лицо симпатичное, приятное. Трепашкин, оказывается, более десяти лет проработал в Следственном управлении КГБ СССР. Дослужился чуть ли не до начальника следственного отдела.

Я говорю: «Слушай, подкинуть пистолет следователю, ты чего это, смеёшься? Он сразу дело развалит». Гусак согласился: «Да, я тоже так думаю. Знаешь чего, давай его просто звезданём, и всё. Чего с ним возиться? Для всех понятно: шли, мол, за удостоверением, а он оказал сопротивление, вот его и звезданули. Только чтобы ни в коем случае не узнали, что мы из ФСБ».

— Сань, ты понимаешь, он же в суд заявил, — упрямство Гусака меня поражало.

— Он же — особо охраняемое государством лицо. Если кто-нибудь узнает, что мы с ним сделали, что с нами будет? У них же есть Управление собственной безопасности.

— Слушай, — потерял терпение Гусак, — там всё схвачено. И вообще, ты понимаешь, для чего нас всех сюда перевели? Ты чего, не понял? Мы заказной отдел. Мы обязаны решать проблемы руководства. Ты понимаешь, какую нам честь оказали? А ты вопросы задаёшь. Давай, думай. Я тебе даю в помощь Щеглова, Шебалина и Понькина.

Делать нечего, я начал разрабатывать Трепашкина. Изучать его дело, выяснять его круг, разговаривать с людьми и т. п. И чем больше я узнавал о нём, тем более он мне становился симпатичен. И я решил, что не буду с ним «разбираться», как-нибудь закопаю задание, спущу на тормозах.

Позже, когда я познакомился с Трепашкиным, он мне рассказал, что с ним произошло. Работая в ФСБ, он разоблачил чеченскую группу, занижавшуюся вымогательствами, убийствами и незаконным оборотом оружия. И не разобравшись в «тонкостях» дела, задержал самолёт с оружием, который нелегально отправлялся в Чечню. А за этими поставками стоял кто-то наверху. Его и выгнали.

Трепашкин заявление Ельцину написал, обратился в суд, пошёл в газету. По поводу этого интервью даже коллегия ФСБ собрали, решали, что делать, как ему заткнуть рот. Фабриковали материалы, что Трепашкин вымогал деньги у некоего гражданина Писякова. Нашли какого-то человека, привезли его в Москву из Санкт-Петербурга, начали доказывать. Потом пытались сфабриковать материалы о том, что он разгласил сведения, составляющие государственную тайну. Оказывается, государственной тайной является то, что Трепашкин — бывший подполковник спецслужб. Трепашкин всё же процесс выиграл.

— Именно просьба разобраться с Трепашкиным вызвала у тебя первые сомнения?

— Да. Я тогда Гусаку сказал, что это — сложное дело, непонятно, куда может завести, и мне надо время, чтобы во всём разобраться. И он

отвязался. А я задумался.

А через пару недель — опять. Перед нами поставили задачу похитить известного бизнесмена Умара Джабраилова, чтобы выволить из чеченского плена наших офицеров... Вот так, открытым текстом.

— Официально приказали похитить Джабраилова?

— Да, чтобы получить за него деньги и выкупить офицеров. Без денег никто Джабраилова на офицеров не поменяет.

— Кто поставил такую задачу?

— Руководство управления. Генерал Хохольков и его заместитель Макарычев.

— Ты своими ушами слышал?

— Дело было так. Я довольно много занимался розыском заложников. Разработал даже целую систему и в общем считался специалистом. И вот как-то меня Гусак пригласил в кабинет, где шло совещание. Присутствовали Бавдей, Гусак, Понькин, Шебалин и Щеглов.

Гусак спросил:

— Саша, как украсть человека, чтобы не нашли? Я удивился:

— А что, воровать кого-то собрались?

Вот тогда Гусак рассказал, что ему поставлена задача похитить Джабраилова.

У Джабраилова прослушивали телефон. По нему работало наружное наблюдение. Установили его местонахождение. Этим занимался Понькин. У него была на Джабраилова вся подборка. Он же предложил — лучше похитить не Умара, а его младшего брата Хусейна. По чеченским обычаям, за младшего брата брат всегда заплатит. И похищать проще — самого Джабраилова охраняет нанятая им милиция.

Я объяснил им, как похитить человека, чтобы не поймали. Вспомнил случаи, когда наш розыск заходил в тупик и не дал результата.

Тот, кто выкрадывает человека, не должен знать, где его спрячут. Те, кто охраняет, не должны иметь контакта с тем, кто вымогает деньги. Я знаю, что в этом случае ни милиция, ни мои коллеги никогда не будут задерживать человека, который вымогает деньги, пока не установят точно, где находится заложник. Поэтому сказал, что если заложник будет в одном месте, а тот, кто вымогает деньги, — в другом и никогда не приведет к заложнику (просто не знает, где он), то его никогда и не задержат, иначе заложник будет убит.

— Словом, если заложника берут спецслужбы, то найти его Практически невозможно, поскольку они знают все тонкости этого дела? И главное — знают, кто их будет искать.

— Да, конечно, его найти невозможно, даже если задержат того, кто вымогает деньги. Спецслужбы своего вытащат, а заложник погибнет. Кроме того, я порекомендовал Гусаку проводить мероприятие совместно с третьим отделом РУОПа. Потому что освобождением заложников в то время в Москве занималось это подразделение. Они специализировались на заявителях и заложниках. Понятно, что его только этот отдел искать будет. И надо работать совместно: внедрить своего человека туда. У нас будет оперативник, который полностью контролирует ход розыска.

— Выходит, ты практически помогал разрабатывать преступление?

— Да, помогал разрабатывать преступление, о чём сожалею и о чём я позже заявил в прокуратуру. К счастью, оно не состоялось. Я не скрываю: по указанию своего руководства объяснял, как это всё провести. Позже я присутствовал ещё на одном совещании, когда к нам приехали сотрудники силового отдела — они, собственно, и должны были осуществлять похищение по нашей разработке. Похищение должно было произойти во время концерта Махмуда Эсамбаева, на который пригласили Джабраилова. Это стало известно при прослушивании его телефонных разговоров.

Сотрудники силового отдела спрашивают:

— Его охраняет милиция. Что с ней делать? Они же с автоматами.

Руководство сказало:

— Валить ментов. Нечего было этого чеченца охранять.

— Приказ был устный или письменный?

— Устный, конечно. Кто же такие письменные приказы даёт?

— Похищать человека и валить при этом ментов, которые его охраняют?

— Да. Причём в деле похищения Умара была ещё одна хитрость. Хохольков сказал, что он сейчас подозревается в убийстве американца Пола Тейтума. А у того есть родственник, который хочет отомстить. Мы Умара украдём, получим деньги. А при розыске основную версию будем отрабатывать — месть американца.

Кстати, как я узнал впоследствии, Пола Тейтума тоже убили спецслужбы — мне Гусак об этом рассказывал по пьянке.

Но силовой отдел отказался похищать Джабраилова. Они потребовали деньги вперёд! Объяснили, что один раз уже похитили человека по заказу руководства, привезли к нам в спортзал, и он там три дня сидел, прикованный к батарее наручниками. На операцию эту они выезжали в командировку, и им обещали заплатить. Но «командировочные» никто так и не выписал. Приехал Камышников, забрал заложника и не заплатил. Поэтому они сказали — сначала деньги. И уехали.

— А когда ты первый раз услышал о заказе на Березовского?

— 27 декабря 1997 года мы проводили мероприятие по задержанию членов преступной группировки, состоявшей из сотрудников милиции. Двоих задержали, и необходимо было арестовать ещё двоих. Мы уже почти достали их, но тут... Около девяти утра я доложил ситуацию Гусаку. Вскоре мне перезвонил дежурный и попросил связаться с Камышниковым, который в это время был ответственным по управлению. Он приказал срочно всё сворачивать. Я пытался объяснить, что два преступника ещё на свободе, что если мы их до понедельника не задержим (была суббота), то они либо скроются, либо уничтожат вещественные доказательства. А Камышников всё равно: «Я вам приказываю всё закончить и вернуться в управление».

Мы вернулись в управление, Камышников пригласил всю группу в кабинет. Меня, полковника Шебалина, майора Понькина и старшего лейтенанта Латышёнка. И сказал: «Вы, ребята, занимаетесь не своим делом».

Я попытался возразить:

— Как не своим? У меня сотрудники СОБРа Московского РУОПа фактически захватывают заложников, занимаются вымогательством! Самое моё дело.

У нас уже были неподтверждённые данные, что они и убивали, и взрывали. Мы собрали доказательства, а нас — тормозят. Но Камышников гнёт своё:

— Есть угрозыск, у них там много народу, пусть этим и занимаются. А нас всего восемьдесят человек в управлении, у нас другие задачи.

И Камышников коротко объяснил, какие это задачи. Он показал книгу Судоплатова, знаменитого начальника террористического отдела ещё при Сталине. Хлопнул по книге и сказал: «Вот этим мы должны заниматься. Вы команда, друг друга знаете, хорошо подобраны. Такие люди нам нужны. Поэтому не надо ругаться, жить как пауки в банке. Надо дружить, быть вместе и решать проблемы. Вы понимаете, что такое команда?»

Далее он стал развивать мысль, что мы — отборные мужики, и наша команда обязана решать проблемы правительства и высшего руководства ФСБ. Поэтому мы всем обеспечены — у нас своё наружное наблюдение, своя техника — всё собственное. Это сделано из-за повышенной секретности, никто ничего о нас не знает даже внутри ФСБ. Мы — сверхсекретные. И выполнять должны спецзадачи.

Понькин ему в ответ, что мы всё подготовили по Джабраилу, но силовой отдел отказался, и поэтому у нас мероприятие сорвалось.

Камышников отмахнулся: «Продолжить мероприятие. Джабраилова украсть надо всё равно».

И тут он поставил новую задачу: «Ещё есть люди, которых невозможно достать. Они накопили большие деньги, и добраться законными способами до них нельзя. Они всегда откупятся и уйдут от уголовной ответственности. И эти люди наносят большой ущерб государству. Вот ты, Литвиненко, знаешь Березовского? Ты и должен его ликвидировать».

Сижу, молчу. Что скажешь? Березовский в то время был советником Ельцина, известным политиком. В принципе, его убийство — это террористический акт. По приказу ФСБ, при подобных высказываниях людей берут в разработку, пока не выяснится, есть под этими словами реальная почва или нет. Поэтому когда Камышников сказал, что мне надо убить Березовского, я промолчал. Он встал из-за стола, подошёл ко мне, слегка нагнулся и повторил:

— Ты знаешь Березовского — ты его и уберёшь. Я показал пальцем на потолок, мол, вдруг прослушивается, и постучал по виску — думайте, что говорите в помещении.

— И больше ты никак не отреагировал?

— А что я должен был делать? Скажи я, допустим: «Понял, Александр Петрович, я готов», — Камышников записал бы меня на плёнку, а кто-нибудь другой его бы грохнул... Взяли бы плёнку, отнесли в следствие и сказали: Камышников пошутил, а этот дурак взял и убил. Правильно?

Забегу немного вперёд: когда по этому факту разбиралась прокуратура и у меня с Камышниковым была очная ставка, следователь предложил нам задать друг другу вопросы. Я спросил: «Александр Петрович, вы давали команду убить Березовского?» Камышников: «Я отказываюсь отвечать на этот вопрос'. Сослался на 51-ю статью Конституции, где сказано, что человек имеет право молчать, если его слова могут быть использованы против него. Я задал другой вопрос: «А разговор о Березовском шёл во время этого совещания?» Камышников опять сослался на ту же статью Конституции.

После совещания мы вышли из кабинета. Все были потрясены. Поехали к Гусаку (в тот день он был дома). Пришли, всё рассказали. А Гусак и говорит: «А чему вы удивляетесь?» Оказывается, в ноябре этого года Хохольков тоже дал ему команду готовить ликвидацию Березовского.

«Мне приказано вас убить»

Перед тем как принять окончательное решение, я и мои подчинённые собрались у меня в кабинете и стали думать, что делать. У нас было три пути.

Первый — начать подготовку к убийству. Я сказал: «Нас втягивают в бандитизм». И если мы начнем убивать, нас никто не тронет. Будем себе спокойно заниматься «крышами», зарабатывать большие деньги. Как говорят, каждый — в меру своей испорченности. Я не скажу, что в ФСБ все поголовно занимаются вымогательством. Но здесь к каждому надо подходить индивидуально... всякое бывает. Но убивать людей? Хладнокровно, по приказу шефа? Тогда мы — бандиты, а он — пахан. Как только убьём первого, обратного хода у нас не будет.

Путь второй — выступить, открыто об этом заявить. И тогда — я не знаю, что будет тогда. Может, пересажают, может, поубивают, может, оставят в покое. Я не знаю, но ничего хорошего нам не светит.

И путь третий — нище ни слова не говорить, потихонечку от всего отойти и постараться перейти в другие подразделения. Кстати, в это же время я пошёл туда, где служил раньше, к начальнику отдела Колесникову и заместителю начальника управления Миронову, и попросил забрать меня обратно. Они мне сказали: «Кто же тебе уйти даст?» И усмехнулись.

Тогда я понял, что на мне уже клеймо. Меня уже никуда не берут, как из банды.

И тогда мы решили...

— А вы не боялись, что ваше совещание прослушают?

— Чего бояться? Если собирается больше двух человек и начальство захочет об этом узнать, оно и так узнает.

Да это и не совещание было, скорее мужской разговор. Кстати, я всё-таки надеялся, что кто-то пойдёт расскажет начальству, либо простушка будет, и нас просто разгонят. Тихо, молча разбросают по разным подразделениям, и всё, и забудут. Но этого не случилось.

— И кто тогда участвовал в этом разговоре?

— Понькин, Латышёнок, Щеглов.

— А Гусак и Шебалин?

— Их не было. Они, кстати, мне не подчинённые: Гусак — мой непосредственный начальник, а Шебалин — как и я, его заместитель.

Так вот, мы с моими ребятами решили, что никого убивать не станем, а

дальше посмотрим. Будь что будет. А Понькин сказал: «Саша, надо сказать Абрамычу. Жалко его — я его по телевизору видел, нормальный мужик. Я знаю наших ребят. Знаю, чем они занимаются. И если решили Абрамыча грохнуть, то грохнут».

Прежде чем сказать это Березовскому, я собирался всё-таки поговорить с Ковалёвым. Не хотелось думать, что он знает об этом и фактически является соучастником. Я несколько раз пытался попасть к нему на приём, но не удалось. Раньше я мог к нему попасть, а в этот раз — почему-то нет. Может быть, Ковалёв специально не хотел со мной встречаться? Если подчинённый что-то докладывает начальнику, тот становится заложником этой информации и должен принимать меры. А так — не знал, не слышал.

— А как-нибудь письменно передать можно было?

— Кто же такие вещи передаёт через третьи руки? Я вообще не хотел с Ковалёвым в кабинете в открытую говорить. Хотел на бумаге написать, лично отдать, чтобы при мне прочитал.

— Ты не исключаяешь, что даже кабинет директора ФСБ прослушивается?

— Я знаю, что он прослушивался ФАПСИ. Личная встреча была важна, потому что хотел посмотреть в глаза Ковалёву. По глазам, по выражению лица, по поведению, по реакции человека можно понять — знает он или нет.

Не сумев пробиться к Ковалёву, я решился на разговор с Березовским. Я должен был его предостеречь. Считаю, что каждый офицер правоохранительных органов должен спасать жизнь людей любыми способами. Другого пути в тот момент я не видел.

Позвонил, узнал, что Борис Абрамович в больнице. По телевизору передали, он что-то повредил себе, катаясь на снегоходе. Так и не удалось с ним поговорить — он улетел в Швейцарию на лечение.

Только где-то в марте, за два дня до снятия Черномырдина, в субботу я приехал к Березовскому на дачу. И сказал: «Борис Абрамович, мне приказали вас убить». Он говорит: «Ты в своём уме? Ладно, не шути». И смотрит на меня как на идиота. «Это серьёзно», — сказал я. И всё рассказал.

— А твои друзья это подтвердят? — спросил он.

— Не знаю, не спрашивал. Но думаю, подтвердят.

Он сказал: «Иду к генеральному прокурору. Прямо завтра».

— Я вам не советую к нему идти. Скуратов — бывший кагебэшник. Ему что скажет Ковалёв, то он и сделает, — стал я его отговаривать.

— А ты что предлагаешь?

— Пойти к Ковалёву. Зачем шум? У нас какая задача — шум устроить или чтоб вы в живых остались? И срочно проверить, кто стоит за этим распоряжением. — Я был уверен, что самому Камышникову Березовский и даром не нужен. — Наша задача установить, кто Камышникову поручил. Либо он действует по заданию руководства, либо это левый заказ, за деньги.

— Тебе просто надо было уточнить — это левый заказ или государственный?

— Это важно было понять для ответных действий. И я настаивал на визите к Ковалёву.

— А на тебя ссылаться можно? — спросил Березовский. — Конечно, а как же? Если вы на меня не сошлётесь, то откуда узнали? Как директор будет давать команду Управлению собственной безопасности, если нет источника?

Через несколько дней Березовский приехал к Ковалёву, и буквально через час тот вызвал меня к себе. Он сидел в кожаном плаще за столом, куда-то, видимо, торопился, была пятница. И говорит: «У меня был Березовский и рассказал о приказе его убить, это правда?» Я ответил: «Да, правда».

Ещё до того, как Березовский пошёл к Ковалёву, я поговорил с Шебалиным и Понькиным — готовы ли они всё это подтвердить? Они согласились. Мы втроём пришли к Березовскому и всё подтвердили.

— Стой. Шебалин — старший офицер, как и ты. И тебе не подчинялся. Так?

— Так точно. Но он был на совещании 27 декабря и слышал приказ Камышникова. Поэтому я к нему пришёл, а он согласился.

Наш разговор с Березовским был записан на плёнку. Зачем? Может, это и нехорошо, но я сказал Березовскому: «Запишите всё это скрытой камерой». Потому что я знал — если начнётся серьёзная разборка, на людей начнут давить, и они станут отказываться. Я считаю, что чист перед всеми, потому что сам был в кадре.

Потом всё так и произошло — ребят начали давить. Понькин мне сказал: «У тебя своя жизнь, у меня своя». Шебалин просто начал лгать. (А на плёнке — все прямо сказали, что ФСБ превратилась в банду, занимается заказными делами.)

И вот Ковалёв спрашивает: «А ты точно это слышал или, может, он пошутил?»

— Я был не один, — говорю, — и никто за шутку это не принял.

Тогда Ковалёв не взял с меня ни рапорта, ничего: «Ладно, иди. Потом

встретимся и поговорим... В среду он позвонил мне домой (я болел): «Ты можешь приехать ко мне?» Я предложил: «Давайте, я приеду не один, а со всеми остальными, кто был. Можно, и Гусак придёт, ему тоже Хохольков такую команду давал».

Мы пришли к Ковалёву в кабинет: я, Гусак, Латышёнок, Понькин и Шебалин, и всё рассказали. Ковалёв несколько раз переспросил: «Записали вы на диктофон или не записали? Такие вещи надо записывать».

— А ты ему не сказал, что Березовский сделал видеозапись?

— Нет, я не мог предугадать ответных действий. Я уже себя чувствовал как бы на боевой тропе и передвигался с осторожностью. Я никому о плёнке не говорил. Даже в суде. Потому что я знал, что всё могут уничтожить. Теперь понимаю, что был прав.

Ковалёв спросил: «Что вы предлагаете?» И тогда я сказал:

— Надо, чтобы Управление собственной безопасности взяло Камышникову в разработку и проверило Хохолькова. Узнало, кто за этим стоит. Ведь у них самих нет мотива. Второе: я предлагаю повторить разговор с Камышниковым. Я же могу прийти и сказать: «Вот я, в принципе созрел и готов». И мы это задокументируем.

Ковалёв опасался, что Березовский поднимет скандал. Я говорю — никакого скандала он не устроит. Ему ведь не шум нужен, а безопасность. И чтобы во всём этом объективно разобрались.

Потом Ковалёв попросил всех выйти, а Гусака остаться. И минут через десять тот вышел и сказал, что директор просит забыть обо всём и отказаться от этой затеи. А то у всех будут крупные проблемы, потому что нельзя дискредитировать спецслужбы.

— Директор очень недоволен тем, что ты всё рассказал Березовскому. Он сказал, что это — предательство интересов спецслужбы. Пошел и выдал всё постороннему человеку.

Я опешил:

— Предательство в том, что спецслужбы хотели убить Березовского.

— Ну, ты понимаешь, — промямлил Гусак, — мы много разных мероприятий проводим, нельзя же обо всём сообщать постороннему лицу. Как будто жертвы — это посторонние.

— Тебе известно, в каких «разных мероприятиях» Гусак участвовал? Ты упоминал ликвидацию Тейтума?

— Про Тейтума я уже потом узнал, когда началось следствие. Когда люди начали отказываться от своих показаний, испугались. И больше всех — Гуск. А тогда я спросил: «Саня, чего ты боишься-то?»

— Ты понимаешь, люди пропадают без вести. Ты понимаешь, что мне

конец? — Он был в панике. — Надо всё это замять, отказаться от показаний, чтобы не было никакого следствия.

На следующий день, как мне стало известно, Ковалёв пригласил к себе Хохолькова, и полдня они о чём-то совещались. В тот день мой телефон поставили на контроль. А в отношении Гусака начали служебное расследование.

— Вы же ещё не предприняли никаких действий. Почему начали расследование?

— Думаю, начали давить для острастки. И готовить Гусака на роль крайнего», на всякий случай. Или и то и другое. Поводом для служебного расследования послужило то, что в своё время заместитель начальника управления генерал-майор Макарычев дал команду Гусаку разгромить водочные киоски в одном из подмосковных городов. Макарычев занимался нелегальной поставкой левой водки из Кабардино-Балкарии, и какие-то конкуренты мешали его фирме. Надо было их подавить, и он дал команду Гусаку. Задачу сформулировал так: эти люди связаны с чеченскими боевиками, и полученные деньги идут в Чечню. Так делали обычно: писали, что такую-то фирму надо разгромить, так как она используется чеченскими боевиками для зарабатывания денег на терроризм. И громят фирму, как денежный канал чеченских боевиков.

А назначили служебное расследование в связи с тем, что Гусак эти материалы по водке передал в ГУВД Московской области. Свели всё к тому, что Гусак выдал милиции сведения, составляющие государственную тайну.

— Каким образом водочные киоски могут представлять государственную тайну?

— Они финансируют боевиков — в этом государственная тайна. Гусак возмутился — какие сведения, какая тайна! Обычные водочные киоски... А к вечеру его вызвали к Хохолькову. Вскоре он позвонил мне и сказал:

«Хохольков просит тебя приехать. Надо решить вопрос с Абрамычем, чтобы шума не было». Я спросил: «А откуда Хохольков об этом узнал? Саша, ведь директор сказал — никому ни слова».

Гусак ответил, что перезвонит, и положил трубку. Тогда я позвонил директору ФСБ по оперативной связи: «Николай Дмитриевич...»

— По оперативной связи? Что это такое?

— Есть связь специальная, оперативная — закрытая, частотная.

— По ней соединяют сразу же?

— Там соединяешься через дежурного. Но она закрытая, можно говорить всё, что угодно, её невозможно прослушать.

— Даже спецслужбам?

— Спецслужбы могут прослушать, а посторонние — нет. ФАПСИ может прослушать... Я сказал Ковалёву: Николай Дмитриевич, у нас с вами был разговор. Вы обещали, что Управление собственной безопасности начнёт изучение Камышникова и Хохолькова по поводу их намерений в отношении Березовского. Но это же должна быть негласная работа. Вы попросили никому не говорить. А откуда Хохольков знает об этом?»

Ковалёв отвечает: «Сейчас узнаю, откуда ему стало известно, я ему не говорил». Через пять минут он сам перезвонил: «Это сказал Гусак. К Хохолькову не ходи».

Минут через тридцать Гусак приехал в отдел, я спросил его: «Саша, зачем ты сказал Хохолькову о разговоре с Ковалёвым? Ведь был же приказ директора, а ты выдал объекту Управления собственной безопасности информацию, что по нему работают, это же предательство». Гусак ответил: «Ему об этом сам Ковалёв и сказал. А мне Хохольков сказал: «Саша, ты должен прикрыть директора». Видно было, что он понял, что если состоится скандал, то из него сделают «крайнего».

Я понял, что Гусак говорит правду и что Ковалёв врёт. Замечает следы. Как профессионал, как опер я понял, что имею дело с преступниками. Мне тогда стало ясно, что заказ не «слева», а сверху пришёл. И что о нём знал Ковалёв. В ином случае он бы спокойно во всем разобрался.

Тогда я понял, что и над Березовским, и надо мной, и над моими подчинёнными нависла реальная опасность. Я позвонил Березовскому и сказал: «Борис Абрамович, нас предали». И рассказал ему, что Ковалёв обо всём поставил в известность Хохолькова, и сейчас с нами начнут разбираться.

— Ты опять не боялся прослушки?

— А чего было бояться? Я уже пошёл с открытым забралом.

— Ты звонил прямо из кабинета?

— Нет, из дома.

— Но у тебя же телефон прослушивался?

— Да. Я уже понимал, что мой телефон прослушивается. Но не думал об этом. Не потому, что мне отступать было некуда. Всегда есть лазейка. Пойти к Ковалёву, пасть на колени... Они бы меня сослали куда-нибудь в горотдел Московского управления года на три. Но я принял решение идти до конца.

Мне было до глубины души обидно, что нас предают. И до того нас предавали, но — мелкие сошки. А тут я знал, что предают на самом верху. Получается, что мы все, оперативные работники, пешки и дураки. Рискуем

жизнью день и ночь, в нас стреляют, на нас нападают, а начальство держит нас за идиотов. Они гребут деньги и плевать хотели на государство, на безопасность и на преступность.

Я позвонил Березовскому, мы встретились. Он сказал: «Я был у первого заместителя главы президентской администрации Савостьянова, и он попросил вас прибыть к нему».

Глава 7. Бунт на корабле

Завтра вас арестуют

Мы пошли к Савостьянову вчетвером: я, Шебалин, Латышёнок, Понькин. Все, кто участвовал в совещании 27 декабря. Нас попросили написать рапорта и отправили в соседний кабинет...

— В Кремле всё происходило?

— Нет, на Старой площади в президентской администрации. Мы сели. Шебалин спрашивает: «Что будем писать?» Тоща я впервые заподозрил, что он провокатор. Если бы мы написали под диктовку, одинаково, нас бы обвинили в сговоре. (Я хорошо знал оперативную работу.) Поэтому я сразу почуял подвох: «Витя, каждый будет писать то, что слышал» — «Но ты же понимаешь, а вдруг там что-то не так». Я повторил: «Витя, каждый будет писать всё, что он слышал. И если кто-то не слышал слов Камышникова, он об этом писать не будет. Здесь дело совести и чести каждого офицера. Садимся по разным углам и пишем, кто как слышал». Мы написали и сдали рапорта.

Савостьянов передал их в Главную военную прокуратуру, в Управление по надзору за органами госбезопасности, начальнику управления генералу Анисимову. Интересно, что как только эти рапорта были переданы, у меня раздался звонок. Звонили из поликлиники ФСБ, предложили прибыть на медкомиссию. «Понимаете, те, кто был в Чечне, в течение года у нас проверяются у невропатолога». Я объяснил, что прошло больше года. И не пошёл. Тогда мне позвонили сверху и сказали: «Вас же вызывают в госпиталь, почему не идёте?»

К невропатологу я так и не пошёл, потому что знал: из его кабинета меня увезут в психбольницу.

Через несколько дней позвонил Шебалин. Он срочно просил приехать к нему домой. У него в гостях был Василищев — начальник отдела собственной безопасности ФАПСИ. Шебалин мне сказал, что сейчас идёт крупная разборка между директором ФАПСИ Старовойтовым и директором ФСБ Ковалёвым. На место Старовойтова хотят поставить другого человека. В общем, драка. А тут фапсишники разузнали, что скандал начинается в ФСБ, и стали прослушивать Ковалёва. Василищев сказал:

— Мы прослушали Ковалёва и узнали, что вас всех вызывают на совещание к десяти часам и там могут арестовать.

А накануне у меня был разговор по телефону с Ковалёвым, и директор

пригласил нас всех приехать на совещание. Дело было в субботу. А в воскресенье Василицев мне рассказывает: «Вас собираются поместить в Лефортово. Говорю, чтоб вы в курсе были».

Стали размышлять, как быть. Василицев предложил записать кассету и отдать в ФАПСИ, Старовойтову. Понятно было, что нас собираются использовать в борьбе с руководством ФСБ. Но зачем мне участвовать в этих разборках между спецслужбами? Я хотел добиться истины. Мне было важно узнать, кто стоит за Камышниковым, кто хотел убить Березовского...

Я всё-таки решил записать наш рассказ на плёнку. Только это должен был сделать журналист. Я позвонил известному телеведущему Доренко. Было уже около двенадцати ночи. Мы встретились ночью: я, Гусак и Понькин. Шебалин в последний момент отказался ехать. Мы Доренко всё рассказали. Было записано четыре кассеты.

— Как, успели за ночь? Это же многосерийный фильм!

— Успели. Ведь впереди маячило Лефортово. Гусак рассказал, как давали команду похитить Джабраилова, я — как давали команду убить Березовского, Понькин — как он работал по Тейтуму. Кроме того, я ещё рассказал, кто убил Листьева — весь разговор с Трофимовым передал. Четыре месяца спустя, после нашей пресс-конференции, Доренко действительно показывал этот фильм как боевик. Мы даже отбили зрителя у рейтинговой ленты «Никита».

— Ну и Доренко «отбили».

— Да, его выгнали с эфира. Прошло две или три серии, остальное ему запретили показывать.

— Понятно, почему Шебалин не пошёл к Доренко — ты сказал, что он был провокатором и телезапись не входила в его миссию. Но совершенно непонятно, почему с вами пошёл Гусак. Судя по твоему рассказу, его нельзя заподозрить в чистоте помыслов.

К тому же он пользовался доверием Ковалёва и Хохольюва, помогал им тебя «разводить», уговаривал отказаться от обвинений. Зачем он пошёл записываться к Доренко?

— Я думаю, он запаниковал, когда услышал, что завтра нас арестуют. Или вдруг решил, что Березовский с Доренко сильнее Хохолькова с Камышниковым. Не рассчитал, одним словом. Это его и погубило. Уверен, что Хохольков его считал своим, пока не узнал о записи у Доренко.

«Саша, вы проиграли»

А утром после съёмок мы пришли к Ковалёву — всем отделом. Там присутствовал генерал-лейтенант Лысков, помощник Ковалёва. Нашу беседу, как мне потом стало известно, сняли скрытой камерой. Лысков сидел спиной к камере, а Ковалёв сбоку — их видно не было, а весь наш отдел рассадили напротив и снимали.

— Весь седьмой отдел? Это сколько же человек?

— Гусак, Шебалин, Щеглов, Понькин, Бадвей, Скрябин, Ермолов, Соловей, Шевчук, Круглов, Латышёнок. Все, кроме Енина.

— И все подтвердили твои обвинения?

— Да.

— Ты видел эту кассету?

— Кассету не видел. Но мне рассказывали, что генералы смотрели и возмущались нашей наглостью. Ковалёв начал с того, что иностранные спецслужбы неустанно ведут работу по разрушению наших правоохранительных органов и ФСБ, систематически и всячески пытаются их дискредитировать. Этим занимаются Англия, США, страны НАТО, а также Израиль. Речь длилась двадцать минут. Кругом враги, мы в плотном окружении, а есть люди, которые не понимают, что играют на руку западным спецслужбам, либо с ними связаны.

Когда он закончил, встал я:

— Николай Дмитриевич, я не являюсь агентом ни израильской, ни американской спецслужб. Я бы не хотел так далеко уходить в политику. Я вот на бумаге могу расписать, чем некоторые наши генералы занимаются. Причём распишу подробно, приведу конкретные эпизоды преступной деятельности.

Ковалёв замотал головой:

— Не надо мне твоей схемы. Сегодня вас должны вызвать в военную прокуратуру для дачи объяснений по поводу ваших рапортов. Я бы попросил вас (обратился ко мне) сказать в прокуратуре, что этого вообще не было, что Камышников ничего такого не говорил. И на этом всё успокоится. Вы понимаете, ведь это же какой удар по Системе.

— Я не могу отказаться от своих слов и врать в прокуратуре, — ответил я.

Лысков предложил: «Можно сказать по-другому. Что да, Камышников говорил, но это был не приказ, а просто шутка. Нелепая шутка, и всё». Я

возмутился: «Какая шутка? Это был приказ. Почему я должен врать? Не буду я этого делать».

И тут Ковалёв произнёс:

— Александр, но мы ведь можем тебя посадить в Лефортово, ты же знаешь.

— А за что?

— Ну, изучим твою рабочую биографию, что-нибудь да найдётся, — улыбнулся он. — Но мы же этого не хотим. Ведь то, что вы делаете, по органам бьёт. Всё должно быть тихо. Зачем сор из избы выносить?

И я предложил:

— Хорошо. Я понимаю, что это ударит по органам, и предлагаю следующее: назначьте комиссию и во всём разберитесь внутри органов. В комиссию должны войти не только те, кого вы сами предложите, но и те, кого мы назовём. Мы знаем честных генералов, которые во всём разберутся.

Ковалёв согласился: «Хорошо. Вы не ходите в прокуратуру, а мы назначаем комиссию». Я отказываюсь: «Нет, вы сначала назначьте комиссию, и тогда мы не пойдём в прокуратуру».

«Ну ты понимаешь, требуется время, чтобы подготовить приказ». — «Какое время? Вот сейчас и напишите от руки приказ. Назначаем комиссию, начинаем работать. Если комиссия выяснит, что мы наврали, то уйдём сразу же, напишем рапорта и уйдём. И тогда можете сажать. А если выяснится, что мы говорим правду, то пусть уйдут те, другие».

Ковалёв: «Нет, для начала вы не пойдёте в прокуратуру, а потом мы назначим комиссию». Мы: «Нет, наоборот». Ковалёв: «Ладно, я должен подумать. Но пока в прокуратуру не ходите. После обеда я дам вам ответ».

На этом совещание закончилось, и мы поехали в отдел. Часа в два-три мне позвонили из прокуратуры. Человек представился: «Генерал Анисимов, начальник Управления по надзору за ФСБ», — и пригласил к себе для дачи объяснений.

Я пошёл к Гусаку: «Меня уже вызывают. Что сказал Ковалёв? Будет комиссия или нет?» Гусак позвонил Ковалёву, тот ответил: «Подождите, пока не ходите». Гусак в панике: «Николай Дмитриевич, они идут туда...»

Мы собрались: я, Шебалин, Понькин и Латышёнок, и отправились в прокуратуру. Приходим к Анисимову, тот вызывает следователя: «Развести по разным кабинетам и допросить». Меня оставил у себя в кабинете. Напротив сидит полковник Минченко, начальник отдела. Они меня начали допрашивать, и я им всё рассказал. Причём не только о том, что мне давали команду убить Березовского, а также и по Джабраилову, и по Трепашкину

то, что мне было известно. Я рассказал и о том, что Хохольков в своё время ставил мне задачу выбить деньги за наркотики у некоего уголовного авторитета, Нанайца.

Анисимов спросил: «И ты это всё подпишешь?» Я кивнул. «Да, — говорит, — сынок. Будучи лейтенантом, я вёл дело Судоплатова. С тех пор ничего подобного не слышал. Приходи завтра, мы составим протокол, и ты его подпишешь. Или не подпишешь».

Я на следующий день прибыл в прокуратуру. Подписал. Через некоторое время звоню и спрашиваю: «Что с нашим заявлением?» Анисимов: «Возбуждено уголовное дело».

Дело было возбуждено по факту превышения и злоупотребления У должностными полномочиями руководством УРПО ФСБ России. После этого оно было передано в Следственное управление Главной военной прокуратуры. — Я в жизни не поверю, что в это время Березовский не тянул за все нити, не использовал все связи — Юмашева, Савостьянова, Дьяченко, чтобы разобраться с Хохольковым и Камышниковым.

— Наверное, использовал. Только факт, что у него ничего не вышло — дело-то закрыли. Но ФСБ тоже не дремало. В газете «Сегодня» появилась статья, где я обвинялся в десяти убийствах и пятнадцати разбойных нападениях. Мне позвонил Березовский и спросил: «Это правда?» Я говорю:

«Нет». Тут он мне сказал: «Я только что вышел от Савостьянова, где тот устроил мне «очную ставку» с Ковалёвым. Ковалёв посоветовал тебе не доверять. «У нас, — говорит — есть информация, что Литвиненко занимался «убийствами». Я спрашиваю: «Ну а вы, Борис Абрамович?» — Я ему сказал:

«Николай Дмитриевич, не Литвиненко занимался убийствами, а Гусак. И вам грех его обвинять, потому что он это делал по вашему приказу». На следующий день меня встретил Гусак и спрашивает:

— Это ты рассказал Березовскому про дагестанцев?

— Да, я. А ты откуда знаешь?

— Мне Ковалёв вчера сказал, что Березовский ему на меня жаловался. Я тебя предупреждаю, эти дела серьёзные, там конкретные трупы, а не какие-то мифические приказы. Если ещё где-нибудь ляпнешь, мы с тобой будем уже по-другому разговаривать.

Я ему говорю:

— Знаешь что, Саша. Вот ты ходишь, уговариваешь ребят отказаться от показаний. Занимаешься шантажом. Если тебе есть чего бояться — это твои проблемы. Наступил момент истины, и каждый будет сам отвечать за

свои дела.

— В конце июля Ковалёва сняли, и на его место был назначен друг Березовского Путин. Это не помогло?

— Во-первых, Березовский сблизился с Путаным гораздо позже, в 1999-м. Если Путин и был кому-то друг, так это Пал Палычу Бородину, у которого работал заместителем до перехода в ФСБ. Во-вторых, как показали последующие события, не такой уж он был друг Березовскому. А в-третьих, Путин был человек новый, он не хотел, да наверное, и не мог с ходу наезжать на двух генералов, у которых в ФСБ всё схвачено. Директора приходят и уходят, а профессионалы остаются на месте. Мог ли он, второстепенный подполковник, рулить ФСБ? Ведь это действительно гидра, и нет в госбезопасности такого человека, который бы знал, что на самом деле находится на конце каждого щупальца. Директор ФСБ, конечно, знает, какие существуют подразделения, но до конца их возможностей — не знает! Схема управления этой гидрой просто отсутствует, приводные ремни оборваны.

Мне, кстати, объяснили, как Хохольков и Камышников себя обезопасили. Так прикрылись, что даже Путин им был не страшен.

— Кто объяснил?

— Трофимов, начальник Московского управления. Он нам симпатизировал, но предпочитал держаться в стороне. Он человек опытный.

Вот как-то раз в начале июля вышли мы с ним поговорить на улицу. Спрашивает: «Как ваши дела, Саша?» Я ему рассказал про прокуратуру, уголовное дело, про запись Доренко, а он пожевал губами и говорит: «Я думаю, Саша, вы проиграли».

— Почему? — спрашиваю.

— А ты что, газет не читаешь? Вот, — говорит, — убили генерала Рохлина. Кто ж их теперь тронет?

Сказал — и пошёл. А я стою ошарашенный. Рохлина-то ликвидировали высокопрофессионально да на жену убийство свалили. По почерку на наших похоже. Неужто мои генералы ещё и Рохлина убрали, пока мы на них рапорта писали.

«Здравствуй, Миша. Я твой киллер»

— С Ковалёвым ты больше не виделся?

— У нас была ещё одна встреча, после того как мы уже дали показания на руководство. Он вообще-то ко мне хорошо относился, и я к нему тоже с уважением. Ковалёв мне сказал: «Ты попёр против системы. Я не знаю, что с тобой будет». Он смотрел на меня как на обречённого. В его глазах не было злобы, он просто смотрел с сожалением. Интересная получилась беседа: «Александр, вот вы ходите там, жалуетесь, пишете, но ты же сам мне подал рапорт и просил создать отдел, который занимался бы внесудебными расправами. А когда создали отдел, побежал в прокуратуру. Это же непорядочно». Я говорю: «Николай Дмитриевич, я такого рапорта не писал. Его писал Гусак. А вы создали отдел по внесудебным расправам, чтобы, я так понимаю, уничтожать террористов. А подразделение отправили выполнять заказы: водочные киоски бомбить, Трепашкина убивать. Его-то за что? Он же свой, наш подполковник». А Ковалёв мне в ответ — такой довод: «А чего он на меня в суд подал?» Вот он, момент истины (кино такое было): я генерал, стою над законом, идёшь против меня — будешь убит в своём подъезде.

После того как всё это прошло, нас вывели за штат и долгое время с нами торговались. Нас вызывали к заместителю начальника Управления кадров Смирнову. Таскали по кабинетам: меня, моих сотрудников. Никуда не назначали. В ФСБ тогда началась реорганизация. Закрыли УРПО.

— А директором уже...

— Стал Путин. А нас всё давили. Путин издал приказ, что офицеров бывшего УРПО назначать вне лимита. Но нам всё равно говорили, что нет мест. Всех кругом назначали, а нас нет.

Были собеседования, уговоры. В это время, где-то в октябре, закрыли дело в отношении Хохолькова и Камышникова. Нас вызвали в прокуратуру, чтобы ознакомить с постановлением о прекращении уголовного дела.

В тот день я познакомился с Трепашкиным. Знакомство произошло напротив здания Главной военной прокуратуры. Встретились, я говорю:

«Миша, здравствуй, я твой киллер». Он отвечает: «Здравствуй, а я твоя несостоявшаяся жертва». Поскольку Трепашкин по одному из дел проходил как потерпевший (на него тоже готовили нападение), то в прокуратуре его попросили ознакомиться с этими материалами.

Материалы, которые нам предъявили, были просто чудо. Да, — было написано в постановлении — в ФСБ планировалось нападение на Трепашкина, прослушивался незаконно его пейджер. Но поскольку пейджер прослушивался только один день и невозможно установить, какое подразделение ФСБ прослушивало, то нет и состава преступления. Руководство ФСБ не приказывало убить Трепашкина. Руководство «подтверждает», что просило только отобрать у него в подъезде удостоверение. А поскольку не поймали, не отобрали, то нет состава преступления.

В постановлении по Джабраилову было написано, что следствием установлено — в ФСБ проводились кое-какие мероприятия. Прослушивался его телефон, проводилось наружное наблюдение, но поскольку его не похитили, то состава преступления тоже нет.

— Джабраилова не ознакомили с материалами?

— Не знаю. Говорили, что он очень испугался и, по-моему, из Москвы даже уезжал.

В отношении Березовского. Да, в ноябре 1997 года Хохольков в одной из бесед с Гусаком поинтересовался, сможет ли тот «хлопнуть» Березовского. Но это был разговор с глазу на глаз, не приказ, а просто беседа. И, конечно, состава преступления нет.

Кроме того, на совещании 27 декабря Камышников, в присутствии Латышёнка, Шебалина, Понькина и Литвиненко, говорил слова, дискредитирующие его как руководителя, но опять же «не имея намерения убить» Березовского.

— Дело закрыли. А где сейчас прокурор Анисимов?

— Его вскорости уволили.

Глава 8. Крик в пустыне

Гам заводят танки

— В ФСБ заранее знали о вашей пресс-конференции?

— Я об этом сам сказал Здановичу, начальнику Центра общественных связей ФСБ. Дело было так. В эти дни в газете «Комсомольская правда» была опубликована анонимная статья с заявлением директора ФСБ о том, что меня подозревают в получении взяток, что только благодаря утечке информации меня не удалось задержать с поличным. В статье также сообщалось, что Управление собственной безопасности прослушивает мой домашний телефон и ведёт за мной наружное наблюдение.

Я пошёл к Здановичу:

— Товарищ генерал, почему вы молчите? Меня в газетах обвиняют в том, что я совершил десять убийств, занимаюсь вымогательством, рэкетом, мой телефон слушают, за мной следят. Почему вы не опровергаете эту информацию? Это ваша обязанность. Он ответил: «Я не буду этого делать». Тогда я ему заявил, что сделаю это сам. Начну давать интервью или соберу пресс-конференцию.

Зданович предупредил: «Вы имеете право на это только с санкции непосредственного руководителя». А я же был за штатом, в распоряжении Управления кадров. Пришёл к полковнику Меркулову, начальнику отдела, который меня курировал, и говорю: «Собираюсь пойти на телевидение». Тот испугался: «Я не могу тебе такую санкцию дать». Я спрашиваю:

«Тогда кто?» — «Начальник Управления кадров».

Я пришёл в приёмную начальника Управления кадров Соловьёва. Сижу, выходит он, посмотрел на меня: «Что вы тут делаете?» — Я ему спокойно: «Товарищ генерал, пришёл к вам побеседовать».

Он даже слушать не стал: «Ходите тут, заняться вам нечем, жалобы пишете, рапорта. Убирайся отсюда, чтоб духу твоего не было».

Я развернулся и ушел. Больше ни к кому не обращался.

За сутки мы их официально предупредили. Я был подполковник, военнослужащий, числился в ФСБ, меня могли вызвать и официально запретить давать пресс-конференцию. Никто ничего не сказал.

Что самое интересное — за десять дней до пресс-конференции, когда стало известно, что пойду на телевидение, со мной начались торги. Вызвали в Управление кадров и дали документ, в котором было написано, что мне предлагают вышестоящую должность, но для этого я должен отказаться от телевидения и от своих показаний в прокуратуре...

С одной стороны, торговались, с другой — продолжали запугивать.

— Что, торговались, да ещё в письменном виде?

— Именно так. Этот документ есть. Я сказал, что никакими торгами заниматься не собираюсь и от своих показаний не отказываюсь.

За несколько дней до назначенной даты мы собрались все вместе и написали обращение.

— Кто все?

— Все, кто будет на пресс-конференции: я, Шебалин, Понькин, Щеглов, Латышёнок и Миша Трепашкин (он тогда служил в налоговой полиции, но сказал: «Я тоже пойду, считаю, что это бандиты»).

— Гусака не было?

— Гусак, наоборот, был против. Его вообще было не видно и не слышно. Он уже с нами не общался. Сам втихую снова устраивался в Антитеррористический центр, на какую-то должность. По оперативным данным, договаривался через криминального авторитета Мальшева, которого когда-то завербовал агентом. Этот бандит имел хорошие выходы на бывшее руководство питерского ФСБ, на Патрушева и Путина.

Пресс-конференция состоялась в середине ноября. Я зачитал обращение. Нашей целью было обратиться к парламенту, президенту и общественности и рассказать, что творится в ФСБ и что при таких спецслужбах неминуем откат к тоталитарному обществу.

— Ты к этой мысли самостоятельно пришёл? Или кто-то тебе объяснил?

— Нет, на меня никто не давил. Когда меня начали давить в ФСБ, я по-новому увидел эти рожи — наглые, беспредельные. Плевали эти люди на закон. К нам в отдел приходил Симаев, помощник по безопасности Хохолькова, и говорил: «Ну ты же понимаешь, с какими людьми вы имеете дело. Это большие люди. Вас передавят, как щенков».

Я понимал, куда мы катимся. Мы хотели обратиться к обществу. Цель была предупредить: если никто сейчас не остановит эту чуму, через два-три года она возьмёт власть.

— Похоже на предупреждение Зорге накануне войны. Которому, кстати, Сталин не поверил.

— А помнишь, перед войной ещё был случай, когда немецкий солдат в ночь с 21-го на 22 июня перебежал границу, чтобы предупредить: «Там заводят танки. Идут на вас». Но все решили, что он провокатор...

В 1998 году я увидел, что начинается беспредел. На Лубянке шли разговоры: «Вот евреев передушим и установим порядок...»

Народ безмолвствует

— А ты не понимал, что народ вас не услышит?

— Я рассчитывал, что журналисты поймут. Единственная сила, которая способна всё это поднять. Я знал, что есть заказные журналисты. Но думал, что остались же и те, кто придёт и скажет: «Ребята, давай доказательства!» Ведь мы не открыли Америку, давно уже пресса пишет, что спецслужбы слились с криминалом. Одни газеты туманно писали «из источников в спецслужбах нам стало известно», другие — в открытую. А тут вышли шесть человек — полковник, два подполковника, два майора, старший лейтенант, и говорят: «Да, на спецслужбе нас заставляли убивать, похищать людей». Назвали конкретные примеры, когда, кого, кто... Что ещё надо? Какие источники? Явки, пароли, адреса? Придите, напишите, потребуйте создать комиссию, разберитесь в этом!

Но на следующий день читаю в газете, что это провокация Березовского. Да при чём тут Березовский?! Да, он знал, что будет эта пресс-конференция, но он никого не заставлял идти, все пришли сами, и никому денег он не предлагал.

— Но к тебе прилипло клеймо «человек Березовского», и многие, кто наблюдал за этими событиями, думали — это по движению верёвочки БАБа выскочил Литвиненко и поливает всех.

— Если хочешь установить истину, то человека Березовского надо выслушать, как и человека Патрушева или человека Путина. Это нормально, если есть намерение докопаться до истины. Мы же по службе получали информацию от преступников! И работали с ней.

Опровергнуть, отмести мою информацию на основании того, что Березовский не ладит с властью, а я его человек — это уловка! Для того и существует оппозиция, чтобы сдерживать власть. А общество должно хотеть во всём разобраться. Иначе — беспредел!

Вот председателем Счётной палаты был, как говорили, человек Зюганова. Что бы он ни сообщал — отмахивались. Это, мол, происки коммунистов.

Теперь в Счётной палате человек Путина. Ни одной утечки. Теперь общество никакой информации не получает вообще. Какой бюджет у президента, как он формируется, что там происходит в его Управлении делами? Куда делись миллионы, направленные в Чечню? Раньше хоть какие-то цифры появлялись...

— А ты от Березовского получал деньги?

— До того как сел в тюрьму — никогда. После побега в Англию он дал мне денег на первое время. «Разбогатеешь, — говорит, — отдашь». Ибо он — порядочный человек. «Ты, — сказал, — Саша, помог бы мне, если б я попал в такое положение? Я же тебе всё-таки обязан, ты меня предупредил, когда меня хотели убить, и за это в тюрьму сел». Но до этого — никогда. Хотя Шебалин после пресс-конференции мне сказал: «Пойди к Абрамычу, попроси тысяч пятьдесят на каждого, за такое дело это нормально».

— А ты?

— Я его послал.

— Многие всё равно скажут, что ты пошёл против ФСБ не из бескорыстия, а потому что ошибся — поставил не на ту лошадь — Бориса Абрамовича, который в конце концов потерял влияние в Кремле. Ты не жалеешь? Поставил бы на Коржакова, Патрушева или Путина, был бы сейчас генералом.

— Пусть говорят. Березовский, в отличие от лиц вышеперечисленных, никого не убивал, дома в Москве не взрывал и бессмысленную войну не устраивал. Не скрою, на каждом этапе у меня был выбор, но я о нём не жалею и сплю спокойно.

Березовский — не ангел. Я тоже не ангел. Но он не преступник. И я благодарен ему за то, что благодаря знакомству с ним у меня раскрылись глаза и я смог выбраться из этой банды.

— Так или иначе, реакция на ваши обвинения была вялая.

— Да, я этого не ожидал. Знаю, что часть прессы контролируется ФСБ, но почему независимые СМИ молчали? Почему никто не просил: «Расскажите подробнее»? Сейчас все кричат — спецслужбы у власти. Немцов говорит про полицейское государство. Где они были тогда, в ноябре 1998 года. Никто даже слова не сказал. А пресса, которая контролировалась ФСБ, травила нас. Создавалось общественное мнение, для того чтобы меня посадить в тюрьму и там расправиться. Писали, что я бандит. Причём некоторые статьи публиковались без подписи. В «Комсомольской правде», «Московском комсомольце», в газете «Я телохранитель».

Все прекрасно знают, что это статьи, заказанные и проплаченные ФСБ. Была парламентская комиссия по факту нашей пресс-конференции. Её возглавила Элла Панфилова, и всё прошло тихо и гладко. Никто и не знает, чем же закончилась её работа. Почему Эллочка даже не вызвала участников пресс-конференции? Почему комиссия не спросила: «Товарищ подполковник, вы обвиняете спецслужбы в преступлениях. Предъявите

доказательства».

Этого не было, потому что и парламентская комиссия с первого дня контролировалась ФСБ! Потому что спецслужбы ещё при Ковалёве начали брать под контроль парламент. А сейчас и брать некого — все свои. Когда какой-нибудь депутат не давался, то шли на всё. Мне известно, что когда Илюхин готовил импичмент Ельцину, у него в рабочем кабинете провели негласный обыск. Надо же — залезть в сейф председателя парламентского комитета! Кстати, тогда мы встретились с Илюхиным на явочном пункте. Нет, правда. Мой бывший начальник отдела Платонов сказал:

«У меня есть явочный пункт в центре Москвы, и мы там назначили встречу с Илюхиным». Мы встретились. Это само по себе интересно: депутат Государственной думы встречается с подполковником ФСБ на территории России — на явочном пункте. Илюхин нас выслушал, что-то отметил и — ни ответа, ни привета. Тоже ручной коммунист...

КОНЦЫ В ВОДУ

— Давай представим, что ты согласился ликвидировать Березовского. Как это было бы сделано?

— У каждой банды есть свой почерк. Одна взрывает, другая стреляет из снайперской винтовки, третья работает топором. Одна банда грабит квартиры, другая банки, третья работает на рынках. Так вот, профессионалы, обученные в спецслужбах, тщательно готовят информационное сопровождение убийства, особенно если оно политическое. Задача — увести следствие и общественное мнение в сторону, создать правдоподобную ложную версию. Таков почерк спецслужб.

Если этот человек бизнесмен — общественное мнение готовится под версию, что он кому-то должен деньги. Если лидер криминальной группировки — вбрасывается информация, что у него разборки в преступном мире. Если политический деятель, то обычно появляются слухи, что он якобы занимался бизнесом либо был коррумпирован. Причём эти статьи размещаются в газетах и, может быть, не в самых популярных. Публикуется малюсенькая заметка, где-нибудь в уголке.

Короче, такому событию предшествует пиаровская подготовка. В случае с Березовским это сделать было бы нетрудно. Например, перед тем как убили Галину Старовойтову, появилась статья малоизвестной российской журналистки о том, что когда Ельцин приезжал в Лондон, Старовойтова организовала интервью российского президента газете «Санди Экспресс» за деньги. И были ссылки на источники, которые находятся в Англии.

И смотрите, как сделали: почему из Англии пришла информация? Потому что планировали после её убийства именно туда увести все следы. Там живут её первый муж и сын. В газетах даже писали, что они занимаются нефтяным бизнесом в Англии. Обывателю всё понятно: «Ах, она нефтяным бизнесом занималась!» Да у нас же всех, кто занимается нефтью, регулярно отстреливают.

Словом, ликвидация Березовского сопровождалась бы хорошо отрежиссированным пиаром.

— И, как убийство Старовойтовой, оно осталось бы нераскрытым?

— Конечно. Не потому, что оно нераскрываемо, а потому, что все понимали бы, кто за этим стоит, и боялись бы узнать правду. Как и

убийство Листьева, Холодова...

— Вернёмся к Старовойтовой. Как бы ты раскрывал это преступление?

— Первая ниточка — всё, что связано с той статьёй и теми, кто её заказал. Я бы начал с досконального изучения судебного иска Старовойтовой за клевету, который она выиграла.

В ходе судебного заседания так и не был установлен мотив: почему журналистка это написала? Клевета — умышленное преступление, и зачем она это сделала, осталось невыясненным. По чьему заданию журналистка оклеветала Галину Старовойтову? Кто её, студентку журфака, дважды отправил в Лондон и снабдил адресами и документами, номера которых она приводит в статье?

Третье. На судебном заседании было установлено, что журналистка ходила по многим газетам, но везде отказались публиковать дезу. И кто же опубликовал? «Московский комсомолец» — фактически орган спецслужб. Спецслужбы не хотят весь «слив» передавать в «МК», но когда все отказались, деваться было некуда.

Через четыре месяца после решения суда Галина Васильевна была убита. И первая версия, которую начало отрабатывать следствие — «экономический» характер убийства. Версия с нефтью была не основной, а пробной. Потом выдумали другое — якобы ей восемьсот тысяч долларов дали, и она привезла их в Питер для своей партии. То есть просто ограбили ее. В общем, всячески уводили следствие от политической версии.

Мне известно, что ни сын, ни муж Галины Васильевны нефтяным бизнесом не занимаются. Сын, правда, работал в какой-то компании, но оттуда давно уволился. Был мелким клерком, не имеющим отношения к бизнесу. Семья живет достаточно скромно и не имеет никаких прибылей. А ведь кто-то же это всё продумывал, кто-то готовил. Ведь кто-то искал и нашёл начинающую журналистку, дал ей в руки «материал». Именно английскую версию вытащили за восемь месяцев до убийства, чтобы отвести дело от России.

Если бы не было суда, они бы её, может, и раньше убили. А теперь очень важный вопрос. Что было бы, если бы Галина Васильевна не подала в суд? Не заметила бы публикации? Тогда версия, связанная с нефтяным бизнесом её родственников в Англии, стала бы основной. И после её убийства вытащили бы эту газету и сказали: «А вот видите! Про неё писали! И она не подала в суд. Значит, была согласна».

Я думаю, что Галина Васильевна Старовойтова была убита спецслужбами. Подъезд, кстати, их рабочее место. Логика и стиль события,

характер клеветы на неё после убийства подсказывают это. Уголовнику не нужно убивать политического деятеля. Кстати, слово в слово на панихиде это подтвердил Аркадий Мурашов, бывший начальник Московской милиции, её друг.

— За что её убили по такой версии?

— Мотивация следующая. Погибла Галина Васильевна. Через некоторое время при странных обстоятельствах скончался Собчак. А Путин и его питерская команда въехали в Кремль как демократы. До сих пор на Западе Путина представляют как ученика Собчака. Ведь в ФСБ есть информация для внутреннего пользования и для внешнего. Своему народу они говорят: вот этот сотрудник КГБ наведёт в стране порядок. А для Запада подобная логика не годится. Поэтому на Западе они говорят: это ученик Собчака и Старовойтовой, стало быть, демократ.

Будь живы Собчак и Старовойтова, мог бы Путин вытворять то, что он сейчас делает? Мог бы он Гусинского выгнать из России и разогнать НТВ? Мог бы строить вертикаль власти на развалинах конституционного строя? Нет! Потому что ни Собчак, ни Старовойтова по таким принципиальным вопросам на компромисс бы не пошли.

— Старовойтову убили уже после скандала с Березовским и Ликвидации УРПО. Значит, есть ещё отделы специальных задач?

— Я в других УРПО не служил. Но могу сказать — они были, есть и будут, пока Система жива. Холодов, например, был убит профессионалами ещё задолго до создания УРПО.

Пейзаж после битвы

— Скажи, как получилось, что тебе удалось собрать людей вместе в этой нелёгкой ситуации и повести их на пресс-конференцию? Это же был отчаянный шаг. Все знали, чем это может закончиться.

— Да, это было как взрыв, бунт на корабле. — И осознанный каждым участником пресс-конференции?

— Да, каждый шёл сам. Никто никаких денег не получал (как потом клеветали). Это был бунт. Как говорится — «не могу молчать!»

Почему ребята за мной пошли на пресс-конференцию? Потому что в каждом из них заложено добро. Каждый в общем-то шёл работать в органы не из-за денег. Это сейчас приходят в милицию, ФСБ и говорят: «Где здесь лучше бабки лупить?» А раньше люди шли защищать своё государство и служить!

Даже Шебалин, который, я думаю, был у нас провокатором, тоже когда-то был нормальным парнем. В каждом человеке заложено хорошее, и даже если он становится преступником, то не получает от этого удовольствия. Да, крышуют, рэкетируют, открывают совместные предприятия с друзьями, где используют служебное положение. Есть рвачи, фактически воры в погонах, даже грабители и разбойники... А есть ленивые и трусливые: приказали — сделал, кинули его долю — взял... Но почти все в глубине жалеют, что приходится так жить, потому что иначе нельзя в этой системе. Но в тот момент каждый из нас почувствовал себя человеком.

И я знаю, что многие наши ребята, кто смотрел это по ТВ, были с нами. Никто из нашего отдела не осудил наш поступок. Некоторые не пошли с нами, потому что, сказали — не место сотрудника госбезопасности в телевизоре. Они, конечно, были правы.

— А сколько человек не пошло?

— Пять или шесть. Конечно, не место сотрудника спецслужб в телевизоре, но то, что случилось у нас, я считаю необходимой обороной. Без этого нельзя было.

И ещё одно: мы ведь, когда отказались приказ выполнять, не знали, что дойдёт до пресс-конференции. Думали — руководство разберётся. А дальше — всё само покатилось снежным комом. Бунт — он как преступление, сделаешь первый шаг — назад пути нет.

— Ты за эту пресс-конференцию попал в тюрьму. Скажи, а что стало с

другими ребятами, с Латышёнком? Он самый молодой из вас.

— Латышёнок сейчас работает в частном охранном предприятии. А тогда он остался без работы. Ему нравится быть телохранителем. Он прошел курс телохранителей в Израиле, получил международный сертификат.

Андрей Понькин остановился на полпути. Когда я ушёл в Англию, сказал мне по телефону: «Я бы тебе не дал уйти, если бы знал... Даже уговаривал меня вернуться, но делал это, конечно, по заданию. Потому что ни один нормальный человек, который ко мне относится хорошо, не сказал — «возвращайся». Наоборот, все говорили — правильно сделал. Мне сказали, что Андрей на какую-то коммерческую фирму устроился, живёт богато, всё у него хорошо.

Миша Трепашкин из налоговой полиции уже изгнан. Сейчас он адвокат. Геру Щеглова тоже отовсюду выгнали.

Шебалин продолжает работать по специальности. Он отказался от своих слов. Я думаю, он с самого начала был провокатором, ведь он единственный из участников, на ком есть кровь. Вспомни, он на пресс-конференции выступал в маске — он никогда её не сможет снять. Почему? Да потому что если он снимет маску, его могут опознать по-настоящему. Тогда я не знал, что на нём висит. Но потом мне ребята рассказали, что он участвовал в мероприятии, когда похитили и убили одного араба. Заказ был сверху, из ФСБ. Шебалин якобы получил за это сорок тысяч долларов. А его во время получения денег записали на плёнку. Плёнку я не видел, но мне сказали, что она есть. И я решил всё это проверить — взять Шебалина — на понт».

— Витя, — говорю, — меня вызывали в Главное управление по борьбе с организованной преступностью и спрашивали о тебе. — Разговор наш проходил в Сандуновских банях. Мы стояли под душем, и записи он не боялся. — Там араба какого-то убили, а тебя записали на плёнку. Ты не боишься?

И Шебалин раскололся: «Это, — сказал, — было оперативное мероприятие. Мы можем это доказать».

— А где сейчас Гусак?

Сейчас он работает в какой-то строительной компании. У него есть свой ресторан, недалеко от Лубянки. Помог ему Малышев, лидер тамбовской преступной группировки. Малышев являлся то ли агентом, то ли доверенным лицом Гусака. Они познакомились, когда делили Калининградский водочный завод. А у Малышева были хорошие связи с Патрушевым, еще с карельских времён.

Этот Малышев позвонил Патрушеву, попросил за Гусака, чтобы того не посадили. Мне прямо сказали: Гусака никто не посадит, потому что за него сам Малышев просил у Патрушева. Вот Гусак три года условно и получил. Это при двенадцати эпизодах и одном трупe.

— Но в Бутырке он всё же сидел?

— Ну, месяц посидел в Бутырке. Они же не знали, чем всё кончится, и держали Гусака на крючке на всякий случай, на роль крайнего, если бы признаваться пришлось. А то получается, что подчинённый в тюрьме, а все начальники на свободе. И даже продвигаются по службе. Надо было кого-то посадить, хоть на месяц.

— Что стало с Хохольковым и Камышниковым?

— Хохольков по-прежнему генерал ФСБ на руководящей должности, имеет дорогой ресторан на Кутузовском, особняк ценой в миллион долларов в Немчиновке.

Камышников — служит заместителем начальника Управления ФСБ по защите конституционного строя, которое занимается политическим сыском.

— Опер Литвиненко исчез. А что стало с агентурой?

— Это моя боль. Я привлёк людей для негласной помощи органам государственной безопасности от имени Российского государства. Люди давали подписку, что они обязуются помогать не мне, а России. Страшно, но все они были расшифрованы, им вроде как мстили за связь со мной.

Один агент был расшифрован перед уголовной средой, и это сделали сотрудники Управления собственной безопасности. Его звали Александр, это был отличный агент, имевший обширные связи в преступной среде. Он хорошо знал взрывное дело, оружие, и к нему часто обращались преступники с просьбой изготовить взрывное устройство, что-то починить. Он обладал исключительными способностями, мог разговорить человека — грамотно выполнял работу. Александр помог обезвредить несколько настоящих банд грабителей и наёмных убийц.

И вот этого агента пригласили в Управление собственной безопасности. Его вызвали в приёмную, официально, что вообще запрещается делать в условиях конспирации. И от него потребовали на меня компромат. Представь, агент способен собрать ценную информацию о терроре, а ФСБ он нужен только для того, чтобы опорочить меня.

Агент ответил: «Никакого компромата я не знаю. Я честно сотрудничал с Литвиненко, и он меня не втягивал в преступления».

Агент часто пытается «подтянуть» опера. Однажды он мне предложил поучаствовать в одном деле, когда мы только начинали сотрудничать. Я сразу поставил его на место и сказал: «Если ты надеешься за счёт органов

зарабатывать деньги, то ошибаешься. Этого не будет. Мне придётся тебя исключить из агентурного аппарата. Если ты считаешь, что я буду прикрывать твои делишки — тоже ошибаешься. И этого не будет».

Естественно, они агента проверили. Ничего не нашли на него. Тогда начали запугивать, что повесят на него уголовное преступление и посадят. Агент ответил: «Я сидел за преступления, а если мне придётся сесть за человека, которого я уважаю, то для меня это как награда. Сажайте». Ему тогда сказали: «Мы тебя не просто посадим. Мы тебя ещё расшифруем перед уголовной средой. Подскажем тем, кто сейчас сидит, что на них навёл ты».

Недавно узнаю — уже начались провокации. Зашли к нему домой мужчина и женщина, показали документы и сказали: «Мы из ГРУ. Вы работали с Литвиненко?» Он подтвердил. «Мы вам дадим задаток четыреста долларов. Надо убить одного человека. Вы бы согласились?» Александр отказался — это, говорит, не по моей части.

Перед этим его выгнали отовсюду, и он остался без денег. Сделали так, чтобы у него не было денег на жизнь, а потом стали провоцировать.

— А чего так мало предлагали за убийство?

— Это как предоплата. Ещё один агент у меня находится в бегах. Матери его просто сказали, что если он появится, его застрелят, потому что он отказался давать на меня показания. Также вызывали на допрос и запугивали всех моих друзей. У одного — он был директором магазина — магазин опечатали, стали требовать показания на меня, что я якобы крышевал, деньги от него получал. Человеку пришлось на самый верх дать взятку, чтобы снова открыть торговлю. Он сказал: «Я лучше деньги, заплачу, чем напишу на своего товарища». Другому устроили взрыв на предприятии. При этом на них выходили сотрудники ФСБ и предлагали крыши: «Литвиненко нет, теперь мы будем крышей». Вроде как бесхозное имущество осталось, надо прибрать к рукам.

Когда я ещё оставался в Москве, мой агент как-то позвонил и сказал, что ему предлагали совершить заказное убийство уголовники, с которыми он сидел раньше. Я сообщил это Ивану Кузьмичу Миронову, начальнику Оперативно-розыскного управления, где раньше служил. Говорю:

«Вот агент, который числится за нашим управлением, ходит бесхозный, никому не нужный, звонит мне, я уже сам подсудимый и не могу с агентурой работать. На него вышли какие-то люди и предложили совершить убийство двух человек. Встретьтесь с ним и примите информацию и меры».

Никто с ним так и не встретился.

Агент звонит через две недели: «Саша, сделай что-нибудь! Уже одного убили, вот-вот и второго убьют. Я тогда к ментам пойду». Опять начинаю звонить всем: «Убили уже одного». А Миронов говорит: «Слушай, Саша, мы сейчас очень заняты, нам некогда этим заниматься. Позвони попозже».

Убийствами людей заниматься некогда! Они ведь заняты другими делами...

Глава 9. Побег

У них все заплачено

— А теперь вспомни, пожалуйста, когда у тебя окончательно созрела мысль совершить побег?

— После того, как против меня возбудили третье уголовное дело. Мне вменялось, что я за три года до этого якобы подбросил бомбу в речку Волгу, чтобы сфабриковать улики против одной банды в Костроме. Барсуков возбудил третье дело в тот день, когда закрыл развалившееся второе. Но заключать меня под стражу не стал — побоялся, что суд меня снова выпустит. Взял подписку о невыезде и, думаю, передал мою фамилию пограничникам, чтобы за рубеж не ушел.

Третье дело началось с вопроса о юрисдикции, то есть с того, где меня должны судить — в Москве или Ярославле. Прокуратура отправила моё дело в военный суд Ярославского гарнизона, потому что я ту самую бомбу будто бы подбрасывал в тех краях, однако «похитил» её со склада ФСБ в Москве. И хранил там же. И служил в столице. И дело было секретное. То есть по закону и по всем правилам меня должен был судить суд второй инстанции — Московский окружной военный. Но в Москве — пресса, сильные адвокаты, да и судьи не столь управляемые — ведь меня уже два раза оправдали. Поэтому ФСБ поставило конкретную задачу: судить меня в Ярославле. А мои адвокаты подали апелляцию в вышестоящий суд, чтобы судили в Москве.

И вот решение — вернуть дело в Ярославль. Всем всё стало понятно. Суд даже не удалился в совещательную комнату. Вердикт был готов заранее.

Председатель суда прямо на заседании сказал адвокату Марову: «Михаил Алексеевич, что мы можем сделать? Вы же знаете нашу систему».

Когда юрист такого ранга, генерал-лейтенант, говорит такую вещь, понятно, что будет не суд, а расправа. Завтра, безо всяких доказательств, мне дадут срок, а в тюрьме физически расправятся, как и обещало начальство ФСБ: «Сдохнешь в тюрьме».

Было понятно, что следствие не то что собирает доказательства моей виновности, а уничтожает доказательства моей невиновности. Мне приходилось прятать их от следствия.

Между тем следователи агрессивно фабриковали дело против меня.

Однажды мой агент Семён сообщил, что его допрашивал Барсуков и требовал на меня показаний. После допроса Семён скрылся. Тогда

прокуратура арестовала его брата. Адвокат пытался встретиться с подзащитным, но его не пустили. И пока он стоял в коридоре, он слышал стоны и крики. Брата агента пытали. Через два дня его выпустили еле живого, адвокат подобрал его почти без сознания рядом с прокуратурой. Агент мне позвонил и говорит: «Помоги брату добраться до больницы, я сам не могу приехать, боюсь». Я приехал, смотрю, брат моего агента лежит на заднем сиденье в машине адвоката, весь избитый, с запёкшейся кровью. Мы вызвали «скорую». И тут мне стало страшно. Передо мной лежал тридцатилетний мужик, метр восемьдесят ростом и плакал: «Ребята, меня били восемь часов битами и требовали показаний на Литвиненко, которого я не знаю, и на моего брата. Это хуже, чем в гестапо». Он написал жалобу генеральному прокурору Устинову, которая осталась без последствий. Эта жалоба есть в моём уголовном деле.

Тогда я понял, что рано или поздно кто-то не выдержит и меня оговорит.

Тут, кстати, случился забавный эпизод. Звонит мне неожиданно секретарша Аминова (доверенного банкира Патрушева и Иванова) и спрашивает, когда у меня день рождения. «А вам это зачем?» — «Вячеслав Маркович хочет вас поздравить. И просит вас встретиться с ним в понедельник или во вторник».

Я обалдел, ну, думаю, что это с Аминовым, чего он вдруг обо мне вспомнил. Только позже понял: в тот день проходила последняя встреча Путина с Березовским. Они долго выясняли отношения. И вся эта камарилья бегала, не зная, чем встреча закончится. Вдруг помиряются, станут братьями, а команда к этому не готова. Березовского-то они в это время мочили, Литвиненко по их милости на нарах посидел. А теперь что? Вот Аминов и звонил. Наводил мосты на всякий случай. Я-то после выхода из тюрьмы с Березовским часто стал общаться, а они к нему подойти боялись на пушечный выстрел. Но в тот день было неизвестно, кем выйдет Березовский из Кремля — другом или врагом. Я встретился с Аминовым, когда ещё никто не знал о результатах этой встречи. Он сделал радостное лицо.

— Саша, Саша! Мы тебе поможем. Мы позвонили прокурору во Владимир. Я его хорошо знаю. Там сказали, что дело прикроют, никто тебя не посадит, снимут все обвинения.

— Слушайте, Вячеслав Маркович, — поправил его я, — не Владимир, а Ярославль.

— Ах да, я перепутал — Ярославль. Ну, ты понимаешь, у нас всё схвачено... Как мы Гуся-то уделали?!

— А как? — сделал я удивлённое лицо.

Я почувствовал, что Аминов может интересные подробности разболтать, чтобы снять у меня информацию о разговоре Березовского с Путаным.

Я стал Аминову поддакивать:

— Да, да, Гуся вы здорово запрессовали. Гусь это заслужил. Он про меня всякие гадости писал. — И тут же про своё: — А с прокурором это всё наверняка, Вячеслав Маркович, не подведёт?

— Да что ты! — отвечает. — Если Гуся запрессовали, уж с тобой-то мы вопрос решим. Мы можем на любого возбудить дело, любого выпустить. Это не проблема. У нас в прокуратуре свои люди. Им проплатили. Патрушев и Иванов в курсе, это ведь по их просьбе...»

Вот так я выяснил, кто и как с Гусинским разбирался, а заодно и понял, что у меня никаких шансов — у них всё проплачено.

Перед судебным заседанием, где решалась юрисдикция, следователь Барсуков сказал моим адвокатам: «Не надейтесь, мы не успокоимся, пока его не осудим». А один из сотрудников ФСБ сказал мне: «Если тебя опять признают невиновным, мы не с тобой уже будем разговаривать. Начнём разбираться с твоей женой и сыном». Он прямо сказал: «Думаешь, отвертишься? Ты предал систему и должен быть наказан».

...После того заседания я понял, что фактически меня лишили гражданских прав в России. Я и моя семья находимся вне закона, вне защиты. Государство отлучило нас от государства.

Система, я тебя знаю

И я понял — чтобы спасти семью, надо бежать из страны. Вот тогда у меня созрел план побега. — Ты его сам придумал?

— Сам, но советовался с друзьями. — Тебе было с кем советоваться?

— Да, было. Друзья мне помогли. И я им благодарен. Как говорится, имя твоё неизвестно, но подвиг — бессмертен.

У меня было три задачи. Во-первых, уйти самому, во-вторых, переправить семью, а в-третьих, все документы, которые подтверждали мою невиновность. Несколько ящиков.

С самого начала, когда ФСБ стала нарушать закон по отношению ко мне, я, как меня и учили всю жизнь, начал документировать преступную деятельность этих людей и их поделщиков. Начал писать им рапорта, жалобы, на которые они, естественно, давали бестолковые ответы, но ставили-таки свои подписи. И я это кропотливо собирал. Понимал, что придут с обыском и всё изымут. Поэтому документы прятал в надёжном месте. Оно было устроено так, что только я имел к нему доступ и никто другой. И ни через агентуру, ни техникой, ни наружным наблюдением они не могли установить, где находятся эти документы.

У меня был человек, с которым я фактически не общался, чтобы не засветить его, — хороший, профессиональный агент. Этот человек знал, что в решающий час он должен будет вывезти документы в надёжное место.

И я, естественно, понимал, что за мной следят по высшему разряду.

Меня хорошо учили, я знаю розыскную работу, знаю, как идёт контроль за объектом. Когда объектом стал я сам, то эти знания, весь мой опыт мне очень пригодились. За мной должна следить наружка и стоять прослушивающая техника, а в моём окружении должен быть агент. В Конторе обязательно есть опер, который меня разрабатывает.

Во-первых, я установил, кто меня курирует. Оказалось, мной занимается первый отдел Управления собственной безопасности. И мне не составило труда вычислить, что мой разработчик — майор Мадекин. Следующий шаг: найти в окружении разработчика своего агента, от которого я мог бы получать оперативную информацию. Провёл контрразведывательную работу. И нашёл такого сотрудника.

Затем мне надо было выяснить, кто агент в моём окружении. А как установить агента? По линии поведения. Начал наблюдать, кто какие

вопросы задает, как ведёт себя в той или иной ситуации. Выяснил. Оказалось, друг дома.

Далее. Информация по технике подтверждается через агентуру, и наоборот. Долгое время ту информацию, что давал на технику, я подтверждал через агентуру, и всё стыковалось. Если я говорил по телефону или агенту, куда, к примеру, пойду, то обязательно там и появлялся. Они были уверены, что я под полным контролем. Никогда их не обманывал.

У них создалось впечатление, что я на крючке. Человек, который следил за мной, мне постоянно звонил и спрашивал: «Ты где есть?» Его основная задача — контроль за моим передвижением. Я даже специально однажды поехал в Сочи, на море. Я заранее сообщил об этом агенту, а он говорит: «Давай я с тобой поеду», и меня отпустили. Потому что агент был рядом. Им спокойно, и мне спокойно.

Поначалу за мной поставили наружное наблюдение. Глупо от него убежать. Гораздо лучше, чтобы они его сами сняли за отсутствием необходимости. И я установил с наружкой контакт, ездил на небольшой скорости, если они отставали на светофоре, ждал. Доходило до того, что если им надо было поменяться (у них, допустим, в три часа смена), мы договаривались. Они просили: «Ты можешь полчаса из центра не уезжать?» Я говорил: «Конечно. Я вас подожду... Потом мне вся эта езда друг за другом надоела. Ездят за мной три машины, я им целый день рассказываю, куда поеду, жду их, а они ждут меня.

— Это что, гласная наружка?

— Нет, негласная. Сотрудник наружного наблюдения — это секретный сотрудник. О нём даже знать никто не может. Это ЧП, если объект установил наружку и с ней общается. Но следить за мной они поставили людей, с которыми я был знаком лично ещё до того, как меня уволили из ФСБ.

Через некоторое время я рассказал о своей дружбе с наружкой человеку, которого подозревал. Знал, что об этом он доложит наверх и наружку снимут.

Так оно и случилось. Наружка исчезла. Они решили, что я и так никуда не денусь.

Но главная сложность была в том, как въехать в другую страну. Поговорил я с людьми, которые знали, как предоставляют убежище. Мне сказали, что для этого надо стать хоть одной ногой на землю страны, в которой будешь просить убежища. Но у меня не было загранпаспорта, его украли при обыске. И виза. Я не мог зайти ни в одно посольство в России,

потому что они все под наблюдением. Как туда пробраться?

Я разработал следующий план: уйти в одну из стран СНГ и оттуда перебраться в Турцию. Договорился с друзьями, что сделают мне паспорт одной из стран СНГ.

— Тебя не смущает, что «одна из стран СНГ» довольно легко вычисляема?

— Я её не называю, а кто хочет — пусть вычисляет. В тот день, а это была суббота, на Лубянке выходной, я должен был перевозить родителей с дачи, и все это знали. Я об этом говорил по телефону, а также людям, которые меня контролировали. Поехал с женой на вокзал, сел в поезд. Жена на моей машине отправилась на дачу. После того как пересеку границу России, она должна купить путёвку в любую другую страну. Это не вызвало бы подозрений. До этого жена была с ребёнком во Франции.

Я наблюдал за реакцией — возьмут меня под контроль или нет, выпустят жену или нет. Всё прошло нормально.

— Погоди, а разве ты не находился под подпиской?

— Нарушение подписки не является преступлением. Нет такой статьи. Если подследственный нарушает подписку, максимум, что может произойти, — ему изменят меру пресечения. Смешно, но уже в Англии я получил уведомление, что меру пресечения мне действительно изменили — постановили заключить под стражу.

— Ты злорадуешь?

— Вовсе нет. Просто меня всегда потрясала их казуистика, любовь к соблюдению формы при полном беспределе по сути.

— Кстати, ты не хотел своим уходом щёлкнуть по носу, по самолюбию ФСБ? Можно забить гол в ворота ногой, это не обидно. А можно мяч затолкать в ворота задницей. Тогда этот гол является позорным. Твой побег стал пощёчиной спецслужбам.

— Нет. Меня совершенно не волновало самолюбие ФСБ. Меня волновала судьба моей семьи. Как говорится, хоть чучелом, хоть тушкой — но покинуть загон. У меня были конкретные задачи: уйти, увезти семью и вывезти документы, которые подтверждали бы мою невиновность, дня получения убежища, то есть материалы моего уголовного дела.

На границе

— Вернёмся к побегу? Ты на границе...

— Да, на границе, вернее на берегу моря. Утром пришёл в кассу спросить насчёт билета на теплоход — в «одну из стран СНГ». Я был уверен, что нахожусь в компьютерном списке. А мне говорят, что список пассажиров сдаётся на пограничный контроль за три часа до отхода судна. Я спросил у кассира: «Как мне быть, я жду товарища, а он приедет за час или два до отплытия?» Тот сказал, что можно подойти к команде и договориться.

Я ждал до последней минуты. Встал в очередь, прошёл таможеню, потом паспортный контроль, пограничный... Дал пограничнику паспорт, а он говорит: «Вы знаете, вас в списках нет. А билет где ваш?» Я объяснил, что мне сказали — можно на судне купить. Пограничник: «Подождите, стойте здесь. Сейчас все пройдут, и мы тогда будем решать, что делать».

Я стою, и ко мне подходит помощник капитана, они, как видно, работают по схеме. «Ты хочешь поехать?» Я: «Да». — «А чего же ты билет не купил?» — «Да вот опоздал. Мне сказали, что меня в списках нет. Велели к вам подойти». Он тогда озабоченно: «Надо же в списки вписаться». Короче, взял сверху половину цены билета. А потом говорит: «Возьми десятидолларовую купюру и положи в паспорт». Я говорю: «Понял», подошёл к пограничнику, тот взял мой паспорт, посмотрел, вернул. Купюры уже не было.

Самый волнующий момент был, когда я шёл по пирсу. Первый раз в жизни видел такой длинный пирс. Я шёл, шёл, а он всё не кончался. И вдруг смотрю, сзади офицер идёт за мной. Я поднимался на борт в ожидании окрика. А он прошёл мимо. Мне сразу понравился этот офицер.

— Последним, кого ты видел на родине, был человек в форме?

— Да.

— А в какой одежде ты пересёк границу?

— В костюме, в котором женился.

— Ты так задумал?

— Да. Потому что второй брак у меня очень удачный. Мы с женой счастливы, и этот костюм принёс мне удачу.

— Ты совершенно серьёзно?

— Да. На сто процентов.

— И в тех же башмаках?

— Нет, башмаки другие, а пиджак и брюки те же.

— Какого цвета был костюм?

— Пиджак светлый, а брюки — тёмные. Больше я его не надевал ни разу.

— Собираешься надеть, когда будешь возвращаться на родину?

— Если не станет мал.

Поднялся на борт, и через несколько минут мы отошли от берега. Я стоял на корме, смотрел, как он удаляется. Или как я удаляюсь? У меня было чувство тоски и радости. Откуда радость — понимал. А откуда тоска — в тот момент ещё нет. Тоска просто спрыгнула с берега и вскочила за мной на судно.

Конечно, решиться на такой шаг было крайне сложно. Похоже на самоубийство, вернее, на шаг в загробную жизнь: что там, неизвестно, и назад пути нет. Но я это сделал ради своего ребёнка. Мне хочется воспитать сына самому, а не из тюрьмы — письмами.

— Но ты же понимаешь, что всё равно с ребёнком тебя разлучили? Ты всегда останешься — «там», он теперь всегда будет — «здесь»...

— Да, он становится англичанином. Это я понимаю...

Как только я пересёк границу, друзья мне изготовили документы, по которым позже я выехал в Турцию.

— То есть, выезжая из России, ты никаких законов российских не нарушил?

— Нет, совершенно никаких. Я выехал из России по своему паспорту, не нарушая закона РФ. Таможенник поставил штамп. Всё — по закону.

— И только в сопредельном государстве пошёл на нарушение закона, изготовил себе фальшивый паспорт?

— Да, но это была необходимость. Я не мог по российскому паспорту ехать дальше.

Позвонил Марине. Её мобильный телефон работал только на приём. Причём я её предупредил, чтобы не говорила в квартире — там стояла техника.

— А мобильный телефон не могли прослушивать?

— Чтобы прослушать мобильный телефон Марины, надо было, чтобы он где-то засветился, или назвать ключевые фразы. Там же либо компьютер подключён к фразам, либо телефон поставлен на контроль. Я не говорил фраз, которые могут включить запись. Шел обыкновенный разговор. Я сказал: «Марина, я на месте. Давай». Перезвонил через два дня. Она сказала: «У меня всё готово. Испания». И назвала число отъезда. О том, что она уезжает, не знали ни мать, ни отец — никто.

— Тебя ещё не искали?

— Нет. Перед тем как уехать, я заскочил к адвокату и сказал ему, что отправляюсь в Нальчик. У меня была такая легенда — еду в Нальчик, надо продать квартиру отца, а семью перевезти в Москву.

Кроме того, я выбрал момент для побега, когда моё уголовное дело из Московского окружного суда ехало в Ярославский гарнизонный поездом. Оно две недели должно было ехать. Я в это время даже ни за каким судом не числился. Один суд дело моё отправил, а другой в производство его ещё не принял.

— А сын знал?

— Нет. Никто не знал. Человек, который, как я понимаю, осуществлял за мной контроль со стороны ФСБ, выходил на Марину и неоднократно интересовался, где я есть. Марина ему говорила: «Саша поехал продавать дом и, наверное, понадобится помощь. Может быть, тебе придётся к нему подъехать». Всех успокаивала. Пока была тишина.

Утром в день отлёта Марина заехала к родителям и сказала матери, что ей предложили горящую путёвку, и она едет в Испанию с Толей на две недели. «Только ты никому ни слова, — попросила она. — Тихо пока. Сегодня никому не говори». Посадила Толяна в такси и поехала. Сын, когда узнал, что едет в Испанию, спросил: «Мама, почему ты мне не сказала раньше?» Он и сейчас это часто вспоминает, обижается: «Ты что, мне не доверяешь?»

Они уже сидели в самолёте, а я метался в гостиничном номере. Это был самый напряжённый день в моей жизни. Уйдёт — не уйдёт, уйдёт — не уйдёт...

— А ты где был в это время?

— В той стране сидел. Я решил, что если семья не уйдёт, вернусь обратно. Без них куда бы я уехал? День был длинный, как тот пирс. Не выдержал, позвонил: «Марина, ты где?» Она говорит: «В самолёте». — «А самолёт где?» И она закричала: «Самолёт набирает скорость, сейчас прервётся связь. Его уже не остановят».

Человек без визы

Через четыре часа раздался звонок, она сказала: «Мы в Испании». Всё. Я начал готовить следующий этап — переход в Турцию. Перебрался — въехал по фальшивому паспорту, и в тот же день туда прибыла Марина.

Здесь началось самое сложное. У меня не было визы, и надо было думать, что делать дальше. Позвонил Березовскому по мобильному. Он говорит: «Молодец, что ушёл, сейчас я тебе перезвоню».

А через десять минут звонит мой знакомый американец Алик Гольдфарб, бывший москвич, и говорит: «Какая там у вас погода, хочу за вами приехать». Я благодарен этому человеку на всю жизнь.

— В Турции вам было уже спокойнее?

— Турция страна небезопасная. Алик объяснил мне ситуацию: «То, что ты в Турции, это хорошо. Но у нас очень мало времени, потому что тебя сейчас кинутся искать в России, подадут в Интерпол, и вас начнут ловить везде. Надо срочно выезжать в одну из цивилизованных стран, ступать ногой на её территорию и просить убежища». Я и сам это знал.

Алик созвонился со своими друзьями, и в Турцию приехал адвокат из Америки — специалист по иммиграционному праву. Когда он меня выслушал, то сказал: «У тебя стопроцентный шанс на политическое убежище, но вопрос вот в чём — нет визы. А если приедешь в Америку без визы, тебя посадят в иммиграционную тюрьму, и жену тоже. А ребёнка на время отдадут в приют. Нужно идти в американское посольство и просить там визу».

На следующий день мы все вместе — я, Марина, Толян и Алик — пошли в американское посольство. Пришли на проходную. Вышел человек из посольства, поговорили, и нас принял официальный представитель. Я рассказал о том, что с нами произошло. Нам ответили: «Мы вам визу пока дать не можем, но и в посольстве оставить тоже не можем. Идите, а мы подумаем». При этом я им сразу сказал, что не хотел бы взаимодействовать с американскими спецслужбами.

— А они с тобой — хотели?

— Думаю, что нет. Был там один, не то Марк, не то Майк, не помню. Я ему сразу сказал, что не хочу с ними иметь дело. «Я в разведчиков уже наигрался. И хочу когда-нибудь вернуться на родину».

— А ты вообще знаешь хоть одну государственную тайну?

— Нет. Я знаю о бандитизме, о коррупции. Раньше главная

государственная тайна была — здоровье нашего президента. А теперь главная тайна — это отношения нашего президента Путина и уголовного элемента по фамилии Барсуков-Кумарин. Это лидер Тамбовского преступного сообщества. Вот что сейчас главная тайна России. Весь Санкт-Петербург знает, что Путина связывает с этим человеком личная дружба. И финансовые узы... Ещё знаю, кто взорвал дома.

— Может, как раз это их и интересует?

— Ну так пускай сами у него и спросят. Они же теперь друзья. Друг Джордж, друг Владимир.

— У тебя какие-нибудь удостоверения были с собой?

— Кроме фальшивого, который остался в гостинице, у меня был российский внутренний паспорт и удостоверение ветерана военной службы ФСБ. Я им сразу сказал, что я бывший сотрудник ФСБ. Незаконно уволенный, но не собираюсь вести никакой деятельности против России.

Они меня выслушали и выставили из посольства.

Турция — специфическая страна. Мировой разведцентр — все друг за другом присматривают, в том числе и за посольствами. Поскольку мы засветились в посольстве, надо было уходить из Анкары. Я был уверен, что наши фотографии уже идут в Москву по линии ГРУ или СВР. А тут ещё мужик подозрительный стал ходить за нами по отелю.

В общем, мы выбрались из отеля и ночью переехали в Стамбул. Поселились в гостинице и начали думать, что делать дальше. Раз нам не дали визу в Америку, то мы можем въехать в неё нелегально. Взять, допустим, транзитный билет на Барбадос, куда не надо визы, через американский какой-нибудь аэропорт. И там просто идти без визы на выход. И заявлять:

«Прошу политического убежища». После чего могут посадить в иммиграционную тюрьму на неопределённый срок.

Я готов был сесть в тюрьму, но жена? Марина подумала-подумала и говорит: «Я согласна».

Тогда я понял, насколько она меня любит. Она не только ждала меня, пока я сидел, носила передачи, но и была согласна сама сесть.

Алик сказал: «Ребята, вы не понимаете, американская тюрьма — не сахар, особенно иммиграционная. Подождите, у нас же кроме Америки есть и другие страны». Он сел за компьютер, начал смотреть рейсы самолетов. Долго-долго смотрел. Толик ходил и всё спрашивал: «Папочка, куда мы поедём?» Он чувствовал, что происходит что-то неладное, но ничего не понимал.

Вдруг Алик говорит: «Есть! В Англию не надо транзитной визы, и есть

стыковка рейса. Мы сейчас покупаем билеты Стамбул — Лондон — Москва. Прилетаем в Лондон и там остаёмся. Англичане, думаю, не будут вас сажать в иммиграционную тюрьму».

Самолёт вылетал через полтора часа. Каждые сутки пребывания в Турции сулили опасность, потому что в России меня уже хватились. И мы могли уже не уйти.

— Ситуацию в России ты никак не отслеживал?

— Я связался со своим агентом в Конторе. Он сказал, что все уже забегали. «Тебя начали искать. Будь аккуратней». Ещё он сказал, что пытаются сфабриковать какое-то уголовное дело, что я будто бы совершил убийство. Но я знал, что в Интерпол срочно заявить нельзя, процедура занимает некоторое время.

А это очень стыдно

...Приземлились в аэропорту Хитроу. Вышли в транзитный зал. Алик позвонил своему знакомому адвокату Джорджу Мензису. Тот объяснил:

«Сейчас подготовлю все документы, отправлю в иммиграционную службу, и тогда сразу идите сдавайтесь властям».

Джордж всё сделал. Иммиграционные власти дали слово, что до рассмотрения вопроса нас не депортируют из Англии.

Фальшивый паспорт я сразу уничтожил.

— Не пересекая границу Великобритании?

— Я его нигде не предъявлял, чтобы не нарушать законов Англии. Ко мне подошёл офицер иммиграционной службы. Я представился, он попросил немного подождать. После этого пришёл переводчик и подошёл полицейский. Он выслушал всю мою историю минут на сорок, потом говорит: «Я вижу, вы нормальный человек, у вас нормальная семья. Вы никаких нарушений не допустили, и все дела на территории Англии в отношении вас я прекращаю своей властью». Я был поражён. Он говорил: «Вы находитесь на территории Великобритании под защитой английского правительства, и если вы почувствуете какую-то угрозу, прошу вас немедленно сообщить в полицию, мы вас будем защищать, вплоть до того, что возьмём под охрану». Я вспомнил своих российских милиционеров, как они говорят. А этот английский мент разговаривал по-человечески и явно беспокоился за мою безопасность. К тому времени я ведь напрочь забыл, что значит чувствовать себя в безопасности.

Позже мы были допрошены иммиграционным офицером. Нас завели в специальную комнату, сняли отпечатки пальцев. И выдали справку, в которой было написано, что нам временно разрешается проживать на территории Англии, но по первому требованию иммиграционных властей мы должны являться к ним в офис.

— Вас долго допрашивали?

— Всё заняло часов десять. Нам туда бутерброды носили. Мы вышли из аэропорта поздно вечером.

— А твой американский приятель улетел обратно в Нью-Йорк?

— Куда там в Нью-Йорк! Его допрашивали в соседней комнате, сверяли, что мы друг о друге скажем. На него англичане наехали по полной программе за то, что он помог мне нелегально въехать в страну. Он мне потом рассказывал, что начальник иммиграционной службы Хитроу очень

был зол. Говорит: «Вы деньги от Литвиненко или Березовского за это получили?»

Тот говорит: «Нет». — «А зачем вы это сделали?» Алик: «Из высших принципов». А тот: «Вы, американцы, совсем распоясались, решаете тут свои дела на нашей территории. Нарушаете наши законы. Везли бы его в Америку. Я из высших принципов вас из Великобритании высылаю. На первом самолёте обратно в Турцию!»

Алик ему: «Мне в Нью-Йорк надо». А тот: «Полетите в Турцию! Скажите спасибо, что я вас не арестовал за нелегальный ввоз эмигрантов».

Англичане занесли Алика в компьютер и целый год потом в Англию не впускали, хотя у него там сын. Станный народ. У нас, если б кто привёз американского подполковника, так ему медаль бы дали и ценный подарок от ФСБ. В общем, улетел Алик в Турцию, и мы год не виделись, пока не получил он у англичан прощение.

А меня наутро ещё раз допросили в иммиграционной службе. Я повторил, что не хотел бы иметь никаких контактов с английскими спецслужбами. Мне сказали: «Да о чём вы говорите. Без вашего согласия...»

Мне объяснили, что по закону английские спецслужбы без вашего согласия даже подойти к вам не имеют права. Я сказал, что такого согласия не даю. Они говорят: «Ну и всё. Поймите правильно, мы вас не заставляем нарушать законы вашей родины, мы даже заинтересованы в том, чтобы вы не нарушали никаких российских законов, находясь здесь. Вас никто не заставляет ни с кем работать».

Они не ставят решение о предоставлении убежища в зависимость от того, расскажете вы какие-нибудь секреты или нет.

— Честное слово, ты говоришь, а не верится. Мы из другой жизни, и у нас бытует мнение, что политическое убежище в Англии дают только при условии выдачи каких-то важных государственных тайн.

— Такое мнение бытует в ФСБ. Вся система правоохранительных органов, спецслужб в России строится на торге. Сдашь человека — не сядешь, не сдашь — сядешь. Будешь «колоться», получишь меньше, не будешь — получишь больше. Там вся оперативная и следственная работа основана на торге. В России и анонимки вернули к жизни.

Здесь есть закон о политическом убежище. В нём сказано, что убежище даётся, если тебя преследуют на родине и по возвращении туда тебе грозит расправа.

Я привёз документы о сфабрикованных против меня делах, всё это было внимательно рассмотрено, и мне предоставили политическое

убежище, как и тысячам других беженцев от тиранических режимов, прибывающим в Англию со всего мира.

Я не хотел просто скрыться, просто спасти себя и семью, хотя это, безусловно, было важнейшим мотивом. Мне было важно объективное рассмотрение моего дела. И то, что я добрался до Англии без помощи спецслужб, прошёл мучительную процедуру проверки всей истории моего преследования и получил политическое убежище по закону, для меня так же важно, как чувствовать себя в безопасности.

На эту тему даже запрос был в парламенте. У них в Великобритании разведка относится к «Форинг Офису», то есть МИДу, а иммиграционная служба — к «Хоум Офису», то есть МВД. Так вот когда эта история попала в газеты, один депутат и задал вопрос в комитете по иностранным делам. Что это, мол, у вас там в разведке совсем работать разучились, почему героический русский перебежчик в Хитроу кружным путём пробирался и его даже никто не встретил?

Так на следующий день в газете «Дэйли Телеграф, появилось разъяснение «источника» из английской секретной службы, что, мол, Литвиненко не имеет к ним никакого отношения. Если б он был нам нужен, мы б его сами привезли по-тихому и он не появился бы без предупреждения в Хитроу. И вообще, он не перебежчик, а политбеженец. И занимаемся им не мы, а «Хоум Офис».

— Как долго ты ждал решения об убежище?

— Почти полгода. Вернее, два месяца я составлял прошение об убежище — получился целый том, и ещё четыре месяца ждал решения. А пока я ждал, на родине против меня возбудили четвёртое уголовное дело! Я, кстати, думаю, что это мне помогло. Как только они возбудили четвёртое дело, моментально дали убежище.

— В чём на этот раз обвинили?

— В том, что в январе 1997 года я в посёлке «Девятое мая» избил какого-то гражданина Одинокого, посадил его в багажник, привёз в какое-то служебное помещение и там продолжал избивать. Полный бред. Как я мог один похитить гражданина, а если я его похитил не один, то почему не привлекли никого другого? Если я кого-то бил в служебном помещении, что это за служебное помещение? В общем, снова будто под копирку отпечатано. Только фамилии и мелкие подробности изменили. А так, если сравнивать все постановления Барсукова о привлечении меня в качестве обвиняемого, то они все одинаковые.

— Опять Барсуков возбудил?

— Да. Все дела Барсуков вёл. Хотя по одному делу я оправдан, а

второе дело он сам прекратил. То есть он меня уже два раза незаконно к уголовной ответственности привлекал. И третий раз, и четвёртый... Он заказной следователь, это его профессия.

Когда я узнал, что против меня возбуждено четвёртое дело, мои адвокаты потратили три месяца, чтобы добиться от прокуратуры информации, в чём меня обвиняют. Барсуков проводил какие-то экспертизы, скрывая их от адвокатов. Фактически уголовное дело вели тайно как оперативное, то есть на основе закона об оперативно-розыскной деятельности, а не УПК.

— Как твои московские адвокаты узнали о том, что ты выехал из России?

— Как и все — по телевизору. Вернёмся к Англии. Как только я получал новые подробности из Москвы о ходе следствия, сразу же ставил в известность «Хоум Офис». В России же врал, будто я скрываюсь от английской полиции.

И начали жёсткий прессинг против моих родственников: был избит брат, проживающий в Москве, отца несколько раз забирали в милицию.

— Давили, чтобы получить какую-то информацию? Или просто пугали?

— Сначала отца просто пугали. Как-то ночью отвезли в милицию, потом вывезли, посреди дороги бросили, он возвращался пешком. В другой раз милиционеры ворвались в его квартиру, провели незаконный обыск. Отца оскорбляли нецензурной бранью, говорили, что его сын — предатель. Таскали на допросы мать, сестру, тёщу. Когда вызвали в прокуратуру мать, потребовали адрес отчима. Мать сказала, что он больной человек, просила его не трогать. Но отчима всё-таки вызвали на допрос, требовали компромат на меня. Он ответил: «Я знаю Александра как порядочного человека, без вредных привычек».

На следующий день после допроса у него случился инсульт, отнялась левая сторона. Через несколько дней его отвезли в больницу, где он и скончался.

Никто за это не понёс наказания. В больнице поставили диагноз, что он умер совершенно от другого. Человека положили с инсультом, а умер он от другой болезни. Такое может быть только в России.

Мать заставили что-то подписать. Она испугалась и подписала. Мать вообще боится со мной по телефону разговаривать. Короче, моя семья находится сейчас вне закона. Права человека и Конституция на них не распространяются. Все факты давления на моих родственников мы присоединили к просьбе об убежище.

— Словом, чиновники в России сделали всё, чтобы ты получил политическое убежище?

— Получается, да...

14 мая 2001 года раздался звонок, и я услышал радостный голос адвоката Джорджа: «Александр, тебе дали убежище».

Даже не объяснить то, что я почувствовал. Полгода прошло, а дело всё рассматривают. Алика Гольдфарба, который меня ввёз, в Англию не выпускают. В газетах пишут, что Путин — лучший друг Тони Блэра. Несколько запросов о выдаче в Россию пришло на меня, как на уголовного преступника. Я сижу и гадаю: выдадут — не выдадут. С Родины доносится скрежет точильных камней — готовят ножи Барсуков, Иванов, Патрушев. А тут разобрались в моих делах и установили, что я подвергался политическому преследованию, а не уголовному.

Англичане могли дать мне территориальное убежище, предоставить возможность просто проживать в стране. Они могли моё дело откладывать до бесконечности. Я мог лет десять вообще жить по справке о въезде. А они за четыре месяца разобрались и дали добро.

Я приехал к Джорджу. Он встретил меня на лестнице, у него были слезы на глазах — он, наверно, один во всей Англии понимал мою беду до конца. Джордж сказал:

— Знаешь, я изучил твоё дело и хочу сказать только одно. В России власть использует уголовное право не для защиты граждан, а для управления своим народом. А это очень стыдно.

Глава 10. Рязанский след

Поставьте памятник Цхаю

— После побега ты занялся темой взрывов жилых домов осенью 1999 года. Написал об этом книгу совместно с Юрием Фельптинским. А до этого ты несколько лет работал в ОУ АТЦ, занимался террористами. Расскажи как это было.

— Среди всех типов преступлений теракты стоят особняком. Их не совершают по заказу бандитов или какой-нибудь коммерческой структуры. За этими преступлениями не стоит мотив убрать кого-то персонально — ведь жертвы случайны. Это либо дело рук безумных фанатиков, либо политическая провокация, с целью повлиять на общественное мнение, посеять страх в обществе, спровоцировать войну или геноцид. Обе чеченские войны начались именно после таких взрывов. Вся проблема в том, что до сих пор эти преступления не раскрыты, те же, что доказаны, увы, дело рук наших собственных спецслужб, а никаких не чеченцев.

— Ты имеешь в виду взрывы жилых домов?

— Не только. У данной темы есть длинная предыстория, которая для меня началась в 1994 году, перед первой чеченской войной. В это время я сидел в одном кабинете с Женей Макеевым. Он разрабатывал банду Лазовского.

18 ноября 1994 года в Москве на железнодорожном мосту через Яузу произошёл взрыв. Бомба, видимо, взорвалась случайно в момент минирования полотна. Был обнаружен труп подрывника — капитана Андрея Щеленкова, сотрудника нефтяной компании «Ланако». Руководителем фирмы был Максим Лазовский. Вскоре после взрыва на мосту произошел взрыв в городском автобусе на ВДНХ — это был первый теракт в Москве.

Пострадал шофёр. Два года спустя в совершении теракта признался шофёр Лазовского, Владимир Акимов.

— Кому нужно было минировать железнодорожный мост и взрывать пустой автобус?

— А вспомни. Первая чеченская война началась через пару месяцев.

Во взрывах 94-го года сразу обвинили чеченцев, было заявление Сосковца, что готовятся группы террористов для засылки в Москву.

Московский угрозыск совместно с нашим управлением начал разрабатывать Лазовского, и выяснилось, что за ним большое количество преступлений. Его дали в розыск по статье бандитизм. Лазовский был

задержан вместе с офицером Московского управления ФСБ майором Алексеем Юмашкиным. Об этом написано в книге «ФСБ взрывает Россию». То есть офицер Управления по незаконным бандформированиям ФСБ ездил с лицом, находившимся в розыске за бандитизм. Естественно, выяснилось, что Лазовский — тоже агент Управления ФСБ по Москве и Московской области. Погибший подрывник также числился в списках агентов ФСБ.

Лазовский и его банда совершили похищение Феликса Львова из VIP-зала аэропорта Шереметьево-1. При этом Львову было предъявлено удостоверение сотрудника ФСБ. Его вывели прямо из таможенной зоны, увезли, а через несколько дней нашли убитым.

Лазовского посадил в тюрьму Владимир Цхай из МУРа, который работал по этому делу вместе с Макеевым. Он сам его арестовывал. Цхай — замечательный профессионал, сыщик от Бога. Это был лучший сыщик России, и он ничего не боялся.

Просидел Лазовский недолго, года три...

Кроме того, был осуждён за теракты один из сотрудников фирмы «Ланак», подполковник Воробьёв, который был агентом спецслужб (в его уголовное дело из ФСБ пришла положительная характеристика). Воробьёв был осуждён за взрыв автобуса, получил три года за терроризм, а того, кто с ним минировал автобус, Акимова, вообще отпустили из зала суда.

Что интересно: Лазовского и Воробьёва осудили за взрывы 94-го года, вроде бы их вина доказана, но никто даже не поинтересовался, кто же у них заказчик? Не сами же они решили мост да автобус взрывать ни с того ни с сего?

А ведь Воробьёв в последнем слове назвал приговор «издевательством над спецслужбами». Ещё бы — за выполнение боевого задания дали срок.

Вторая серия взрывов произошла летом 96-го года. Сначала в метро 'Тульская' — четверо убитых, 12 раненых; 11 июля в троллейбусе на Пушкинской — шестеро раненых, 12 июля в троллейбусе на проспекте Мира — 28 раненых. И опять заговорили о чеченцах — Лужков пообещал выселить их из Москвы.

— А в это время в Чечне...

— А в это время в Чечне мы проигрывали и начались мирные переговоры, так что непонятно, зачем чеченцам были нужны эти взрывы. Правда, сорвать переговоры не удалось — в конце августа Лебедь подписал с Масхадовым Хасавьюртское соглашение.

Цхай был уверен, что вторая серия взрывов тоже дело рук банды Лазовского вкупе с ФСБ.

— На Лубянке хотя бы между собой об этом говорили?

— Конечно. Макеев это знал. Его это просто из себя выводило. Он порядочный, честный парень, десантник бывший. Читает публикации, где написано, что чеченцы, чеченцы... Один раз сказал: «Какие чеченцы?!» Тогда Макеева уволили. Всех повыгоняли. Отдел разогнали.;

— А Цхай?

— Цхай скоропостижно скончался при странных обстоятельствах 12 апреля 1997 года в возрасте 39 лет. Диагноз: цирроз печени, хотя он не пил и не курил.

Незадолго до его смерти я завербовал одного из людей Лазовского, Сергея Погосова (оперативный псевдоним Григорий), и тот рассказал мне всё, что знал о банде и о её связях с ФСБ. От Погосова я узнал, что эта бригада не бандиты, а скорее секретное подразделение, которое решает государственные задачи, устраняет людей, организует теракты. Лазовский был всего лишь исполнитель. Приказы исходили от кого-то из нашего руководства.

Погосов прямо сказал мне, что Цхаю конец, что ФСБ ему не простит разгром команды Лазовского. Я передал это Цхаю лично. А мне Погосов искренне советовал держаться подальше от этого дела.

Как только я начал работать с Погосовым, мне стали звонить из Московского управления, сначала с просьбами, а потом и требованиями отказаться от услуг моего нового агента. Я не реагировал. В конце концов моё начальство распорядилось прекратить все контакты с Погосовым.

— Что ты думаешь о смерти Цхая?

— Думаю, его отравили. Он сгорел у всех на глазах. За два месяца. Наблюдать это было страшно. Его смотрели лучшие доктора, но помочь уже не мог никто. Смерть Владимира была как показательная казнь для всех оперов. Так будет с каждым. Они ведь убивали лучших из нас.

Да и первый случай. Помнишь банкира Кивилиди? Того отравили ядом, заложенным в телефонную трубку. И Цхаю, наверное, что-нибудь подсыпали. У ФСБ есть спецлаборатория для этих целей на Краснобогатырской улице.

Перед смертью на Цхая давили. Из Московского УФСБ несколько раз звонили в МУР, требовали прекратить дело банды Лазовского. Со смертью Цхая оно и прекратилось.

— Странная смерть Лазовского тоже подтверждает версию о его участии в терактах в Москве?

— Да, Лазовского убили в 2000 году, уже после взрывов, и в тот день, когда должны были арестовать второй раз. Красивое совпадение.

— Правда, что на похоронах Цхая из ФСБ был ты один?

— Как мне сказал начальник МУРа Голованов: «Ты единственный, кто из ФСБ пришёл с ним проститься». Может, позже ещё кто-то пришел. Я никого не видел. Со слов Голованова — больше никто так и не пришёл.

— У меня сложилось впечатление, что успехи Цхая в поисках террористов и бандитов во многом были возможны только потому, что он исходил в своей работе из того, что против него действует ФСБ.

— Не думаю. Цхай был просто сыщик, который собирал доказательства. Причём талантливо это делал. Цепочка следов привела его... в ФСБ. Он не предполагал, а просто на неё вышел. Ему было без разницы — ФСБ, ЦРУ, ФБР. Для Цхая существовало преступление и лицо, его совершившее. Нарушил закон, неси ответственность. Я уверен на сто процентов, что если бы Цхай вышел по следам на начальника МУРа, он бы ему в кабинете наручники надел. Такой был человек, и за это его уважали. Когда мы стояли на похоронах, Голованов плакал и говорил: «Я был за ним как за каменной стеной. Я ему доверял. Ему можно было доверить всё».

Будь моя воля, я на Лубянке вместо Феликса поставил бы памятник Цхаю. Он это заслужил.

Странная война с террором

Ещё эпизод. Весной 1996 года начальником отдела в ОУ АТЦ был Колесников. Зашёл в наш кабинет и говорит: «Надо срочно ехать в аэропорт Шереметьево-1, там сидит в милиции человек, который хочет что-то рассказать о терроризме». — «Хорошо, я поеду, дайте машину». — «Машин пока нет». — Я спросил: «А как я в Шереметьево-1 поеду вечером?» — «Ладно, — говорят, — найдём тебе машину». Нашли машину. Дежурный кричит: «Ты бензин купи за свои деньги». Ситуация: человек хочет дать показания о подготовке взрыва в Шереметьево, но нет бензина до него доехать. Я начал ругаться, минут через сорок нашли бензин.

— Странно, в воздухе уже пахнет гексогеном, все подозреваются в терроризме, поступает сообщение о подготовке взрыва, но нет бензина, чтобы до нужного места доехать?

— Да. На оперативную машину — лимиты. На машины начальников лимита нет, а на оперативную машину — есть. Страна же бедная! Я выехал в Шереметьево-1. В отделении милиции сидел за решёткой человек. Его вывели, мы стали с ним беседовать. Рассказал, что он армянин, проживал в Грозном, работал на каком-то предприятии. Как-то раз ушёл на работу, а когда вернулся, на месте дома — огромная воронка. Бомба. Прямое попадание. Погибла вся семья. Он несколько дней ходил вокруг, хотел найти хоть одну фотографию своих близких. Ни фотографий, ни документов, ничего. Пустота. Ужас какой-то — сегодня у тебя семья, а завтра — пустота.

Он говорил, что прожил несколько недель в Грозном и понял, что сойдёт с ума, если оттуда не уедет. Каждый день ходил к своему дому. К яме.

Уехал в Ставропольский край. Не мог найти работу. Бомжевал. Потом перебрался в Москву. Это был какой-то удивительный человек. Он был бомж, но от него даже не воняло.

Рассказал, что он подрабатывает, разгружая что придётся, и ночует на вокзалах. Когда удаётся заработать побольше, снимает койку в гостинице и отсыпается. Раз в неделю ходит в баню, стирает вещи. Недавно нашёл себе халтуру около аэропорта и ночевал в Шереметьево-1. Если спал на вокзале, то за небольшую сумму его не трогали всю ночь.

В этот вечер, часов около девяти, к нему подошли два чеченца (он хорошо понимал по-чеченски). Увидели, что кавказец, и спросили —

откуда. Он объяснил, что из Грозного, и рассказал свою историю. Ему сказали, что «надо русским отомстить». Он спросил: «А как?» — «Мы тебе дадим сумку, и надо будет соединить два проводка и уйти. Будет взрыв, и ты отомстишь им за своих детей. Приедешь к нам на аэровокзал в такое-то время, и мы дадим тебе деньги».

Обещали полторы тысячи долларов. Он ответил — «подумаю». Всю ночь не спал, мучался, переживал. Под утро, где-то часов в семь, они опять подошли. И показали сумку клетчатую, в ней коробка и проводки. Он отказался: «Не хочу. Моих уже не вернёшь, и я не хочу никого взрывать».

Когда к нему подошли милиционеры проверять документы, он и рассказал им об этом. Его целый день продержали в милиции, два раза опросили и сказали, что сумасшедший. Он тогда потребовал встречи с сотрудником ФСБ. Они позвонили в ФСБ часа в три дня, пока до нас дошло, было уже шесть. Чеченцев якобы пытались по горячим следам искать, но никого не нашли.

Милиционер мне: «Чего ты с ним разговариваешь, он же сумасшедший». Вызвали «скорую», приехал врач, осмотрел его и говорит: «Не сумасшедший. Совершенно нормальный».

Я позвонил в ФСБ и говорю: «Мне нужен специалист, сделать фоторобот». Они говорят: «Уже поздно, где мы тебе найдём специалиста?» Я объяснил дежурному ситуацию. Он мне говорит: «Подержи его до утра». Я возмутился: «Как это подержи до утра?» Менты предложили: «Да ладно, мы сейчас ему хулиганку организуем. Напишем, что он хулиган, и будет у нас сидеть. Чего ты переживаешь? На пятнадцать суток его посадим, да и всё». — «Вы чего делаете? — я просто ошалел. — Человек помогает нам, рассказывает такие вещи, а вы — пятнадцать суток. Вы чего, все с ума посходили?»

Позвонил дежурному по ГУВД Москвы. Он меня переадресовал на дежурного по Московскому уголовному розыску. Я всё тому объяснил. Чувствую — мужик из оперов. «Да, я понял. Конечно, надо срочно сделать фоторобот. Сейчас подыму дежурного эксперта-криминалиста. Не переживай. Привози его сюда». Я его привёз в лабораторию. Было часов одиннадцать ночи, и в течение двух часов на компьютере мы составили два фоторобота. Один я отдал дежурному по МУРу. Мужика этого отпустил.

А второй фоторобот забрал себе.

Утром пришёл на работу, написал подробную справку с предложением фотороботы немедленно разослать по всем отделениям милиции и областным управлениям ФСБ. И если их установят, взять в разработку для проверки информации. Эту справку я отдал начальнику. Потом уехал в

командировку на Кавказ.

Прошло несколько месяцев, и начали взрываться автобусы, троллейбусы. В одном из автобусов была найдена неразорвавшаяся бомба. Я прочитал ориентировку и вспомнил: эта бомба по описанию похожа на ту, о которой рассказывал мне мужик! Я подошёл к начальнику отдела: «Помните, я писал справку. Бомба похожа». Колесников говорит: «Не помню». Открывает сейф, рылся, рылся: «Я вообще забыл о ней». Никто эту ориентировку вообще никуда не посылал.

Я нашёл у себя фоторобот, показал Колесникову. Он раскопал наконец в сейфе нужные документы и говорит: «Доложу руководству». Как раз ко мне в кабинет заходит Женя Макеев, увидел фоторобот и спрашивает:

«А это кто такие? Это же люди из банды Лазовского. — И называет имена.

— Ты где их взял?» — Я рассказал ему всё, и то, что Колесников забыл. Сейчас, говорю, доложит руководству. Будут искать. Макеев посмеялся:

«Раньше нас с тобой найдут, чем их». И ушёл.

В общем, в 96-м теракт мог бы состояться не в московском троллейбусе, а на аэровокзале.

Получается, что борьба с терроризмом мало интересовала руководство ФСБ. В 1995 году Платонов выезжал в Питер с проверкой, и обнаружилось, что там — вообще ни одного дела оперативного учёта по терроризму нет. А у меня однажды сорвали фантастическую операцию — не дали внедрить своего агента к людям в Москве, связанным с Басаевым.

Дело было так. Я поехал в командировку в Нальчик. В один из дней меня вызвал Макарычев — тогда министр безопасности республики — и говорит, что в аэропорту Нальчика задержаны пограничниками два чеченца, возвращавшихся из Турции. Их арестовали за незаконный переход границы. Они везли два мешка с собой: знамена исламские, Кораны, призывы к джихаду — много чего.

Возбудили уголовное дело, передали его в ФСБ. Целая команда изучала фотографии, книги, слушала кассеты, а я работал с дневниками. Обыкновенный дневник, стихи — «русские собаки», «русских надо убивать». Парень грамотно писал по-русски, без ошибок. Из дневника видно было, что воевал и ненавидит русскую армию: «Наступит день, когда мы победим».

В дневнике я обнаружил интересную запись: «Вчера ездили к нашим ребятам в тюрьму в Стамбул, Трабзон». Посмотрел на дату — вспомнил, когда был захвачен паром в Трабзоне. И тут меня осенило: да они ездили в

тюрьму, навещать тех, кто захватывал паром. Тогда я пришёл к Макарычеву и говорю: «Смотрите, они лично знают тех, кто захватывал паром в Трабзоне. Надо организовать внутрикамерную разработку». Макарычев говорит: «Вперёд!»

Мы их посадили в разные камеры. Мне надо было завербовать агента из чеченцев, которого можно было бы к ним подсадить. Нашёл одного малого. Парень воевал в Чечне, у него был конфликт с полевым командиром, и он объяснил, что хочет ему отомстить. Просил, чтобы мы ему в этом деле посодействовали.

Мы взяли с него подписку, что он согласен сесть в тюрьму на десять дней. Подготовили документы, получили санкцию прокурора и посадили его к одному из задержанных. Камера была оборудована техникой, и из здания управления мы все их разговоры прослушивали.

Агент оказался ловким, умел к себе расположить. У него были шрамы на лице — он объяснял, что воевал, и ему удалось втереться в доверие к задержанному чеченцу. По их разговорам мы установили, что задержанный из группы Басаева. Я предложил следующую комбинацию. Прихожу в тюрьму, вызываю задержанного чеченца, показываю ему удостоверение Московского уголовного розыска и говорю: «Мы вас сейчас срочно забираем на этап и увозим в Москву, в Лефортово, так как по отпечаткам пальцев есть данные, что вы подозреваетесь в преступлении, совершённом в Москве». Словом, даю понять, что я его увожу. А агенту мы отработали линию поведения, что его под подписку о невыезде выпускают, что адвокату это удалось. Его-то посадили под легенду, что он совершил мелкую кражу на рынке. Агент рассказал объекту, что его выпускают. И тут мы объекта дёргаем. Получилось! После разговора со мной тот возвращается в камеру и говорит агенту: «Слушай, меня в Москву вывозят». Агент спрашивает: «А чем я тебе могу помочь? Меня же выпускают. Буду в Нальчике». Тот ему говорит: «А ты не мог бы в Москву поехать? Мы тебе всё сделаем, документы и всё. У меня есть люди». Даёт ему телефон одной из своих конспиративных квартир. «Езжай к ним. Они тебе помогут. Только передай, что меня везут в Лефортово, и что я молчу».

Следователь спрашивает: «Что будем делать?» Я говорю: «Сейчас я вернусь в Москву, и вы его за мной этапируйте».

По прибытии я доложил руководству, что надо немедленно этого чеченца привезти в Москву, хотя бы недели на две. И агента тоже в Москву перевезти, чтобы продолжить разработку.

Мне сказали: «А на что он будет жить в Москве и где?» — «Вы чего, не понимаете, — горячился я, — что мы сейчас внедряем чеченца. Мы

установили лицо, которое фактически связано с группой Басаева. Этот человек, дал нашему агенту телефон, где чеченцы живут. Он приедет и будет с ними общаться. Мы сейчас человека внедрим в среду чеченцев, которые связаны с боевиками — с Басаевым, с Хаттабом. Вы же кричите, что они всё взрывают. Вот и внедрим агента к ним». А мне один ответ: «Да ты понимаешь, что это сложно?»

— На этом всё и закончилось?

— Да, такую возможность упустили! Если бы мы внедрили агента к Басаеву, то либо взрывов домов в Москве не произошло, либо этот агент принёс бы стопроцентно подтверждённую информацию, что дома взрывали не басаевцы. Поэтому он и был не нужен. Но всё это выстроилось у меня в голове гораздо позже — после того, как взлетели на воздух дома, а меня уже не было в органах.

Исчезающий чеченский след

— После просмотра фильма «Покушение на Россию» у многих остались сомнения. Говорят — вина ФСБ не доказана. Давай вернёмся к этой теме.

— Начнём с мотива. Ни одно умышленное преступление не совершается без мотива. И здесь был мотив. Ответная реакция на взрывы — вот он. А ответная реакция — это война в Чечне. Кому было выгодно взорвать дома? Уж точно не чеченцам. Кому нужна была эта война? Путину. Что б за него проголосовали. Говорят, что он свою знаменитую фразу — «Мочить в сортире!» случайно произнёс, под впечатлением момента. Думаю, что нет. На этой фразе он выиграл выборы. Это был его предвыборный лозунг. Как «Вся власть советам!».

— А почему не Басаев с Хатгабом? Ведь они грозились перенести войну в Россию.

— Это возможная версия. Но маловероятная. Если бы эти взрывы совершили чеченцы — как возмездие за поражение в Дагестане, они об этом заявили бы в открытую. Как террористы в любой стране мира, которые берут на себя ответственность. Если произошёл взрыв и террорист не берёт его на себя, теракт теряет смысл как символическая акция.

Второе: взрывы произошли перед самой войной. Любое преступление рассматривают по времени и по месту. По времени. И здесь всплывает самое главное. Официальная власть заявляет, что чеченцы совершили взрывы в отместку за поражение в Дагестане. Но между операцией в Дагестане и взрывами домов прошло очень мало времени. Очень! Четыре дома взорвано, сотни килограммов взрывчатки найдено в других домах и разминировано. Такое количество гексогена нужно чуть ли не год завозить в Россию. При том режиме, который существовал после боёв в Дагестане, и чтобы ни одну машину не задержали?! Это просто невозможно. Поэтому, если говорить о мотиве, то версия, что это была провокация, а не акт возмездия, мне кажется наиболее убедительной.

— Сколько нужно времени, чтобы подготовить террористический акт? Взрыв дома?

— Взрыв дома можно организовать за сутки — если у тебя всё на руках. А если ничего нет, надо сначала подобрать исполнителей. Среди них может оказаться агентура правоохранительных органов. Дальше: этих людей надо подготовить. Тоже нужно время. И подготовить место взрыва, и

подвезти взрывчатку, взрывное устройство...

— То есть речь идёт о трёх-четырёх месяцах?

— Да. Тем более, тогда шли боевые действия в Дагестане. Хаттабу и Басаеву, которые бились на передовой, было не до этих взрывов. Только потом они могли сесть и подумать: слушай, нас побили, надо мстить.

— Кстати, а ты сам где был в это время?

— В Лефортово сидел. Когда произошёл взрыв на Каширке, я его слышал. Нам в ту ночь разрешили открыть окно. А рядом со мной сидел Боря Черногоров. Он тоже не спал. Я его спросил: «Боря, ты слышал взрыв?» Он говорит: «Да-. Человек, который воевал, взрывы хорошо слышит.

— А почему ты не допускаешь, что это сделал какой-то полоумный чеченец, чтобы отомстить за семью, например?

— Четыре дома? В течение месяца? В разных городах — Москве, Буйнакске, Волгодонске? Да ещё два дома в Москве, где бомбы успели обезвредить. Полный бред! Тут поработала мощная организация.

И почему взрывы прекратились после эпизода в Рязани, когда подозрение пало на ФСБ? И почему уничтожены те вещественные доказательства, что попали в руки ФСБ? Почему Кремль так тщательно гасит все попытки расследования?

Всё же чеченскую версию нельзя отбрасывать, пусть она и неправдоподобна. Хотя бы потому, что она предпоследняя из версий. Если её опровергнуть, то всё ясно с точки зрения логики. Есть мотив, есть ресурсы.

Не чеченцы, так Кремль — больше некому!

— ФСБ объявила главным организатором взрывов Ачимеза Гочияева. Но разыскал его ты. Как это было?

— Не совсем так. Не я его разыскал, а он — меня. Вернее, моего соавтора Юрия Фельштинского. Он скрывается где-то на Кавказе, скорее всего, в Грузии. И правильно делает, что скрывается, потому что живым он ФСБ не нужен.

После того как посредник Гочияева позвонил Фельштинскому, я составил для него вопросник, и тот прислал письменные объяснения. Больше он на контакт не выходил.

По словам Гочияева, его строительная фирма действительно арендовала подвалы взорванных домов. Но он говорит, что не знал, что туда завезли взрывчатку. Он арендовал помещения по просьбе своего партнёра, который, как он думает, был связан с ФСБ. Когда произошёл первый взрыв, партнёр позвонил ему в пять утра и сказал: «Срочно

приезжай, на складе пожар». Но Гочияев решил переждать, а после второго взрыва понял, что был использован втёмную, и предупредил, как он говорит, милицию, «Скорую помощь» и Службу спасения о двух других закладках — в Копотне и на Борисовских Прудах. А после этого скрылся, так как его объявили главным террористом.

Эту информацию легко проверить — достаточно поднять аудиозаписи звонков в эти службы и установить, кто и когда звонил.

— Ты склонен верить Гочияеву?

— В его показаниях есть логика. Главное, что их легко проверить, если, конечно, дадут.

В пользу версии Гочияева свидетельствуют также косвенные данные. ФСБ, например, сообщило, что Гочияев «в одном месте дал непростительную промашку — арендовал подвал на свою настоящую фамилию». И искать его начали буквально через несколько часов после первого взрыва. Как же он, супертеррорист, планируя преступление, сам на себя зарегистрировал склад? А в других местах использовал паспорт своего родственника? Что же он, не мог взять паспорт с русским именем? Зачем ему брать документ с кавказской фамилией? Зачем самому светиться, он мог бы кого-нибудь нанять. Большинство палаток на рынках кто держит? Азербайджанцы. А за прилавком у них кто сидит? Русские девчонки. Потому что, когда начинается истерия — бей чёрных! — им самим опасно находиться за прилавком.

Так что это бред сумасшедшего — снимать помещение на кавказскую фамилию. Попробуй, сними в Москве квартиру. К тебе сразу придёт участковый и потребует денег. Вон у меня брат снимает, так он каждый месяц платит участковому.

Я думаю, что если действительно Гочияев снимал эти помещения на своё имя, то уж очень похоже, что кто-то специально решил подставить кавказцев.

— Была опубликована фотография Гочияева с Хаттабом.

— И не одна, а целых две. И обе фальшивые. Сам Гочияев через посредника категорически отрицает, что бородатый боевик, снятый с Хаттабом, — это он. Он даже передал несколько своих семейных фотографий для сравнения. Когда ФСБ опубликовало эти фотографии с Хаттабом, мы здесь в Англии провели их подробную экспертизу. Пригласили крупнейшего криминалиста, который даёт показания в английских судах.

И вот что выяснилось. Во-первых, на семейных фото, переданных нам через посредника, действительно изображён Гочияев. Эксперт подтвердил,

что это тот же человек, который изображён на паспортном фото в объявлении о розыске.

Во-вторых, по заключению эксперта, фотографии боевика с бородой «не могут служить» основой для установления личности, так как большая часть лица скрыта растительностью.

В-третьих, сравнение изображений бородатого боевика с аутентичными фотографиями Гочияева показывает, что по трём важнейшим параметрам — форме ушей, глаз и зубов — это разные люди.

Таким образом, ФСБ всех нас дурит, прокручивая эти фотографии по ТВ. Зачем они это делают? Чтобы отвести подозрения от себя. Для меня вся эта история с фотографиями — очень серьёзный аргумент в пользу того, что Гочияев сказал правду.

Провидец Селезнёв

— Показания Гочияева— это не единственная новая информация после выхода вашей книги?

— Новые продолжают поступать. Во-первых, выступление Никиты Чекулина, бывшего директора «Росконверсвзрывцентра», который рассказал, откуда брался гексоген. Во-вторых, похоже, что по крайней мере два человека — отнюдь не чеченцы — знали о взрывах заранее.

— Давай по порядку.

— Никита Чекулин выступил на презентации нашего фильма в Лондоне и рассказал, как под крышей Минобразования в самом центре Москвы работал странный НИИ — «Росконверсвзрывцентр», который перекачивал промышленные количества гексогена с военных складов в неизвестном направлении — в какие-то подставные структуры. Гексоген — это боевое взрывчатое вещество, начинка снарядов, его используют только артиллеристы и террористы. Куда уходили тонны гексогена под фальшивой маркировкой, по липовым накладным?

Когда Чекулин обнаружил эту деятельность и доложил по начальству, заволновался министр образования Владимир Филиппов, ведь НИИ числился за его ведомством. Филиппов стал стучаться во все двери, писал подряд всем силовым министрам: и Рушайло, и Патрушеву, и Клебанову, и Иванову, и генпрокурору Устинову, требовал следственных действий, но всё кончилось тем, что ФСБ инцидент замяла и расследование запретила. Так Филиппов и не узнал, кто у него под носом гексоген ворует.

Чекулин вывез в Лондон всю переписку между министрами и копии липовых накладных на гексоген, и всё это висит сейчас в Интернете. Интересующиеся могут ознакомиться.

— А кто знал заранее о взрывах?

— Один из жильцов взорванного дома на Каширке. Говорят, он в ФСБ работал. В ту ночь он якобы чудом спасся — вышел за пивом в ночной ларёк, а тут взрыв. Всё в доме погибло: и мебель и одежда. Остался, как говорится, в чём был — в тренировочном костюме. А на следующий день он на собрание уцелевших жильцов является в рубашке, пиджаке и при галстукке? Тут дворничиха возьми да и удивись: «Слушай, сосед, как это получается, что позавчера ты в тренировочном костюме был, а сегодня при параде. Ведь это твой старый пиджак на тебе. Он же должен был сгореть. Ты что, выйдя ночью за пивом, с собой чемоданчик прихватил?» Мужик

стушевался, а через пару дней дворничиху нашли мёртвой.

— Откуда тебе это известно?

— Сергей Юшенков рассказывал, когда был в Лондоне. Они там в Думе расследование по взрывам хотели организовать, но ничего у них не вышло, не дали. Тогда они общественную комиссию создали под председательством Сергея Ковалёва. Вот народ к ним идёт и рассказывает.

— А второй, кто заранее знал о взрывах, — это, конечно, спикер Селезнёв?

— Спикер Госдумы. Представь, идёт заседание, Селезнёву приносят записку, он и объявляет: «Вот тут мне сообщают: сегодня ночью взорван жилой дом в Волгодонске». В ту ночь действительно взрыв произошёл, но только в Москве, на Каширке. А дом в Волгодонске взорвался только через три дня.

Через пару дней Жириновский на заседании Думы задаёт ему вопрос: «Геннадий Николаевич, объясните нам, пожалуйста, как так получается, что вы объявляете о взрыве в понедельник, а взрыв происходит в среду? Откуда вы об этом узнали за три дня?»

И что Селезнёв? Говорит: «Спасибо, я вашу точку зрения понял, Владимир Вольфович», и отключает Жириновскому микрофон. Есть стенограмма и видеозапись.

— Хорошо бы узнать, кто Селезнёву записку принёс? Когда журналисты на него напали, он—в сторону. Только и сказал: «Точно не Березовский».

— Конечно, не Березовский. Чего тут узнавать, я знаю, кто её принёс — помощник его, Лях. Многолетний агент ФСБ, кстати. Сейчас в «Славнефти» работает, замом у Гуцериева. Видимо, какой-то прокол у них произошёл, во взрывах запутались.

— Откуда ты знаешь, что это был Лях?

— Есть источники.

Тень Рязани

— В Рязани взрыв был предотвращён местной милицией. А через три дня сыщики вышли на подрывников ФСБ. И тут Патрушев заявил, что это были учения. Что ты об этом думаешь?

— Ты знаешь, мне кажется, что в Рязани действительно проходили учения. Для общества. И мы прошли эти учения очень успешно.

Мы научились не только подозревать, но и говорить об этом открыто. Именно после Рязани начался новый отсчёт времени для ФСБ. Вот посмотри, два года назад всего несколько сотен человек понимали — в Рязани ФСБ готовило настоящий взрыв. Сегодня это понимают сотни тысяч. Сегодня говорить о причастности ФСБ к терактам уже не предательство, не кощунство — а законный вопрос. Жизнь уже другая.

Поэтому вопрос о Рязани чрезвычайно важный. Через рязанские ворота — прямая дорога на Москву, к взрывам в столице. Ведь технология, почерк — не просто похожи, а совпадают.

Когда всё случилось в Рязани, я посмотрел на это с точки зрения розыска. Отбросил эмоции, мысли вроде «а могут они нас взорвать или не могут, а жестоко это или не жестоко», оставил только факты. Мне без разницы, кто это: чеченцы, фээсбешники, цереушники, фэбеэровцы, — одни только факты.

А факты говорят о том, что в городе Москве в сентябре 99-го года совершены особо тяжкие преступления — два террористических акта. Путём подрыва жилых домов, когда большое количество взрывчатого вещества было заложено в подвале. Взрывчатое вещество упаковывалось в мешки из-под сахара, и стояли взрывные устройства. В мешках был гексоген.

— Объясни ещё раз, почему вокруг этого гексогена вот уже три года стоит такой шум.

— Да потому, что по первой экспертизе гексоген был найден и в Москве, в обоих взорванных домах, и в Рязани, где попалась ФСБ. Сейчас власти пытаются изменить результаты московской экспертизы, говорят, что это был не гексоген, а селитра. Откуда она через полгода появилась? Вы что, ещё раз осмотр места происшествия произвели? Насколько известно, места происшествия закатали под асфальт. Где вы его провели? И на основании чего?

Очень интересна история с Дахкильговым, которого схватили по

подозрению во взрыве дома в Москве. У него руки были в гексогене, он был красильщиком. Его два месяца избивали. Ежедневно. А потом, когда — установили», что это не гексоген, а селитра, перед ним даже не извинились. «Скажи спасибо, что жив остался», — так и сказали.

А в Рязани вообще, говорят, экспертиза ошиблась. Не было взрывчатки. «Не гексоген это, — сказал Патрушев по телевизору, — а сахар».

— Вообще, возможна ли ошибка в происшествиях такого рода, в ЧП национального масштаба?

— Ошибка, в принципе, возможна всегда. Я опять же отбрасываю эмоции: национальный масштаб — не национальный; общественно значимое — незначимое. Да у нас любое преступление должно быть общественно значимым. Любое преступление против личности, против государства — это преступление, которое должно одинаково расследоваться правоохранительными органами. Ошибка возможна везде. Теоретически. Но если это ошибка, то должно быть проведено специальное расследование. Если это умышленная ошибка эксперта с целью увести следствие в сторону, то в отношении него должно быть возбуждено уголовное дело.

И на основании чего была проведена повторная экспертиза? Вы что, не верите своему эксперту? Вы что, обнаружили ещё какие-то компоненты, частицы при осмотре места происшествия? Извините, вы что, его охраняли полгода? Даже если нашли частицы селитры, где доказательства, что это селитра от взрыва, а не специально подброшенная? Тем более, первая экспертиза проводилась по двум взрывам. Так что, если эксперт допустил ошибку, значит, она была умышленная. И надо посмотреть ещё — один эксперт проводил экспертизу или разные. Если разные, то либо они были в сговоре, либо ошибка практически невозможна.

А для чего написали «селитра»? Потому что поняли, что если они попались в Рязани с гексогеном, значит, надо доказать, что это не один и тот же почерк. И московский гексоген быстро переписали на селитру.

Чтобы нельзя было провести идентификацию.

Дальше. По дому в Рязани. Первое, что бросается в глаза — один и тот же приём: взрывное устройство закладывается в подвале дома. От этого уже никуда не деться. Было возбуждено уголовное дело с окраской — терроризм». Это подследствие ФСБ. Что это значит? Уголовное дело с окраской «терроризм» могло быть возбуждено только в том случае, если было обнаружено, что в мешках взрывное устройство и стоит боевой взрыватель. То есть было покушение на взрыв. Такое дело ведёт ФСБ.

Если бы нашли учебный, как они заявляют, взрыватель и гексоген, то было бы возбуждено уголовное дело по факту обнаружения взрывчатых веществ. Тогда его ведёт МВД. Если это сахар и боевой взрыватель, то опять-таки дело ведёт МВД — по факту обнаружения боевого взрывателя. А если только учебный взрыватель и сахар, то уголовного дела вообще не возбуждают. Проводят доследственную проверку, и всё.

А мы имеем уголовное дело с окраской «терроризм» — доказательство того, что там была взрывчатка и боевой взрыватель. Даже если бы эксперт ошибся, прибор дал (как они говорят) ошибку — перепутал сахар с гексогеном, что практически невозможно, поскольку гексоген совершенно не похож на сахар, — тогда дело бы вело МВД. Хорошо, эксперт перепутал сахар с гексогеном, но боевой взрыватель от учебного он что, тоже не может отличить?! Он же его разминировал, боевой взрыватель! Раз делу придали окраску «терроризм», значит и то и другое было боевое.

Идём дальше. Если они проводили учения, они что, боевой взрыватель ставили? Для чего? Вы что, проводили учение на бдительность (как объявили населению) или проверяли граждан, сумеют ли разминировать? С таким же успехом можно мину установить на трамвайной остановке и проверить, как жители Рязани справятся с обезвреживанием противотанковых мин.

Второе. Если стоял боевой взрыватель без гексогена, то могли пострадать бомжи и дети, которые шастают по подвалам.

— Как же могло общество поверить в фишку об учениях?

— А общество и не поверило. Спросите любого нормального человека — никто не верит в это. Ведь в ходу одно только «доказательство»: ФСБ не могла взорвать своих. Слабый аргумент. Грозный, где половина русских, стереть с лица земли смогли, а дома в Москве — нет? К тому же нельзя вот так, без мотиваций, отбрасывать версию.

Если стали подозревать весь чеченский народ, отчего не заподозрить отморожков из ФСБ?

Пошли дальше. Какие ещё признаки указывают на то, что в Рязани были не учения? Машина, на которой они проводили учения, была угнанная. В законе об оперативно-розыскной деятельности не указывается, что правоохранительные органы при проведении учений пользуются угнанным транспортом.

Если люди закладывают взрывчатку, чего они больше всего боятся? Как их могут идентифицировать в первую очередь? По машине. И по внешности. Внешность вещь ненадёжная. Фотороботы-то составляются, но любой человек неподготовленный посмотрит на лицо, которое видел

мельком, и скажет: «Похоже». К тому же, внешность легко меняется.

— Никто так не ошибается, как очевидцы.

— Да. И потом сотрудники ФСБ, которые проводили минирование этого дома, несомненно имели алиби. Если бы даже кто-то смог их опознать, они бы имели кучу справок и свидетелей, что в это время находились в другом месте. Единственное слабое звено у них — машина. Машина после взрыва.

До взрыва, задержи их милиция и найди при них мешки с гексогеном, они бы могли представить документы о том, что проводят оперативно-розыскные мероприятия — обнаружили угнанную машину, в ней гексоген, и гонят теперь машину в Москву на проверку.

Ситуация после взрыва — вот что было опасно. Угнанная машина чем удобна? Будут месяца три искать хозяина. Потом якобы найдут. Потом выяснится, что у хозяина друг чеченец. Или родственник на Кавказе. Ещё полгода будут разрабатывать. Всем говорить, что напали на след предполагаемого преступника. А потом выпустят, извинятся, как было с этим ингушом — Дахкильговым. Поэтому машину угнали.

Что ещё опасно? Если везти гексоген в оперативной машине, в ней могут микрочастицы вещества остаться. Если бы нашли эту машину, идентифицировали бы её с той, что была в Рязани, а в ней ещё обнаружили микрочастицы гексогена, тут бы Патрушев уже не смог утверждать, что это были учения.

Какая у них ещё была сложность в Рязани? Им не хотелось ставить в известность рязанское управление. Чем меньше людей знают — тем больше вероятность утечки информации. Естественно, что и в самом центральном аппарате только узкий круг знал, что они взрывают дома.

После закладки «мешков с сахаром» они машину отогнали в сторону Москвы и там бросили. Для чего? Допустим, что машина будет установлена, но розыск-то ушёл из Рязани. А два террориста пока отсиживались на квартире, чтобы потом спокойно уйти.

Почему была женщина? Двое мужчин и женщина. Потому что если совершено преступление и есть ориентировка — мужчина и женщина, милицейские патрули будут проверять все пары. Но если мужчины и женщина разойдутся в разные стороны, по отдельности не станут проверять. Чтобы легче замести след, нужно идти тройкой, а потом разойтись.

Да и женщина, сидящая в машине, меньше настораживает. Так что продумано очень грамотно, профессионально.

— Скажи, а брошенную машину проверили на следы гексогена?

— Вот этого я не знаю. Об этом нигде ни слова. Но уже только за угон машины Патрушева следовало привлечь к суду.

— А тебе не кажется странным, что угнанная машина пропала, и никто её не обследовал? Почему её не обследовало МВД?

— Не знаю.

Теперь — внимание. Патрушев заявил об «учениях» не сразу, а только после задержания своих сотрудников. То есть было возбуждено уголовное дело, милиция его сотрудников разыскивала как предполагаемых террористов. Да он же поставил жизнь своих сотрудников под угрозу. При задержании их могли просто убить, окажи они хоть малейшее сопротивление.

Спецслужбы и прочие силовые ведомства хорошо знают, когда можно, а когда нельзя проводить учения. Категорически запрещается проводить скрытую проверку военнослужащих, находящихся на боевой службе, кораблей на боевом дежурстве, подразделений в боевом режиме. А в тот день по всей российской милиции был объявлен усиленный вариант несения службы. Милиционеры заступали на службу с боевым оружием. Им отдавали приказ, в котором предусматривалась возможность применения оружия. То есть Патрушев проверял не только граждан Рязани, но и — тайно, негласно, скрытно — проверял рязанскую милицию, несущую боевую службу с боевым оружием! Что категорически запрещается. Это как если бы он заслал на охраняемый склад двух своих сотрудников, чтобы проверить, как часовой несёт свою службу. Ну, часовой бы их и пострелял.

С таким же успехом можно «проверить» без предупреждения Службу охраны президента — насколько она готова к возможному теракту.

Подобная логика может вообще довести до абсурда. «Альфа», например, захватит пассажирский самолёт и направит его в центр Москвы. Так его собьют, а Патрушев скажет: «Это мы учения проводим. Вашу бдительность проверяем».

— Учения не должны проводиться с риском для жизни?

— Что уж говорить о риске для жизни, даже дискомфорт не должно ощутить гражданское население. Учения объявляются заранее и к ним готовятся — на то они и учения. Если в учениях участвует гражданское население, то к ним привлекается гражданская оборона. Я уверен, никаких учений не было.

Интересно, что сказал Патрушеву Рушайло, который с экрана ТВ хвалил свою бдительную милицию за предотвращение взрыва, а через полчаса там же Патрушев заявил: «Какой взрыв — это сахар»?

Патрушев просто заметал следы, как это делает любой преступник. У меня такой случай был. Как-то мы задержали наёмного убийцу Криулькина. При задержании он оказал вооружённое сопротивление. Мы его взяли с поличным, с оружием. Как ему удалось избежать уголовной ответственности? На пистолете просто поменяли курок. Первая экспертиза показала, что пистолет боевой. Возбудили дело, взяли убийцу под стражу. Потом провели повторную экспертизу, и тут выясняется, что на пистолете курок не железный, а пластмассовый, стало быть, не боевой это пистолет, а муляж.

— Кто поменял курок?

— «Эксперты». Так вот, Патрушев поменял гексоген на сахар — железный курок на пластмассовый.

Провокация

Почему ФСБ пыталась взорвать дом именно в Рязани? Потому, что рязанская воздушно-десантная дивизия воюет в Чечне, и десантные части вот-вот должны были начать там операцию. С одной стороны, готовили взрыв, чтобы показать, что в наличии чеченский терроризм, а с другой — натравить десантников на чеченцев, разжечь в них чувство мести.

Ведь что такое для курсанта город, в котором учился четыре года?

Это значит, что жёны у них из Рязани, родственники, друзья. Он безусым мальчишкой приехал, и из него сделали мужчину. И он этим гордится всю жизнь. В Рязани ему выдали голубой берет и тельняшку. И для любого десантника взрыв в Рязани — личное оскорбление.

— Если помнишь, у Вильнюсской телебашни был убит один спецназовец выстрелом в спину? Именно после этого «Альфа» ринулась в бой.

— Да. Шацких. Он был близким другом моего начальника Платонова Александра Михайловича. Когда убили Шацких, Михалыч переживал: «Вот, видишь, устроил я парня в «Альфу», и что получилось».

— И выстрелили в незащищённое бронежилетом место. Перед штурмом Белого дома альфовец был убит таким же выстрелом. И в то же место. И тоже после убийства «Альфа» пошла на штурм.

— Слушай, какая история, совпадение какое. Парень, который был убит при штурме Белого дома, — это же Гена Сергеев, родной брат жены Платонова. Все потом говорили: «Александр Михайлович, ты больше никого в «Альфу» не устраивай». Михалыч опять переживал, он Гену любил.

Как был убит Гена? Они двигались на БТР, и он увидел раненого солдата. Гена был очень порядочный парень. Остановил БТР и говорит: «Надо парню помочь». Его отговаривают: «Брось, поедем». Но он вышел. Поднял солдата и понёс в бронетранспортёр. И тут — выстрел в спину. Причём не со стороны Белого дома, а с противоположной. Я с Михалычем разговаривал, он сказал: «Я знаю, кто это всё организовал, это — Барсуков».

А что происходило в Останкино в 93-м году? Почему Лысюк отдал приказ стрелять? Потому что выстрелом из толпы убили солдата. И я знаю, что когда были беспорядки в Фергане, туда выезжал Лысюк. Слышал разговоры в отряде, я же служил там во втором полку. Какая у них была

метода? Провокация! Скажем, люди просто собираются, никого не трогают, а их надо разогнать. Тогда солдата переодевают в гражданское и направляют в толпу. И он оттуда что-то кидает в солдат. Всё. «А! Они в нас кинули камнем!» И понеслось. Толпу разгоняют. Вот Лысюк — специалист по таким провокациям.

— Всё же как-то не верится. Женщины, дети, свои, неужели такое возможно?

— Наши ребята всё могут, неужели ещё не понял? Особенно если им хорошо заплатить.

Есть такое явление в психологии — отказ посмотреть в глаза правде, если эта правда слишком страшная. Например — измена самого близкого человека. Широко распространённое явление, я с ним в оперативной работе постоянно сталкивался.

То же самое в политике. Есть формула — мы ничего не знали! Немцы так говорили потом про концлагеря. У нас так говорили про ГУЛаг, про чистки. Хотя честнее будет сказать — не хотели знать, пока носом не ткнули.

Помнишь, я рассказывал, как начальник районного РУОПа создаёт банду для наезда на коммерсантов, чтобы их было от кого защищать? И никто не удивляется — все привыкли. Так вот, если с районного уровня подняться на государственный, то получается, что взрывы домов — это такая же точно форма наезда на подведомственную территорию. Только не на микрорайон — а на всю страну.

Что же все тогда всполошились: мол, не может такого быть, потому что наши люди на это не способны? В микрорайоне способны, а в стране не способны? Какая разница? Власть, как тот начальник райотдела милиции, нанимает банду (или не мешает ей) для создания атмосферы страха. Мол, виноваты чеченцы. Давайте их — мочить в сортире». Кругом террористы, не теряйте бдительности, проверяйте паспорта у лиц подозрительной «окраски». Давайте, соглашается общество, и уступает пространство своей свободы.

Вот и можно с пользой для себя крышевать олигархов и решать политические проблемы: «опускать» политических конкурентов, поднимать рейтинг своих кандидатов, побеждать на выборах.

Но тогда выходит, что эта власть — навязана. Мы от страха сами себе её выбрали. Не помню кто, по-моему Разбаш, на похоронах Листьева сказал: «Теперь мы примиримся с любым негодяем, если только он скажет: я дам вам безопасность и порядок». Как в воду глядел!

Ведь в чём опасность любой крыши? В том, что это — не нанятая

тобой служба охраны. Её нельзя уволить. Не ты платишь крыше, а они с тебя получают. Они ведь так и говорят: получать с бизнесменов.

То же и с властью: мы её нанимаем. За свои деньги. Пошли, отголосовали, наняли. Но власть считает иначе: не вы мне платите, а я с вас получаю.

Делай, как я

— Эти доводы, этот анализ событий у тебя созрели давно. Тем не менее, когда в России остро обсуждали их, ты почему-то не выступал. В независимом расследовании Николаева на НТВ тебя не было.

— Ну, во-первых, у меня в голове всё не так быстро сложилось. Ведь во время взрывов я сидел в тюрьме. В Лефортово. У меня был ограничен доступ к информации. Я, когда вышел из тюрьмы, конечно, поговорил со всеми знакомыми. И многие усмехались — мол, совсем с ума сошли, уже дома взрывают!

И потом, честно скажу, я боялся. Когда выпустили, мне все стали внушать, и родные и друзья, что не надо писать, выступать. Что, тебе больше всех надо? Обрати хочешь?

Я не мог выйти и открыто заявить: ФСБ взрывала дома. Я был под подпиской о невыезде, мне постоянно угрожали, в любой момент могли арестовать. Если бы я выступил в программе Николаева — прямо из Останкино поехал бы в Бутырскую тюрьму.

Когда произошёл взрыв на Пушкинской, я был в Сочи с семьёй. Вернулся, тут же позвонил генерал-лейтенанту Миронову, начальнику Оперативно-розыскного управления. «Иван Кузьмич! — говорю. — Ну сколько можно! Переход взорвали на Пушкинской. Люди гибнут. Давайте, я вам расскажу, кто это делает». — «Ну, Саша, опять ты за своё!» — «Люди же гибнут! Дети! Вы что, не знаете, кто это делает?» Он молчит. Я прошу: «Вызовите меня, я вам дам объяснения». — «Я занят», — такой был ответ.

— А что бы ты ему рассказал?

— Во-первых, про Лазовского, Соединил бы все взрывы в одну логическую цепочку.

— А что тебе показалось самым странным во взрыве на Пушкинской?

— Бытовая версия, что киоски делили, — это бред. Интересно, что взрыв на Пушкинской пришёлся на период разборки с НТВ...

Когда я работал, у меня был такой принцип: поставь себя на место потерпевшего и поставь себя на место преступника. И своим подчинённым говорил: если вы будете равнодушны к чужому горю, то на этой работе сами перестанете быть людьми.

Меня сильно задела за живое история женщины, которая с дочерью пошла купить чего-то перед поездкой на юг. И осталась лежать в переходе... А я был на юге в это время. Представил на месте этой

женщины свою жену и маленького сына. Мы так ждали этой поездки! Я — после тюрьмы. Сын моря никогда на видел... Мне стало дико, больно. Я и позвонил Миронову.

Пушкинский переход сработал как детонатор. Терпел я, терпел, смотрел, анализировал, а потом, когда вот эта девочка... я подумал: ну. что они со мной сделают? Я окончил военное училище. Уже половина моих однокашников в гробах лежат. То, что я дожил до тридцати восьми лет на двух ногах, с руками, с глазами, при моей-то профессии — да это уже много! Чего бояться-то? Горите, думаю, вы синим пламенем! И позвонил Миронову.

Не буду утверждать, что взрыв на Пушкинской и взрывы домов — это одно и то же. Почерк разный. Но я хотел Миронову рассказать про Лазовского — если они забыли. Напомнить, что в Москве проживает некто Макеев, который разрабатывал Лазовского. Напомнить им про Воробьёва, про взорванные автобусы. Напомнить, что у нас взрывы происходят почему-то перед выборами. Выборы заканчиваются — и снова тихо.

— А почему ты думаешь, что взрыв на Пушке не носил характер разборки?

— Будь это разборка, был бы вовлечён определённый круг лиц. Вот, допустим, ты держишь киоск, я тебя начинаю рэкетировать: раз угрожаю, другой, третий. Потом взрываю. Но ведь ты придёшь в правоохранительные органы, расскажешь про меня, так ведь? У любого сыщика спроси: если уголовники совершают преступление, рано или поздно это раскрывается. Даже если чисто сработали — ни следов, ничего, — потом где-нибудь в ресторане по пьянке расскажут. Информация всё равно придет. А тут — ничего.

А взрыв на Пушке совпал с чем? С наездом на НТВ, протоколом номер шесть. НТВ говорило, что война в Чечне преступна. А власти молчали. Совет Федерации начал голову поднимать. Если Рязань выбрали, потому что там десантники учатся, то в Москве выбрали место, где встречи назначают. Ты что, ни разу у памятника Пушкину встречу не назначал? Всем показали, что любой москвич мог оказаться на этом месте. Для нагнетания всеобщего страха. И люди думают: да черт с ним, с Советом Федерации! Черт с ним, с НТВ! Лишь бы живым остаться.

— Как ты думаешь, возможно ли найти когда-нибудь исполнителя этого теракта?

— Конечно, возможно. Если будет независимый следователь с двумя-тремя опытными оперативниками. Даже при том, что они уничтожили все вещественные доказательства, осталась масса свидетелей. Зацепят Рязань

— выскочит Москва. Сразу. Это месяц работы. Правда, если никто не будет мешать.

Там много зацепок. Вот этот, который по жильцам ходил, подписи собирал. Его бы взять и допросить: кто его туда послал?

— То есть в замазывании «учений» участвовала слишком большая группа людей, чтобы можно было всё сохранить в тайне?

— Нет, это не то. Главное было обеспечить алиби Патрушеву и его подельникам.

— Любому оперативнику понятно, что произошло в Рязани?

— Конечно, все это понимали.

— А почему никто нигде ни единого слова не сказал?

— Потому что люди служат. Опер, следовательно очень уязвимы. Достаточно заявления любого бандита, которого он задержал или допросил, чтобы отправить его на нары. Я это всё на себе испытал. Многие из тех, кто служит в правоохранительных органах, сами втянуты в преступную деятельность.

— А из тех, кто ушёл?

— А что они раньше не работали. У всех есть семьи, дети. Но люди же говорят. Ты почитай в Интернете, что пишут. Ни у кого нет сомнений, что дом в Рязани минировала ФСБ. А это ключевой вопрос. Если дом в Рязани их дело, то и Москва — тоже. Почерк один.

Люди как рассуждают — ну что я могу сделать? Митинг устроить? Ну, попробуй. Выйти на телевидение? Ну, пойдешь... Представь себе — приходит человек на телевидение: «Здравствуйте! Я полковник запаса, служил в должности начальника отдела Московского уголовного розыска. Считаю, что дом в Рязани был заминирован ФСБ». Чем всё это закончится?.. Хотя не все молчат: полковник КГБ Преображенский сказал в интервью: то, что написал Литвиненко — стопроцентная правда. Но он один — кто его услышал? Просто нет у нас гражданского общества. И власти удалось реанимировать страх.

— В одном из интервью ты обратился к бывшим коллегам по ФСБ последовать твоему примеру, покаяться, рассказать правду о взрывах. Неужели ты думаешь, что тех, кто это сделал, может мучить совесть?

— Я не знаю, я домов не взрывал и не могу сказать, что эти люди могут чувствовать. Но я обращался не к ним. Должна быть масса сотрудииков, которых использовали втёмную, — установщики, водители, даже взрывники, которые бомбы готовили. Ведь их не предупреждали заранее, для чего всё это нужно. А те, кто прятал концы после провала в Рязани? Там десятки людей были задействованы. Вот кто-то из них и

должен проявиться. Хоть один человек! Я верю, что он появится.

— Но этот человек будет рисковать головой.

— Напротив, он рискует головой, пока молчит. Я ведь живой хожу.

Эпилог. Он ушёл

— После всего, что с тобой произошло, как ты смотришь на свою бывшую Контору?

— У Высоцкого есть песня об Истребителе, который был очень недоволен тем, что вся слава побед достаётся лётчику. Ну кто он по сравнению с мощной машиной? И вот лётчик убит. Сбылась мечта Истребителя — он в небе один, он — хозяин. Но с ужасом Истребитель вдруг осознаёт, что привык к... штурвалу.

Нечто подобное случилось и со спецслужбами — тоже ведь Истребители своего народа, скольких истребили! Они всегда мечтали о власти — но власть была не у них, а у КПСС. И вот они добились её. И тут обнаруживается, что не могут они без штурвала. Раньше они хоть каким-то делом занимались — партноменклатуру охраняли, боролись с влиянием Запада, мацу из еврейских посылок изымали, а теперь вот остались без дела, занимаются банальным разбоем.

Всё точно по Высоцкому: полная неспособность к самостоятельным решениям. Система привыкла исполнять, решать задачи, но не формулировать их. Одно дело — выполнять указания политического руководства страны, другое — быть этим руководством. Система на это не способна.

У Системы одна цель — понравиться власти, а значит, верно ей служить. Да только сейчас она и есть власть. И действует инстинктивно, то есть бессмысленно.

Чекист никогда не скажет ни «да», ни «нет...» Ведь и первое, и второе слово несут информацию. Поэтому для Системы лучше вообще ничего не говорить.

Высшее оперативное мастерство в чём проявляется? В обмане. Обман ради обмана. Очень важно иметь возможность дезинформировать противника и контролировать альтернативные источники информации. Мы это видим в истории НТВ и ТВб.

Уже сейчас очевидно, что управление государством напоминает руководство спецслужбами, где внутриведомственные положения выше федеральных законов, а Конституция является документом прикрытия.

И ещё. Для Системы характерно полное отсутствие способности к компромиссу, который приравнен к предательству. Если ФСБ начнёт прощать, то этой Конторы скоро не станет. И потому — вечный бой с

врагом. Вот и будем воевать без конца.

— В общем, не знаем, куда летим. Что будет с вашим Истребителем без штурвала? Со всеми нами?

— У меня нет ответа. Я всего лишь опер. Ответ можно найти только сообща — всем народом.

— Я ещё раз вернусь к вопросу, который уже задавал. Ты выдвигаешь страшные обвинения. Неужели наши люди на это способны?

— Это не наши люди. Для них Судоплатов гораздо выше как личность, нежели Сахаров. Кто для них Сахаров — диссидент, предатель. Помнишь, когда академик заявил, что спецслужбы расстреляли наших солдат, попавших в плен в Афгане? Сумасшедшим назвали. Потому что: наши люди на это не способны. Вот и про взрывы то же говорят.

— И тебя называют сумасшедшим. Может быть, поэтому ты выглядел каким-то лишним в Конторе. Ты им постоянно мешал, лез со своими идеями, вспоминал про законы. И тебя, сыщика, гончего пса, прогнали. Уже не надо никого ловить, уже надо только охранять нажитое.

— Я этих окриков — «Литвиненко, куда ты лезешь?» — наслушался вволю. Ну только след возьмишь, только догонишь, а они — «назад, к ноге». Вот, слушай, расскажу напоследок. Мы проводили обыск по делу Холодова в офисе Константина Мирзоянца в Ассоциации ветеранов «Витязя». Обнаружили в сейфе генерал-лейтенантскую форму, документы Александра Лебеда, его личные фотографии и папку с грифом «Совершенно секретно. Особой важности, из Совета Безопасности — список чеченцев, представляющих оперативный интерес для органов власти. Шифровка из ГРУ по Чечне.

Этот список существовал в четырёх экземплярах: в Совете Безопасности, у директора ФСБ, председателя правительства и президента.

Был ещё документ-компромат на всех руководителей МВД, за исключением министра внутренних дел Куликова. Причём какие папки: — «Коррупция», «Заказные убийства», «Крыши». Ужас просто.

— Если учесть количество экземпляров и то, кому они направлены, то можно говорить о том, что высшее руководство страны знало, что творится...

— Когда следователь это увидел, он сказал: — Я это изымать не буду».

— Как не будете изымать? — Я был ошарашен. — Вы обязаны это изъять.

— Мы ищем по уголовному делу совершенно другие вещественные доказательства, а это не является вещественным доказательством по нашему делу.

— В кодексе написано: «При обыске также изымаются все предметы, которые запрещены к обороту», — убеждаю я. — Совершенно секретные документы, и особой важности, запрещены к обороту в стране, да и вообще, как мы частной охранной фирме оставим такие документы?

Я позвонил руководству, разговаривал с Волохом. Тот, как обычно, сказал: «Позвони мне попозже», — и исчез. Он всегда играет в страуса, когда надо принимать решение.

Тогда я позвонил Ивану Кузьмину Миронову. Он сказал: — Да, да, Саша. Это бросать нельзя. Надо изъять. Реши этот вопрос». И положил трубку. Я звоню в прокуратуру, к начальнику отдела. Тот говорит: «Есть следователь, он решает, и нечего там командовать».

А хозяин фирмы стоял и говорил: — Это документы Лебеда». Контрразведчик не должен бросать секретные документы. Это всё равно, что милиционер переступит через труп и пойдёт дальше. Для контрразведчика бросить секретные бумаги — это преступление.

Следователь сказал: «Так вы и берите».

— А ты без протокола не можешь их взять?

— Нет. «Тогда, — говорю, — я напишу протокол изъятия». Следователь: «Провожу обыск я. Мы не можем сразу два следственных действия проводить в одном помещении. Закончим обыск, выйдем, закроем дверь, а постом заходи, изымай».

Как это — уйдём, придём? И я принял решение позвонить Куликову, министру внутренних дел. А он в это время возлагал венки вместе с Черномырдиным. Попросили оставить телефон. Через десять минут звонит Куликов: «Да, Саша, я слушаю. Что случилось?» Я говорю: «Анатолий Сергеевич, тут Лебеда документы нашли, совершенно секретные, особой важности». Он говорит: «А почему ты мне звонишь? У тебя есть своё руководство». Я отвечаю: «Наше руководство решение принимать не хочет». Он заволновался: «Я понял. Там что ещё есть?» Я бодро рапортую — такие, такие и такие секретные документы и компромат на всё руководство | МВД. Куликов осторожно: «А на меня есть?» Я успокоил: «Нет. Только на ваших замов». Куликов: «Хорошо. Сейчас я пришлю человека, изымут».

Приехал начальник Управления уголовного розыска Трубников, крепко пожал мне руку, поблагодарил и изъял все эти документы.

Приехал на Лубянку, Волох с интересом: «Ну, что у тебя там?» Я доложил: «Ну, всё изъяли». Волох: «Молодец, молодец. Прокуроры изъяли?» Я после паузы: «Нет. Менты». Он изумился: «А они там как оказались?» Я объяснил, что пришлось звонить Куликову. Волох: «Кто дал

тебе право звонить министру внутренних дел?» Докладываю: «Извините. В законе написано: я должен принять все меры, чтобы не допустить преступления. Я звонил Ковалёву, сказали, он в отпуске; звонил вам, но вы трубку не берёте. Следователь сказал, что уйдёт из офиса, а охранники заявили, что меня выгонят. Что мне было делать? Тогда позвонил Куликову». Волох: «Да ты понимаешь, что сделал? Ты с ума сошёл? Куликов с Лебедем друг друга на дух не переносят! Чего тебе в жизни не хватает? У тебя жена красивая, квартира есть, живи спокойно, ну чего ты везде лезешь?» Я говорю: — «Как лезу? Я же не виноват, что кругом, куда ни плюнь, преступления». «Саша, — застонал генерал, — ты представь, если завтра Лебедь станет президентом России, что со всеми нами будет. Тебя-то, конечно, никто не вспомнит, потому что ты подполковник, а нас, генералов, выгонят». Я успокоил:

«Думаю, Лебедь не станет президентом». — «Откуда ты знаешь?»...

Уходя, Волох приказал: «Езжай в отпуск в Нальчик, и на сколько хочешь. Хватит работать. Я тебя прошу, не делай больше ничего. Вообще ничего не делай».

* * *

И он — ушел. В бессрочный отпуск.

Когда он ушёл, власти убеждали нас, что мы должны почувствовать себя оскорблёнными — нас, мол, предали. Извините, ребята, предали вас — а по делу или нет, давайте разбираться.

Но как?

Повторю: он ушёл, потому что не было нас, общества. Пока в стране нет судебной власти и гражданского общества, они вынуждены бежать, а не решать проблемы в судебном порядке.

А для меня этот побег означает одно: их стало меньше. Значит, нас — больше. Вот и всё.

Приложения

Приложение 1. Рязанская история

Из книги Александра Литвиненко и Юрия Фельштинского «ФСБ взрывает Россию»

Только факты

22 сентября ... в 21.15 водитель футбольного клуба «Спартак» Алексей Картофельников — житель дома № 14/16 по улице Новосёлов, одноподъездной двенадцатиэтажки, построенной более 20 лет назад, позвонил в Дашково-Песочнинское отделение Октябрьского РОВД Рязани. Он сообщил, что 10 минут назад видел у подъезда своего дома, где на первом этаже находится круглосуточный магазин «День и ночь», «Жигули — пятой или седьмой модели белого цвета с московскими номерами Т 534 ВТ 77 RUS. Машина въехала во двор и остановилась. Мужчина и молодая женщина вышли из салона, спустились в подвал и через некоторое время вернулись. Потом машина подъехала вплотную к подвальной двери, и все трое пассажиров начали перетаскивать внутрь какие-то мешки. Один из мужчин был с усами. Женщина была в тренировочном костюме. Затем все трое сели в машину и уехали.

... «Эти белые «Жигули» — «семёрку» я увидел, когда шёл из гаража, — вспоминал Картофельников. — По профессиональной привычке обратил внимание на номера. Вижу — на них номер региона заклеен бумагой, а на ней — рязанская серия «62». Побежал домой, в милицию звонить. Минут десять номер набирал, пока дозвонился...»

...Приехавшие в 21.58 по московскому времени сотрудники милиции под командой прапорщика милиции Андрея Чернышёва обнаружили в подвале жилого 77-квартирного дома три 50-килограммовых мешка из-под сахара. Чернышёв, первым вошедший в заминированный подвал, вспоминает:

«Около десяти поступил сигнал от дежурного: в доме на улице Новосёлов, 14/16, видели выходящих из подвала подозрительных людей. Возле дома нас встретила девушка, которая и рассказала о человеке, вышедшем из подвала и уехавшем на машине с заклеенными номерами. Одного милиционера я оставил у подъезда, а с другим спустился в подвал. Подвал в этом доме глубокий и полностью залит водой. Единственное сухое место — маленький закуточек, такой каменный чулан. Посветили

фонариком — а там несколько мешков из-под сахара, сложенных штабелем. Верхний мешок надрезан, и виднеется какое-то электронное устройство: провода, обмотанные изолентой, часы... Конечно, с нами сразу шок небольшой был. Выбежали из подвала, я остался охранять вход, а ребята пошли жителей эвакуировать. Минут через пятнадцать подошло подкрепление, приехало начальство из УВД. Мешки со взрывчаткой доставали сотрудники МЧС в присутствии представителей ФСБ. Конечно, после того как наши взрывотехники их обезвредили. Никто не сомневался, что ситуация была боевая».

Итак, один из мешков был надрезан. Внутри вложен часовой взрыватель кустарного производства. Он состоял из трёх батареек, электронных часов и самодельного детонатора. Взрыватель был установлен на 5.30 утра четверга. Взрывотехники инженерно-технологического отдела милиции УВД Рязанской области под руководством начальника отдела старшего лейтенанта милиции Юрия Ткаченко за одиннадцать минут обезвредили бомбу и тут же, примерно в 11 вечера, произвели пробный подрыв смеси. Он не вызвал детонации то ли из-за малого количества пробы, то ли из-за того, что сапёры взяли пробу вещества с верхних слоев, тогда как основная концентрация гексогена могла находиться внизу мешка. Экспресс-анализ находящегося в мешках вещества, произведённый с помощью газового анализатора, показал «пары взрывчатого вещества типа гексоген». Здесь важно обратить внимание на то, что ошибки быть не могло: приборы были современными и исправными, а квалификация специалистов, проводивших исследования, высокой.

Внешне содержимое мешков не было похоже на сахарный песок. Свидетели, обнаружившие подозрительные мешки, позднее в один голос утверждали, что в мешках было вещество жёлтого цвета, в гранулах, напоминавших мелкую вермишель. Именно так выглядит гексоген. Пресс-центр МВД России 23 сентября также сделал заявление о том, что «при исследовании указанного вещества обнаружено наличие паров гексогена», а взрывное устройство обезврежено. Иными словами, в ночь на 23 сентября силами местных экспертов было определено, что взрыватель был боевым, а «сахар» — взрывчатой смесью. «Наш предварительный осмотр показал наличие взрывчатых веществ. (...) Мы считали, что угроза взрыва была реальна», — заявил впоследствии начальник Октябрьского РОВД Рязани подполковник Сергей Кабашов.

...Жильцы рязанского дома среди ночи были подняты по тревоге и в двадцать минут эвакуированы, кто в чём, на улицу. Вот как описывала эту сцену газета «Труд»: «Людей за считанные минуты, даже не дав собрать

вещи (чем потом и воспользовались воры), заставили покинуть квартиры и собрали возле дома, опустевшего и тёмного. Женщины, старики, дети топтались у подъезда, не решаясь уходить в неизвестность. Некоторые были не только без верхней одежды, но даже босиком. (...) Несколько часов переминались на ледящем ветру, а инвалиды, которых снесли вниз в колясках, плакали и проклинали всё на свете».

Вокруг дома было выставлено оцепление. Было холодно. Директор местного кинотеатра «Октябрь» сжалась над людьми и впустила их в зал. Она же организовала раздачу чая. В доме оставались несколько стариков-инвалидов, которые были физически не в состоянии покинуть квартиры, в том числе одна парализованная женщина, чья дочь, Алла Савина, простояла всю ночь с оцеплением в ожидании взрыва. Вот её воспоминания:

«В одиннадцатом часу вечера сотрудники милиции обходили квартиры и просили скорее выйти на улицу. Я как была в ночной рубашке, так лишь накинула плащ и выбежала. Во дворе узнала, что наш дом заминирован. А у меня в квартире осталась мама, которая сама не может подняться с постели. Я в ужасе бросилась к милиционерам: «Пустите в дом, помогите маму вынести!» Меня обратно не пускают. Только в полтретьего стали по очереди обходить вместе с жильцами каждую квартиру, осматривать: нет ли там чего подозрительного. Пошли и ко мне. Показала милиционеру больную маму и сказала, что без неё никуда не уйду. Тот спокойно что-то записал себе в блокнотик и исчез. А я вдруг так ясно осознала, что, наверное, только вдвоём с матерью находимся в заминированном доме. Страшно стало невыносимо... Но тут неожиданно — звонок в дверь. На пороге стоят два старших офицера милиции. Спрашивают сурово: «Вы что, женщина, заживо себя похоронить решили?!» У меня ноги подкашиваются от страха, а всё равно стою на своём — без матери никуда. И они вдруг смилостивились: «Ладно, оставайтесь, ваш дом уже обезвредили». Оказалось, детонаторы из «заряда» извлекли ещё до осмотра квартир. Тут уж я сама бросилась на улицу...»

К дому съехались всевозможные чрезвычайные службы и руководители. После того, как экспертиза определила наличие гексогена, оцеплению была дана команда расширить зону на случай взрыва. Начальник местного УФСБ генерал-майор Александр Сергеев поздравил жильцов дома со вторым рождением. Герою дня Картофельникову сообщили, что он родился в рубашке (и через несколько дней от имени администрации города вручили за обнаружение бомбы ценный подарок — цветной телевизор отечественного производства). А одно из российских

телеграфных агентств оповестило о счастливой находке всё человечество:

«В Рязани предотвращён теракт: в подвале жилого дома милиция обнаружила мешки со смесью сахарного песка с гексогеном».

Как сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС первый заместитель штаба по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Рязанской области полковник Юрий Карпеев, проводится экспертиза найденного в мешках вещества. По словам оперативного дежурного МЧС РФ в Москве, найденный взрыватель был установлен на утро четверга, на 05.30 мск. Установлена марка, цвет и номер автомобиля, на котором была привезена взрывчатка, сообщил корреспонденту ИТАР-ТАСС и. о. начальника УВД Рязанской области Алексей Савин. По его словам, специалисты проводят серию экспертиз по определению состава и взрывоопасности обнаруженной в мешках смеси. (...) По словам первого заместителя главы администрации области Владимира Маркова, обстановка в Рязани спокойная. Жильцы дома, которые немедленно были эвакуированы из квартир сразу же после обнаружения предполагаемой взрывчатки, вернулись в свои квартиры. Были проверены все соседние дома...»

В пять минут первого мешки из подвала вынесли и погрузили в пожарную машину. Однако до 4 утра решался вопрос о том, куда вывозить обнаруженную взрывчатку. ОМОН, ФСБ и местные воинские части отказывались брать мешки к себе. В конце концов их перевезли во двор Главного управления гражданской обороны и чрезвычайных ситуаций (ГУ ГОиЧС) Рязани, убрали в гараж и выставили охрану. Как вспоминали затем спасатели, попили бы они с этим сахаром чайку, да экспертиза показала примесь гексогена.

Мешки пролежали у них на базе несколько дней. Затем их увезли в Москву, в экспертно-криминалистический центр МВД. Впрочем, пресс-служба УВД Рязанской области сообщала, что в Москву мешки увезли еще 23 сентября. В 8.30 утра работы по разминированию и проверке дома были закончены, и жильцам разрешили вернуться в свои квартиры.

Уже вечером 22 сентября в Рязани были подняты по тревоге 1200 милиционеров, введён план — перехват». Были выявлены несколько очевидцев, составлены фотороботы троих подозреваемых, выставлены пикеты на дорогах области и прилегающих районов. Показания очевидцев были достаточно подробны. Была надежда, что злоумышленников схватят.

На борьбу с террористами губернатором области и администрацией города были выделены дополнительные средства. К охране жилых домов города привлечены военнослужащие, организовано ночное дежурство жителей всех домов, проведён дополнительный осмотр всего микрорайона,

прежде всего жилых зданий (80 домов города к пятнице были проверены). Опустили городские рынки, на которые продавцы опасались завозить товары, а покупатели — идти за покупками. По словам заместителя главы администрации Рязани Анатолия Баранова, — практически весь город не спал, а ночь на улице провели не только жители этого дома, но и весь 30-тысячный микрорайон Дашково-Песочня, в котором он расположен». В городе усилились панические настроения: ходили слухи, что Рязань выбрана для терактов из-за нахождения здесь 137-го гвардейского парашютно-десантного полка, который воевал в Дагестане. К тому же под Рязанью был расположен Дягилевский военный аэродром, с которого войска перебрасывались на Кавказ. Автодорога из Рязани была забита, так как милиция проверяла выезжающие из города автомобили. Однако операция «перехват» результатов не дала, машина террористов найдена не была, сами террористы не были задержаны.

После объявления операции «перехват», когда выезды из города были уже перекрыты, силы оперативных подразделений рязанского УВД и УФСБ пытались установить точное местонахождение разыскиваемых террористов. Не обошлось без счастливых случайностей. Сотрудница АО «Электросвязь» Надежда Юханова зарегистрировала подозрительный звонок в Москву. «Выезжайте по одному, везде перехваты», — ответил голос на другом конце провода. О звонке Юханова немедленно сообщила в рязанское УФСБ. ...Подозрительный телефон был немедленно поставлен на контроль. У оперативников не было сомнений, что они обнаружили террористов. Однако сложности возникли из-за того, что средствами технического контроля был определён московский телефон, по которому звонили террористы. Это был номер одного из служебных помещений столичной ФСБ.

Покинув 22 сентября в начале десятого вечера улицу Новосёлов, террористы не рискнули поехать в Москву, так как на пустынном ночном шоссе одинокая машина всегда заметна, и шансов быть остановленными на одном из постов ГАИ было слишком много... Террористы должны были ждать до утра, тем более что нельзя было покинуть объект до проведения взрыва. Боевая задача была ещё не выполнена. Утром на шоссе будет много машин. Из-за теракта первые несколько часов будет паника. Если свидетели и засекли двоих мужчин и женщину на машине, ориентировка милиции будет дана на троих террористов; искать будут именно двоих мужчин и женщину. Один человек на машине всегда ускользнёт от любой облавы.

То, что именно так и было, зафиксировала газета «Труд», описавшая операцию «перехват» в действии: «Накал в Рязани достиг предела. По

улицам шли усиленные патрули милиции и курсанты местных военных институтов. Все въезды и выезды в город были блокированы вооружённой до зубов патрульно-постовой службой и автоинспекторами. Скопились многокилометровые пробки легковых и грузовых машин, двигавшихся в сторону Москвы и от неё. Обыскивали все салоны и кузова. Искали троих террористов, двух мужчин и женщину, чьи приметы были развешаны чуть ли не на каждом столбе».

Получив инструкции, один из троих террористов выехал на машине 23 сентября в направлении Москвы, бросил машину в районе Коломны и беспрепятственно добрался до Москвы каким-то другим способом. От рязанской милиции, таким образом, один из террористов ушел и увёз машину. К вечеру 23 сентября, менее чем через сутки, на трассе Москва — Рязань в районе Коломны, приблизительно на полпути к Москве, машина была найдена милицией, без пассажиров. Это была та самая машина, «с заклеенными номерами, на которой перевозилась взрывчатка», — сообщил пресс-секретарь УФСБ Рязанской области Юрий Блудов. Оказалось, автомобиль числился в розыске. Иными словами, террористы проводили I операцию на угнанной машине (классический для теракта случай).

Двое террористов остались в Рязани...

«Учения» Пятрушева

Утром 23 сентября информационные агентства России передали сенсационную новость о том, что «в Рязани предотвращён теракт». С 8 часов утра телевизионные каналы начали передавать подробности о сорвавшемся злодеянии: «По словам сотрудников правоохранительных органов Рязанского УВД, белое кристаллическое вещество, находившееся в мешках, является гексогеном», передали все теле— и радиовещательные программы России.

В 13.00 программа «Вести» государственного канала РТР взяла интервью в прямом эфире у С. Кабалюва: «Значит, даны ориентировки, предварительно на задержание автомобиля, который по приметам указали жильцы. Пока результатов нет». «Взрывотехники муниципальной милиции, — сообщают «Вести», — провели предварительный анализ и подтвердили наличие гексогена. Сейчас содержимое мешков отправлено в московскую лабораторию ФСБ для получения точного заключения. Тем временем в Рязани глава администрации Павел Дмитриевич Маматов провёл экстренное совещание со своими заместителями, распорядился

закрыть все подвалы в городе и более тщательно проверить арендуемые помещения».

Маматов отвечает на вопросы журналистов: «Какие бы службы мы сегодня не задействовали, в течение одной недели провести все мероприятия по закрытию чердаков, подвалов, ремонту, установке решёток и так далее — это можно сделать только при одном условии: объединить все наши с вами усилия». Иными словами, на 13 часов дня 23 сентября вся Рязань находится на осадном положении. Ищут террористов и их автомобиль, проверяют чердаки и подвалы. В 17.00 «Вести» вышли в эфир, в целом повторив 13-часовые новости.

В 19.00 «Вести» выходят в эфир с очередной информационной программой: «Сегодня об авиаударах по грозненскому аэропорту говорил российский премьер Владимир Путин»...

...Путин прокомментировал и последнее чрезвычайное происшествие в Рязани: «Что касается событий в Рязани. Я не думаю, что это какой-то прокол. Если эти мешки, в которых оказалась взрывчатка, были замечены, — это значит, что всё-таки плюс хотя бы есть в том, что население реагирует правильно на события, которые сегодня происходят в стране. Воспользуюсь вашим вопросом для того, чтобы поблагодарить население страны за это. Мы в неоплаченном долгу перед людьми и за то, что не уберегли, кто погиб, и благодарны им за ту реакцию, которую мы наблюдаем. А эта реакция очень правильная. Никакой паники, никакого снисхождения бандитам. Это настрой на борьбу с ними до конца. До победы. Мы обязательно это сделаем».

Иными словами, на 23 сентября премьер-министр России — Путин ... считал, что в Рязани предотвращена попытка террористического акта.

...24 сентября, выступая на Первом всероссийском совещании по борьбе с организованной преступностью, министр внутренних дел Рушайло говорит о предотвращённом в Рязани теракте... «Есть определённые сдвиги, например, предотвращение взрыва жилого дома в Рязани» ...

Спустя полчаса на том же совещании Патрушев делает заявление, что в Рязани проводились учения, в мешках был сахар, а взрыватель — это муляж.

Важно отметить, что о готовящемся в Рязани взрыве (все официальные участники событий, сотрудники силовых ведомств, дипломатично используют слово «учения») руководство Рязанской области не знало. Губернатор области В. Н. Любимов заявил об этом 24 сентября в интервью в прямом эфире: «Об этом учении не знал даже я». Глава администрации

Рязани Маматов был откровенно раздражён: «Из нас сделали подопытных кроликов. Проверили Рязань «на вшивость». Я не против учений — сам служил в армии, принимал в них участие, но подобного никогда не видел».

Управление ФСБ по Рязанской области также не было поставлено в известность об «учениях». Ю. Блудов сообщил, что «ФСБ не было заранее осведомлено о том, что в городе проводились учения». Начальник рязанского УФСБ генерал-майор А. В. Сергеев сначала сообщил в интервью местной телестудии «Ока», что ему ничего не известно о проводимых «учениях». И только позже на вопрос журналистов, располагает ли он каким-нибудь официальным документом, подтверждающим проведение в Рязани учений, через своего пресс-секретаря ответил, что доказательством учений для него является телевизионное интервью директора ФСБ Патрушева. По этой причине местное ФСБ, по воспоминаниям одной из жительниц дома 14/16 Марины Витальевны Севериной, ходило затем по квартирам и извинялось: «Приходили к нам из ФСБ — несколько человек во главе с полковником. Извинялись. Говорили, что сами ничего не знали». И это тот случай, когда мы верим сотрудникам ФСБ, и верим в их искренность.

Рязанское УФСБ понимало, что рязанцев «подставили», что в организации взрыва Генпрокуратура России и общественность могут обвинить рязанское УФСБ. Потрясённые коварством своих московских коллег, рязанцы решили обеспечить себе алиби и объявить всему миру, что рязанская акция готовилась в Москве. Только так можно объяснить заявление УФСБ по Рязанской области, появившееся вскоре после интервью Патрушева об «учениях» в Рязани. Приведём текст заявления рязанского УФСБ полностью:

«Как стало известно, Закладка обнаруженного 22.09.99 г. имитатора взрывного устройства явилась частью проводимого межрегионального учения. Сообщение об этом стало для нас неожиданностью и последовало в тот момент, когда управлением ФСБ были выявлены места проживания в городе Рязани причастных к закладке взрывного устройства лиц и готовилось их задержание. Это стало возможным благодаря бдительности и помощи многих жителей города Рязани, взаимодействию с органами внутренних дел, профессионализму наших сотрудников. Благодарим всех, кто содействовал нам в этой работе. Мы и впредь будем делать всё возможное, чтобы обеспечить безопасность рязанцев».

Этот документ позволяет заключить следующее. Во-первых, рязанское УФСБ не имело отношения к операции по подрыву дома в Рязани. Во-вторых, по крайней мере два террориста были обнаружены в Рязани. В-

третьих, террористы проживали в Рязани, пусть временно, причём выявлена, видимо, была целая сеть конспиративных квартир, по крайней мере не менее двух. В-четвёртых, в момент, когда готовилось задержание террористов, из Москвы последовал приказ террористов не задерживать, поскольку теракт в Рязани — «учения» ФСБ.

21 марта 2000 года, за пять дней до президентских выборов, когда тема сорвавшегося взрыва в Рязани была выдвинута на повестку дня политическими мотивами конкурирующих за власть сторон, начальник следственного отделения УФСБ РФ по Рязанской области подполковник Юрий Валентинович Максимов подтвердил:

«Мы воспринимали все события той ночи всерьёз, как боевую обстановку. Сообщение об учениях ФСБ РФ стало для нас полной неожиданностью и последовало в тот момент, когда управлением ФСБ были выявлены места проживания в Рязани причастных к закладке имитационного (как позже выяснилось) устройства и готовилось их задержание»...

Таким образом, дважды документально было подтверждено, что террористы, заминировавшие дом в Рязани, были сотрудниками ФСБ, что на момент проведения операции они проживали в Рязани и что места их проживания были вычислены сотрудниками УФСБ по Рязанской области. Это уличает Патрушева в очевидной лжи. 25 сентября в интервью одной из телекомпаний он заявил, что «те люди, которых по идее должны были сразу разыскать, находились среди вышедших на улицу жильцов дома, в котором якобы было заложено взрывное устройство. Они участвовали в процессе составления своих фотороботов, разговаривали с сотрудниками правоохранительных органов».

Действительность была совсем другой. Террористы разбежались по конспиративным квартирам. Но в тот момент, когда руководство рязанского УФСБ сообщило по долгу службы в Москву о неминуемом задержании террористов, Патрушев отдал приказ их не арестовывать и объявил предотвращённый в Рязани теракт «учениями». Можно себе представить выражение лица сотрудника рязанского УФСБ, а скорее всего Патрушеву докладывал сам генерал-майор Сергеев, когда ему отдали приказ отпустить террористов!

...У «Московского комсомольца» («МК») хватило юмора: «24 сентября 1999 г. глава ФСБ Николай Патрушев выступил с сенсационным заявлением: попытка взрыва в Рязани вовсе не была таковой. Это было учение. (...) В тот же день министр МВД Владимир Рушайло поздравил своих работников с успешным спасением дома в Рязани от неминуемого

взрыва».

Никто не верит

Дальнейшее расследование упирается в гриф «совершенно секретно». Уголовное дело, возбуждённое в УФСБ РФ по Рязанской области по факту обнаружения взрывчатого вещества по статье «терроризм— (ст. 205 УК РФ) засекречено. Материалы дела не доступны общественности. Имена террористов (сотрудников ФСБ) скрываются. Мы не знаем, были ли они допрошены и что они сказали на этом допросе.

29 сентября 1999 года газеты «Челябинский рабочий», «Красноярский рабочий» и самарская «Волжская коммуна» (1 октября) поместили идентичные статьи: «Как стало известно из хорошо информированного источника в МВД России, никто из оперативных работников МВД и их коллег УФСБ Рязани не верит ни в какие — учебные» закладки взрывчатки в городе. (...) По мнению высокопоставленных сотрудников МВД России, на самом деле в Рязани жилой дом был реально заминирован неизвестными с применением настоящей взрывчатки и с применением тех же детонаторов, что и в Москве (...) Косвенно эту теорию подтверждает и то, что возбуждённое в Рязани уголовное дело по статье «терроризм» до сих пор не закрыто. Мало того, результаты первоначальной экспертизы содержимого мешков, проведённой на первом этапе экспертами местного МВД, — изъяты сотрудниками ФСБ, прибывшими из Москвы, и немедленно засекречены. А милиционеры, общавшиеся со своими коллегами-криминалистами, проводившими первую экспертизу мешков, по-прежнему утверждают, что в них действительно был гексоген, и ошибки быть не может».

...В самой ФСБ не было единодушия относительно проводимой Патрушевым операции. Так, начальник ЦОС УФСБ по Москве и Московской области Сергей Богданов назвал «учения» в Рязани «грубой и непродуманной работой» (раз попались — грубая работа). Начальник УФСБ РФ по Ярославской области генерал-майор А. А. Котельников на вопрос об «учениях» ответил: «У меня есть своя точка зрения относительно рязанских учений, но комментировать действия своих коллег я бы не хотел».

В заключение хотелось бы привести мнение бывшего генерального прокурора России Ю. И. Скуратова, высказанное им в интервью парижской газете «Русская мысль» (опубликовано 29 октября 1999 года): «Меня очень

сильно смутило и насторожило произошедшее в Рязани. Здесь действительно можно выстроить схему: сами спецслужбы были причастны к подготовке взрыва в Рязани, а когда их прихватили, они очень неуклюже оправдывались. Меня очень удивляет, почему прокуратура так до конца и не разобралась с этим эпизодом. Это её задача».

Аналитическая справка

Закладка мешков в жилом доме в Рязани не могла быть учебной по ряду формальных обстоятельств. При проведении учений в обязательном порядке должен иметься заранее составленный план учений. В нём должны быть определены: руководитель учений, его заместитель, наблюдатели и проверяемые, то есть те, кого проверяют (жители Рязани, сотрудники УФСБ по Рязанской области и т. д.). План должен расписать вопросы, подлежащие проверке. План должен иметь так называемую «легенду», своеобразный сценарий разыгрываемого спектакля. В случае с Рязанью — сценарии закладывания в подвал жилого дома мешков с сахарным песком. В плане должно быть оговорено материальное обеспечение учений: автотранспорт, денежные средства (например, на покупку трех мешков сахара по 50 килограммов каждый), питание (если в учениях принимает участие большое количество людей), вооружение, средства связи, система кодовой связи (кодовые таблицы).

После всего этого план утверждается у вышестоящего руководства, и только затем, на основании утверждённого плана, издаётся письменный (и только письменный) приказ о проведении учений. Перед непосредственным началом учений лицу, утвердившему план учений и отдавшему приказ об их проведении, докладывается о начале учений. После окончания учений — докладывается об их окончании. В обязательном порядке составляется докладная записка о результатах учений, где определяются положительные итоги и недостатки, поощряются отличившиеся, указываются провинившиеся. Этим же приказом списываются материальные ценности, израсходованные или уничтоженные в ходе учений (в рязанском случае — как минимум три мешка с сахарным песком и патрон для детонатора).

Учения не могли проходить без наблюдателей, то есть тех, кто со стороны оценивает результаты учений, составляет затем отчёты о достижениях и промахах, поощряет, взыскивает, делает выводы. В Рязани наблюдателей не было.

О планируемом проведении учений в обязательном порядке должен быть поставлен в известность начальник местного УФСБ. Он находится в прямом подчинении у директора ФСБ, и проверять Сергеева без санкции Патрушева никто не имеет права. Точно так же без санкции Сергеева не имеют права проверять сотрудников рязанского УФСБ, подчинённых Сергеева. Значит, Патрушев и Сергеев должны были быть в курсе «учений» и обязаны были сделать заявление о проводимых «учениях» уже вечером 22 сентября. Между тем со стороны Патрушева такое заявление последовало только 24 сентября, а со стороны Сергеева не последовало вовсе, так как об «учениях» он ничего не знал.

Согласно положению, ФСБ имеет право проверять только себя. Она не может проверять другие структуры или же частных граждан. Если ФСБ проверяет МВД (например рязанскую милицию), то это уже совместные с МВД учения, и о них ставятся в известность ещё и соответствующие руководители МВД в центре и на местах. Если в учениях затрагивается гражданское население (как было в Рязани), то привлекаются ещё и службы гражданской обороны и МЧС. Во всех случаях, составляется совместный план учений, подписываемый руководителями всех ведомств. Утверждается этот план у лица, курирующего все вовлечённые в учения силовые структуры.

Учения могут быть максимально приближенными к реальной ситуации, например учения с боевой стрельбой. Однако проводить учения, при которых могут пострадать люди, или же может возникнуть опасность заражения окружающей среды, категорически воспрещается. Особо оговорен запрет на проведение учений в отношении военнослужащих и подразделений, несущих боевую службу, или кораблей, стоящих на боевой вахте. Если пограничник стоит на посту, запрещено ради проверки его бдительности имитировать переход границы. Если есть охраняемый объект, нельзя в рамках учений нападать на объект.

Боевая служба отличается от учений тем, что во время службы решаются боевые задачи с боевым оружием. В каждом роде войск (и в милиции) есть устав боевой службы, в котором всё расписано до деталей. 22–23 сентября 1999 года в Рязани рязанские милицейские патрули в городе несли боевую службу с оружием и специальными средствами, которые имели право применять при задержании сотрудников ФСБ, закладывающих непонятные мешки в подвал жилого дома. Вся милиция Рязани после серии взрывов в России работала по усиленному варианту, в условиях реальной опасности совершения терактов. А значит, при проведении необъявленных учений незадачливых сотрудников ФСБ могли просто пристрелить.

А тут ещё уголовное дело по ст. 205. Это означает, что следователь выписал постановление о розыске и задержании подозреваемых и что их при задержании могли убить. Основания о возбуждении уголовного дела чётко определены в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) РФ. Там нет подпункта о возбуждении уголовного дела в ходе учений или в связи с учениями. Необоснованное или незаконное возбуждение уголовного дела есть преступление само по себе, равно как и его незаконное прекращение.

Засекречивание уголовного дела было незаконным деянием. Согласно статье 7-й закона РФ «О государственной тайне», принятого 21 июля 1993 года, «не подлежат к отнесению к государственной тайне и засекречиванию сведения (...) о чрезвычайных происшествиях и катастрофах, угрожающих безопасности и здоровью граждан, и их последствиях; (...) о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина; (...) о фактах нарушения законности органами государственной власти и их должностными лицами (...) Должностные лица, принявшие решения о засекречивании перечисленных сведений либо о включении их в этих целях в носители сведений, составляющих государственную тайну, несут уголовную, административную или дисциплинарную ответственность в зависимости от причинённого обществу, государству и гражданам материального и морального ущерба. Граждане вправе обжаловать такие решения в суде-.

Взрыватель — очень важный формальный момент. Если бы взрыватель не был боевым, уголовное дело не могли бы возбудить по статье 205-й УК РФ (терроризм), оно было бы возбуждено по факту обнаружения взрывчатки и передано в МВД, а не в ФСБ. В конце концов, если говорить об «учениях», бдительность рязанцев проверялась на проворное обнаружение мешков со взрывчатым веществом, а не на работу со взрывателем.

Непосвящённому трудно понять, что скрывается за невинной фразой возбуждено уголовное дело по ст. 205». Прежде всего, это означает, что следствие будет проводиться не по линии МВД, а по линии ФСБ. ФСБ и так перегружена делами, лишнего дела не возьмет. И раз уж она приняла дело, то значит основания были веские (этими вескими основаниями были результаты экспертизы). Преступление, по которому возбуждено это дело, в течение суток докладывается дежурному по ФСБ России... Обо всех поступивших сообщениях дежурный докладывает каждое утро лично директору ФСБ. Если же происходит что-то серьезное, например предотвращение теракта в Рязани, дежурный вправе позвонить директору ФСБ домой, даже ночью. Так что об обнаружении в подвале рязанского дома мешков со взрывчаткой и боевого взрывателя Патрушев знал не

позднее семи часов утра 23 сентября, более чем за сутки до появления версии об «учениях».

Наконец, учения не могли проводиться на угнанной машине. Угон автомашины является преступлением, кражей. Лицо, совершившее такое преступление, несёт уголовную ответственность. По закону об ФСБ совершать преступления сотрудники не имеют права даже при решении боевых задач. При проведении оперативных учений с оперативным составом используется только служебный транспорт ФСБ (в том числе оперативные автомашины, которых в ФСБ два автопарка только в центральном аппарате). Если такую машину останавливает ГАИ, например за превышение скорости на трассе Москва — Рязань, или же задерживает рязанская милиция, потому что московский номер машины заклеен подозрительной бумажкой, машина сразу определяется как находящаяся на спецучёте. Для любого милиционера это всегда указание на то, что машина является оперативным транспортом правоохранительных органов или спецслужб.

Учения непременно проводились бы на оперативном транспортном средстве. Напротив, теракт на оперативной машине ФСБ совершать не могла. Машину могли заметить (и заметили), определить (и определили).

И как бы некрасиво выглядело, если бы террористы взорвали дом в Рязани, используя машину, числящуюся за автопарком ФСБ. А если террористы взрывают дом на угнанной машине, это привычно и естественно. С другой стороны, если сотрудников ФСБ днём (не ночью) остановят на угнанной машине для рутинной проверки или за превышение скорости, они покажут свои служебные удостоверения или «документы прикрытия», и никакой милиционер не станет проверять документацию на машину, а потому не узнает, что машина в розыске.

Автомашина, на которой приехали террористы, единственная улика, оставшаяся после взрыва жилого дома. Единственный след, который может вывести на преступников. Автомашина — самое слабое звено в подготовке и проведении любого террористического акта. Иначе как на угнанной машине нельзя было взрывать дом в Рязани.

Несладкий сахар

Три мешка с сахарным песком увезли на экспертизу в Москву. Но если сахар был самый обыкновенный, зачем его отправлять на экспертизу? И, что важнее, зачем лаборатория на экспертизу его приняла? Да не одна

лаборатория, а две — разных ведомств (МВД и ФСБ). И зачем проводили позже повторную экспертизу? Неужели с первого раза нельзя было распознать сахар? И почему всё это тянулось несколько месяцев? Забрать сахар для экспертизы в Москву имело смысл лишь для того, чтобы лишить рязанцев вещественных доказательств, и только в том случае, если в мешках была взрывчатка.

Между тем из пресс-службы ФСБ поступило сообщение, что для проверки содержимого рязанских мешков их вывезли на полигон и попытались взорвать. Взрыва не получилось, так как в них был обыкновенный сахар — рапортовала ФСБ. «Интересно, какой идиот повезёт взрывать на полигон три мешка обычного сахара?» — иронично замечала газета «Версия». Действительно, зачем же ФСБ отсылала мешки на полигон, если знала, что в Рязани проводились «учения», а в мешках был сахар, купленный ... на местном базаре?

А тут ещё, и опять под Рязанью, обнаружили новые мешки с гексогеном. К тому же их было много, и это пахло связью с ГРУ. На военном складе 137-го Рязанского полка ВДВ, расположенного под Рязанью, на территории специализированной базы для подготовки разведывательно-диверсионных отрядов, хранился гексоген, расфасованный в 50-килограммовые мешки из-под сахара, подобные найденным на улице Новосёлов. Осенью 1999 года рядовой воздушно-десантных войск (воинская часть 59236) Алексей Пиняев и его сослуживцы были командированы из Подмосковья в Рязань именно в этот полк. Охраняя в ноябре 1999 года «склад с оружием и боеприпасами», Пиняев с приятелем проникли на склад, скорее из любопытства, и увидели в помещении те самые мешки с надписью «Сахар».

Воины-десантники штык-ножом проделали дырку в одном из мешков и отсыпали в пластиковый пакет немного казённого сахара. Однако чай с ворованным сахаром оказался странного вкуса и не сладкий. Перепуганные бойцы отнесли кулёк командиру взвода. Тот, заподозрив неладное, благо история о взрывах у всех была на слуху, решил проверить «сахар» у специалиста-подрывника. Вещество оказалось гексогеном. Офицер доложил по начальству. В часть нагрянули сотрудники ФСБ из Москвы и Тулы (где, как и в Рязани, стояла воздушно-десантная дивизия). Полковых особистов к расследованию не допустили. Десантников, обнаруживших гексоген, таскали на допросы за раскрытие государственной тайны». «Вы даже не догадываетесь, ребята, в какое серьёзное дело влезли», — сказал один из офицеров. Прессе объявили, что солдата по фамилии Пиняев в части вообще нет, и информация о найденных на военном складе мешках с

гексогеном — выдумка журналиста «Новой газеты» Павла Волошина. ФСБ по данному инциденту провело служебное расследование. Вопрос о взрывчатке успешно замяли, а командира и сослуживцев Пиняева отправили служить в Чечню.

Самому Пиняеву придумали более мучительное наказание. Поначалу его заставили отказаться от своих слов. Затем начальник Следственного управления ФСБ РФ заявил, что «солдат будет допрошен в рамках возбужденного против него уголовного дела». А сотрудница ЦОС ФСБ подвела итог: «Попал солдатик...» Уголовное дело против Пиняева возбуждали в марте 2000 года за кражу с армейского склада с боеприпасами... кулька с сахаром. Только трудно понять, какое отношение к мелкой краже продуктов питания имело Следственное управление ФСБ России.

Как утверждали рязанские сапёры, взрывчатку в 50-килограммовых мешках не держат, не упаковывают и не перевозят — слишком опасно. Для взрыва небольшого строения достаточно 500 граммов взрывчатой смеси. 50-килограммовые мешки, замаскированные под сахар, нужны исключительно для террористических актов. Видимо, именно с этого склада и были получены три мешка, уложенные затем под несущую опору дома в Рязани. Приборы рязанских экспертов не ошиблись.

История со 137-м полком ВДВ имела свое продолжение. В марте 2000 года, перед самыми выборами, десантники подали в суд на «Новую газету», опубликовавшую интервью с Пиняевым. Исковое заявление «О защите чести, достоинства и деловой репутации» было подано в Басманный межмуниципальный суд командованием полка. Как заявил командир полка Олег Чурилов, данная статья оскорбила не только честь полка, но и всей российской армии, поскольку такого рядового в сентябре 1999 года в полку не было. «И то, что солдат может проникнуть на склад, где хранится вооружение и взрывчатые вещества, не соответствует действительности, потому что он не имеет права в него войти во время несения караульной службы».

В общем, Пиняева не было, но под суд его отдали. В мешках был сахар, но имело место «раскрытие государственной тайны», А в суд на «Новую газету» 137-й полк подал не из-за статей о гексогене, а потому, что караульный во время службы не имеет права зайти на охраняемый им склад, и обратные утверждения на эту тему оскорбляли русскую армию.

Приложение 2. Список имен

А

Александр — псевдоним агента ФСБ, состоял на связи у автора книги.

Алёхин Алексей — директор гастронома.

Алёшин Игорь — старший оперуполномоченный 1-го отдела ОРУ ДБТ ФСБ РФ, майор.

Алмазов Сергей Николаевич — начальник налоговой полиции РФ (1992–1999), генерал.

Акимов Владимир Владимирович — агент ФСБ, сотрудник «Ланак», водитель Лазовского Михаила, осуждён за терроризм.

Аминов Вячеслав Маркович — бизнесмен, близкая связь Патрушева, Путина и Иванова.

Ангелевич Аркадий Владимирович — банкир, осуждён за мошенничество, амнистирован.

Андрюшин Николай Аркадьевич — зам. начальника отдела военной контрразведки ФСБ РФ, в/ч 70850, подполковник.

Анисимов Николай — начальник Управления ГВП по надзору за ФСБ РФ, генерал-майор юстиции.

Б

Бавдей Борис — начальник направления 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, подполковник.

Баграев Владимир — прокурор ГВП РФ, генерал-майор юстиции, адвокат группы «Медиа-Мост».

Баев — начальник отдела кадров УРПО ФСБ РФ.

Балдин Виктор — начальник 3-го отдела УСБ ФСБ РФ, полковник.

Барсуков Михаил Иванович — директор ФСБ РФ (1995–1996), генерал-полковник.

Барсуков Сергей Валерьевич — старший следователь по ОВД ГВП РФ, вёл на автора все четыре уголовных дела, подполковник юстиции.

Басаев Шамиль — премьер-министр Чеченской республики, боевой командир (в розыске за терроризм).

Березовский Борис Абрамович — предприниматель, политик, зам. секретаря СБ РФ (1996–1999), зам. исполнительного секретаря СНГ (1998–1999), депутат Госдумы (1999–2000). Сопредседатель партии «Либеральная Россия».

Бобков Филипп Денисович — бывший начальник 5-го Главного управления КГБ СССР (политический сыск), генерал.

Бородин Павел Павлович — управляющий делами президента РФ (1993–1998).

Брежнев Леонид Ильич — генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза (1964–1985).^[1]

Брынцалов Владимир Алексеевич — предприниматель, депутат Государственной думы РФ.

Буковский Владимир Константинович — правозащитник, бывший политзаключённый, в 1976 г. обменен СССР на лидера чилийских коммунистов Луиса Корвалана.

В

Ваганов Владимир — зам. начальника 3-го отдела УБКК МБ РФ, полковник.

Василищев Василий — начальник отдела УСБ ФАПСИ РФ, полковник.

Виталий — бывший сотрудник московского ОМОНа, осуждён за изнасилование.

Волох Вячеслав Иванович — начальник Оперативного управления АТЦ ФСБ РФ до 1998 года, генерал-лейтенант.

Вольф — кличка уголовного авторитета, лидера реутовской ОПТ.

Воробьев Владимир — агент ФСБ, осуждён за терроризм, подполковник.

Г

Гафур — кличка гражданина Узбекистана, лидера узбекской ОПТ.

Гапон — майор МВД СССР.

Гиоргадзе Давид Пантелеймонович — брат Игоря Гиоргадзе.

Гиоргадзе Игорь Пантелеймонович — бывший председатель СБ Грузии, в международном розыске за терроризм.

Голованов Виктор — начальник УУР ГУВД г. Москвы.

Гольдфарб Александр — учёный, правозащитник, секретарь А. Д. Сахарова (1974–1975), гражданин США. Содействовал побегу автора в Великобританию.

Горбачёв Михаил Сергеевич — президент СССР.

Горлатых — старший оперуполномоченный 6-го отдела ОРУ ДБТ ФСБ РФ, майор, осуждён.

Горшков Дмитрий — старший оперуполномоченный по ОВД 1-го отдела ОРУ ДБТ ФСБ РФ.

Гочияев Ачимез Шагабанович — гражданин России, в настоящее время официально подозреваемый ФСБ России в организации взрывов жилых домов.

Григорянц Сергей Иванович — правозащитник, общественный деятель в РФ.

Гриневский Андрей — старший оперуполномоченный по ОВД 1-го отдела ОРУ ФСБ РФ, капитан.

Грызлов Борис Вячеславович — министр ВД РФ (с 2001 г.).

Гудков — офицер действующего резерва ФСБ России в Государственной думе.

Гусак Александр Иванович — начальник 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, подполковник, осуждён условно к трём годам лишения свободы — амнистирован в зале суда в 2001 г.

Гусев Павел Николаевич — главный редактор газеты «Московский комсомолец».

Гусинский Владимир Александрович — бизнесмен, руководитель группы «Мост».

Гуцериев Михаил Сафарбекович — бывший президент «Слав-нефти».

Гуца Юрий Андреевич — зам. начальника управления военной контрразведки ФСБ по внутренним войскам МВД; генерал-майор.

Д

Дахкильгов Тимур — гражданин России, который в течение шести месяцев содержался в изоляторе ФСБ по подозрению к причастности к взрывам жилых домов; в настоящее время освобождён.

Двали Давид — близкая связь Путина, доверенное лицо автора книги, убит в 2000 г.

Дециев Борис — старший оперуполномоченный по ОВД УЭК ФСБ РФ, подполковник.

Джабраилов Умар Алиевич — бизнесмен;
Джабраилов Хусейн Алиевич — его младший брат.
Доренко Сергей Леонидович — популярный тележурналист.
Дудаев Джохар Мусаевич — первый президент Чечни, генерал-майор.
Дудаева Алла Фёдоровна — жена первого президента Чечни, проживает в Турции.

Дустум Абдурапшд — генерал афганской армии. Лидер Северного альянса.

Дьяченко Татьяна Борисовна — дочь президента Ельцина, помощник президента РФ до 1999 г.

Е

Евстафьев Аркадий Вячеславович — пресс-секретарь Анатолия Чубайса, задержан 19 июня 1996 г. вместе с Сергеем Лисовским при попытке вынести из Белого дома коробку из-под ксерокса с суммой в полмиллиона долларов.

Ельцин Борис Николаевич — первый президент РФ (1991–1999).

Енин Николай В. — зам. начальника 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, подполковник.

Ерин Виктор Фёдорович — министр МВД РФ (1991–1995)

Ермаков А. К. — племянник Макарычева, занимается поставкой водки.

Ермолинский Владимир — осуждён за бандитизм, профессиональный преступник, член ОПГ, кличка Метис.

Ермолов Алексей Петрович — русский генерал от инфантерии, командир Кавказского корпуса и главнокомандующий в Грузии в период кавказской войны 1816–1827 гг.

Ермолов Сергей — старший оперуполномоченный по ОВД 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, майор.

Ж

Жириновский Владимир Вольфович — лидер партии ЛДПР, депутат Государственной думы РФ.

Зданович Александр Александрович — начальник ЦОС ФСБ РФ, генерал-лейтенант, с 2002 г. зам. начальника ВГТРК (Всесоюзной Государственной теле-радиокомпании), офицер действующего резерва ФСБ РФ на ТВ.

Зиракадзе Паата — гражданин Грузии, был заложником у бандитов.

Зорин Виктор Михайлович — бывший начальник АТЦ ФСБ РФ, генерал-полковник.

Зюганов Геннадий Андреевич — лидер КПРФ, депутат Государственной думы РФ.

И

Иванов — начальник отдела ГВП, полковник юстиции.

Иванов Сергей Борисович — зам. директора ФСБ РФ (1998–1999), секретарь СБ РФ (1999–2001), министр обороны РФ (с 2001 г.), генерал-лейтенант.

Иванюженков Борис Викторович — министр спорта (1999–2000), член подольской ОПГ, кличка Ратан.

Илюхин Виктор Иванович — депутат Государственной думы от КПРФ, председатель Комитета по безопасности.

Ильюшенко Алексей Николаевич — и.о. генерального прокурора РФ (1994–1996).

Индюков Николай — старший следователь по ОВД при генеральном прокуроре РФ, генерал.

К

Калугин Олег Данилович — бывший генерал КГБ СССР, резидент в США, затем начальник Управления внешней контрразведки, проживает в США, заочно осуждён за измену родине.

Камышников Александр Петрович — зам. начальника УРПО ФСБ РФ, капитан 1-го ранга, отдал приказ убить Березовского Б.А.

Карнаух Владимир — судья московского гарнизонного военного суда.

Катышев Михаил Борисович — зам. генерального прокурора РФ до 1999 г.

Кивилиди Иван Харлампиевич — банкир, президент «Росбизнесбанка», 4 августа 1995 г. отравлен боевым ядом, помещённым в телефонную

трубку; вместе с ним погибла его секретарша. Преступление не раскрыто.

Киселёв Евгений Алексеевич — телеведущий каналов НТВ, ТВб.

Кислякова — жительница Москвы, в отношении которой Патрушев организовал вымогательство 8000 долларов США.

Клебанов Илья Иосифович — вице-премьер Российской Федерации.

Климкин Николай Иванович — начальник Московского РУОП, генерал-майор милиции.

Ковалёв Николай Дмитриевич — директор ФСБ РФ (1996–1998), генерал армии, депутат Государственной думы РФ.

Ковалёв Сергей Адамович — депутат Государственной думы, правозащитник.

Кожанов — зам. начальника Службы криминальной милиции Москворецкого РОВД, полковник милиции.

Колесников Владимир — зам. генерального прокурора РФ, бывший первый зам. министра МВД РФ, генерал-полковник.

Колесников Евгений Александрович — зам. начальника ОРУ ДБТ ФСБ РФ, генерал-майор.

Комаров Александр — старший оперуполномоченный 1-го отдела ОУ ДБТ ФСБ РФ, капитан.

Кореец — кличка уголовного авторитета, солнцевской ОПГ.

Коржаков Александр Васильевич — начальник СБП РФ (1991–1996), генерал-майор, депутат Государственной думы РФ.

Костюков — зам. начальника УБКК МБ РФ.

Кох Альфред Рейнгольдович — бизнесмен, вице-премьер Правительства РФ (1997).

Кравченко Евгений — судья Московского гарнизонного военного суда, подполковник юстиции, после вынесения мне оправдательного приговора уволен.

Криулькин Владимир Семёнович — кличка Людоед, наёмный убийца, убит.

Круглов Алексей — старший оперуполномоченный 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, майор.

Куликов Анатолий Сергеевич — министр внутренних дел РФ (1995–1999), генерал армии, депутат Государственной думы.

Кумаев Владимир — внутрикамерный агент, бывший офицер ГРУ ГШ МО РФ.

Кумарин-Барсуков Владимир Сергеевич-уголовный авторитет из Санкт-Петербурга.

Курганов Игорь — начальник 3-го отдела УЭК ФСБ РФ, полковник.

Л

Лазовский Максим Юрьевич — агент ФСБ РФ, руководитель «Ланако», организатор серии терактов и убийств, убит.

Латышёнок Константин — оперуполномоченный 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, старший лейтенант, участник пресс-конференции 17 ноября 1998 г.

Лебедь Александр Иванович — кандидат в президенты РФ (1996), секретарь СБ (1996), губернатор Красноярского края (1998–2002), генерал-лейтенант воздушно-десантных войск, погиб в 2002 г.

Лесин Михаил Юриевич — министр печати РФ (с 1999 г.).

Линьков Руслан — пом. депутата Государственной думы Галины Старовойтовой, ранен во время покушения на неё.

Лисовский Сергей Фёдорович — шоу-бизнесмен, владелец «Премьер-СВ», участник предвыборной кампании Б. Н. Ельцина, задержан 19 июня 1996 г. вместе с Аркадием Евстафьевым при попытке вынести из Белого дома коробку из-под ксерокса с суммой в полмиллиона долларов.

Листьев Владислав Николаевич — известный тележурналист, ведущий программы «Взгляд», «Поле Чудес», генеральный директор телекомпании ОРТ, убит неизвестными в подъезде своего дома в 1 марта 1995 г.; преступление не раскрыто.

Литновский Илья — член ОПГ Корейца.

Лужков Юрий Михайлович — мэр Москвы.

Луценко Владимир Васильевич — руководитель ЧОП «Стеллс», генерал-майор действующего резерва ФСБ РФ.

Львов Феликс — бизнесмен, убит.

Лысейко Владимир А. — начальник Управления по расследованию ОВД Генеральной прокуратуры.

Лысков Анатолий Григорьевич — руководитель аппарата директора ФСБ РФ, генерал-лейтенант.

Лысюк Сергей Иванович — командир отряда «Витязь», агент ФСБ РФ, генерал-майор.

Любочка — старший оперативный сотрудник 3-го отдела ОРУ ДБТ ФСБ РФ, полковник.

Лях Николай Иванович — руководитель секретариата Селезнёва Г., председателя Государственной думы РФ.

М

Маградзе Сулхан Александрович — директор банка «Атлант».

Мадекин Павел — старший оперуполномоченный 1-го отдела УСБ ФСБ РФ, вёл на меня оперативное дело; майор.

Макарычев Александр Константинович — зам. руководителя аппарата правительства РФ, в прошлом министр безопасности Кабардино-Балкарии, зам. начальника УРПО ФСБ, генерал-лейтенант.

Макеев Евгений — старший оперуполномоченный по особо важным делам 1-го отдела ОУ ДБТ РФ.

Мальшев Александр Иванович — лидер тамбовской ОПТ в Санкт-Петербурге.

Маров Михаил Алексеевич — адвокат автора книги, генерал-майор юстиции.

Масхадов Аслан Алиевич — президент Чеченской республики (с 1997 г.).

Медведев Григорий — старший оперуполномоченный ОВКР ФСБ РФ, в/ч 70850, майор; погиб в 1995 г. в Чечне.

Мензис Джордж — адвокат автора в Англии.

Меркулов — начальник отдела кадров ФСБ РФ, полковник.

Микеладзе Джамал Варламович — вор в законе, кличка Арсен, убит.

Минда — уголовный авторитет из Санкт-Петербурга, лидер ОПТ.

Минченко — прокурор ГВП РФ, полковник юстиции.

Мироничев — сотрудник ГРУ ПП МО, осуждён.

Мионов Иван Кузьмич — начальник ОРУ ДБТ ФСБ РФ, генерал-лейтенант.

Михась — уголовная кличка Михайлова Сергея, лидера солнцевской ОПТ.

Мурашёв Аркадий Николаевич — бывший начальник ГУВД Москвы.

Н

Назрановы — братья, жители Кабардино-Балкарии, бизнесмены.

Налобин Николай Валентинович — зам. начальника УЭК ФСБ РФ, генерал-майор.

Нанаец — кличка Чернова Алексея Владимировича, уголовного авторитета, у которого Хохольков требовал деньги от продажи наркотиков.

Невзоров Александр Глебович — тележурналист, депутат Государственной думы.

Нефёдов Сергей А. — старший оперуполномоченный по ОВД 3-го

отдела УЭК ФСБ РФ.

Никитенко Виктор — командир ООН «Витязь», подполковник.

Никишии Александр Николаевич — полковник ВВ МВД РФ, помощник министра МВД РФ, Герой РФ.

Николаев Валерий — старший следователь ОВД Генеральной прокуратуры РФ, вел дело Гусинского В.

Николаев Николай — тележурналист.

Никулин Константин — член ОПГ.

О

Ободянский — член ОПГ, возглавляемой Петросяном.

Овчинский Владимир Семенович — помощник министра МВД Куликова, начальник Российского бюро Интерпол, генерал-майор милиции.

Одинокоев — житель Московской области, 'потерпевший' — в деле против автора книги.

Окроашвили Георгий Гурамович — бизнесмен, умер.

Ониани Таризл Гурамович — лидер так называемой сванской ОПГ, живёт во Франции.

Осадчий Александр Ильич — помощник директора ФСБ РФ, генерал-лейтенант. Осипов И.И. — зам. начальника Московского РУОП.

П

Павлов — следователь ГВП РФ, полковник юстиции.

Паламарчук Андрей — следователь ГВП, старший лейтенант юстиции.

Панфилова Элла Александровна — депутат Государственной думы РФ.

Патаркацишвили Бадри Шалвович — бизнесмен, деловой партнёр Бориса Березовского. Первый зам. гендиректора ОРТ (1995–1999), председатель Совета директоров ТВб (2001).

Патрушев Николай Платонович — министр безопасности Карелии (1992–1994), начальник УСБ ФСБ РФ (1994–1998), зам. директора (1998–1999), директор ФСБ РФ (с 1999 г.), генерал армии, Герой РФ.

Пащенко Иван — старший оперуполномоченный по ОВД 3-го отдела УСБ ФСБ РФ, полковник.

Петелин Геннадий Васильевич — начальник секретариата В. С.

Черномырдина.

Петросян Арам — осуждён за бандитизм, уголовная кличка Зверь, лидер ОПГ.

Писяков — доверенное лицо ФСБ РФ.

Пичуга — кличка вора в законе Юрия Пичугина.

Платонов Александр Михайлович — начальник 1-го отдела УБТ ФСБ РФ, полковник.

Плеханов Николай Александрович — уголовный авторитет из Омска; кличка Кот.

Плохих Олег — старший оперуполномоченный 12-го отдела УУР ГУВД Москвы, майор милиции.

Погодин — коммерсант из Петрозаводска, в пользу которого Патрушев организовал вымогательство денег у гражданки Кисляковой.

Погосов Сергей — бизнесмен, агент ФСБ РФ, псевдоним Григорий.

Понькин Андрей В. — старший оперуполномоченный 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, участник пресс-конференции 17 ноября 1998 г., майор.

Поуп Эдмонд — бизнесмен, гражданин США, осуждён за шпионаж в 2000 г., помилован В. В. Путиным.

Преображенский Константин — подполковник запаса КГБ СССР.

Причисленко Сергей — прапрадед автора книги.

Проничев Владимир Егорович — первый зам. директора ФСБ РФ, генерал-полковник.

Путин Владимир Владимирович — вице-мэр Санкт-Петербурга (1994–1996), директор ФСБ РФ (1998–1999), премьер-министр (1999), президент РФ (с 2000 г.), подполковник.

Р

Рогозин Георгий Георгиевич — первый зам. начальника СБП России, генерал-лейтенант.

Родин Анатолий — зам. начальника 1-го отдела ОУ ДБТ ФСБ РФ, полковник.

Рохлин Лев Яковлевич — генерал-лейтенант, депутат Государственной думы, убит 3 июля 1998 г. выстрелом в голову у себя на даче. В преступлении была обвинена его жена Тамара Рохлина.

Рохлина Тамара — жена генерала Рохлина; осуждена за убийство мужа в 2000 г. Считает обвинения сфабрированными. После решения Верховного суда РФ обвинительный приговор был отменён. Дело пересматривается.

Рушайло Владимир Борисович — министр МВД РФ (1999–2001), секретарь СБ РФ (с.2001 г.), генерал-полковник.

С

Савостьянов Евгений Вадимович — начальник Московского управления КГБ-ФСК (1991–1994), зам. руководителя Администрации президента РФ (1996–1998).

Салим — уголовная кличка, член узбекской ОПТ.

Сафонов Анатолий Ефимович — первый зам. начальника ФСК РФ, генерал-полковник.

Сахаров Андрей Дмитриевич — академик, правозащитник, лауреат Нобелевской премии мира.

Свистунов Вадим Осипович — адвокат автора книги.

Селезнёв Геннадий Николаевич — депутат от КПРФ, председатель Государственной думы РФ (с. 2000 г.).

Семенюк Вадим Сергеевич — зам. начальника У ФСБ РФ по Москве и Московской области, генерал-майор.

Сергеев Геннадий Николаевич — Герой России, офицер группы «Альфа», погиб при штурме Дома правительства в 1993 г.

Симаев Владимир — помощник начальника УРПО ФСБ РФ по безопасности, полковник.

Синица — «модельер», сотрудник ГРУ ГШ МО РФ.

Скрябин Алексей — начальник направления 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, почётный сотрудник Госбезопасности, подполковник.

Скуратов Юрий Ильич — генеральный прокурор РФ (1995–1999).

Слепой — кличка вора в законе.

Смирнов — зам. начальника Управления кадров ФСБ РФ, генерал-лейтенант.

Смородинский Виктор — агент ФСБ РФ.

Соболев Валентин Алексеевич — первый зам. директора ФСБ, генерал-полковник.

Собчак Анатолий Александрович — политический деятель РФ, бывший мэр Санкт-Петербурга, «наставник» В. В. Путина. Умер от сердечной недостаточности при сомнительных обстоятельствах 20 февраля 2000 г.

Соловей — старший оперуполномоченный 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, капитан.

Соловьёв Евгений Борисович — зам. директора ФСБ РФ, генерал-полковник.

Солоник Александр — уголовная кличка Македонский, наёмный убийца, курганская ОПГ.

Сосковец Олег Николаевич — первый вице-премьер Правительства РФ (1993–1996).

Старовойтов Александр Владимирович — начальник ФАПСИ РФ, генерал армии.

Старовойтова Галина Васильевна — политический деятель, основатель движения «Демократическая Россия», убита неизвестными в подъезде своего дома 20 ноября 1998 г.; преступление не раскрыто.

Степашин Сергей Вадимович — директор ФСК РФ (1994–1995), министр МВД (1998), председатель Правительства (1999), председатель Счётной палаты РФ (с 2000 г.), генерал-полковник.

Стрелецкий Валерий Андреевич — начальник отдела «П» Службы безопасности президента РФ, полковник.

Субботин Сергей Дмитриевич — начальник отдела УЭК ФСБ РФ, полковник.

Судоплатов Павел Анатольевич — начальник Террористического управления в НКВД/МГБ до 1953 г.; в 1953 г. осуждён по делу Берия на 15 лет, реабилитирован в 1992 г., генерал НКВД СССР.

Сунцов Михаил Васильевич — начальник Оперативно-розыскного бюро РУОП МВД России.

Сурков Владислав Юрьевич — пом. начальника оперативного управления АТЦ ФСБ РФ, полковник.

Т

Тайванчик — кличка Алимжана (Алика) Тохтахунова — узбекского криминального авторитета, представителя Гафура в Европе.

Тарпищев Шамиль Анвярович — теннисист, министр спорта РФ (1993–1996).

Тейтум Пол — бизнесмен, совладелец гостиницы «Рэдисон-Славянская», гражданин США, убит в Москве 3 ноября 1996 г.; преступление не раскрыто.

Трепашкин Михаил — начальник следственного отдела Департамента налоговой полиции Московской области, бывший следователь ФСБ РФ, полковник, участник пресс-конференции 17 ноября 1998 г.

Трофимов Анатолий Васильевич — зам. директора ФСБ РФ, генерал-полковник.

Трубников Вячеслав Иванович — начальник Управления уголовного розыска МВД России, генерал армии.

У

Умар Паша — старший оперативный сотрудник УРПО ФСБ РФ, этнический чеченец, участник операции по убийству Дудаева, полковник.

Усманов Алишер — бизнесмен.

Устинов Владимир Васильевич — генеральный прокурор РФ (с. 2000 г.).

Утёнок — уголовная кличка лидера ОПТ Ухты.

Ф

Фёдоров Владимир Александрович — начальник ГБДД России, генерал-лейтенант милиции.

Федотов Андрей — старший оперуполномоченный 4-го отдела УУР ГУВД Москвы, майор милиции.

Фельштинский Юрий Георгиевич — гражданин США, доктор исторических наук.

Филатов Сергей — глава Администрации президента РФ.

Филиппов Валерий — зам. начальника отдела экономической контрразведки УФСБ РФ по Костромской области.

Филиппов Владимир Михайлович — министр образования РФ (с.1998 г.)

Х

Харченко Владимир — водитель машины в коммерческой фирме, оговоривший автора книги.

Хаттаб (Хабиб Абдул Рахман) — арабский боевик, один из лидеров ваххабитов в Чечне, убит в 2002 г.

Хинштейн Александр Евсеевич — журналист газеты «Московский комсомолец», агент ФСБ.

Хлебников Пол — журналист, автор книги «Крёстный отец Кремля», гражданин США.

Холодов Дмитрий Юрьевич — журналист газеты «Московский комсомолец», погиб 17 октября 1994 г. в результате взрыва заминированного «дипломата» в помещении редакции. В покушении была обвинена группа офицеров ВДВ, однако они были полностью оправданы судом в июне 2002 г.

Хохольнов Евгений Г. — начальник УРПО ФСБ РФ, генерал-майор.

Ц

Цхай Владимир Ильич — зам. начальника УУР ГУВД Москвы, полковник милиции, умер в 1999 г.

Ч

Чекулин Никита Сергеевич — зам. директора НИИ «Росконверсвзрывцентр».

Черногоров Борис — майор ФСБ России, совершивший нападение на Трепашкина по указанию руководства ФСБ.

Черномырдин Виктор Степанович — премьер-министр РФ (1992–1998), посол РФ на Украине.

Чёрный Михаил Семёнович — бизнесмен, участник приватизации алюминиевой промышленности.

Чубайс Анатолий Борисович — вице-премьер Правительства РФ (1992–1996, 1997–1998), Руководитель предвыборного штаба Ельцина (1996), глава Администрации президента РФ (1996–1997), глава РАО ЕЭС (с 1998 г.), реформатор, политический деятель.

Ш

Шацких — офицер группы «Альфа», погиб при штурме телебашни в Вильнюсе.

Шебалин Виктор В. — заместитель начальника 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, входил в группу по убийству Д. Дудаева (президента Чечни), участник пресс-конференции 17 ноября 1998 г. («человек в маске»),

полковник.

Шеварднадзе Эдуард Амвросиевич — президент Грузии.

Шевчук Николаи — старший оперуполномоченный 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, капитан.

Щ

Щеглов Герман — старший оперуполномоченный 7-го отдела УРПО ФСБ РФ, майор, участник пресс-конференции 17 ноября 1998 г.

Щекочихин Юрий Петрович — депутат Государственной думы РФ от фракции «Яблоко».

Щеленков Андрей — сотрудник фирмы «Ланако», капитан.

Щербаков Михаил — начальник 6-го отдела ОУ АТЦ ФСБ РФ, полковник.

Э

Эдигов Муса — телохранитель президента Чечни Джохара Дудаева.

Эльсултанов Ширази — следователь Генеральной прокуратуры РФ.

Эсамбаев Махмуд Алисултанович — танцор, один из лидеров чеченской общины в Москве.

Ю

Юзбашев Окоп Вениаминович — бизнесмен.

Юзбашев Генрих Вениаминович — бизнесмен, доверенное лицо автора книги, убит.

Юмашев Валентин — ген. директор издательства «Огонёк» (1995–1996), глава Администрации президента РФ (1997–1999), зять президента Ельцина.

Юмашкин Алексей А. — сотрудник УФСБ по Москве и Московской области, майор.

Юршевич — начальник СОБР Московского РУОПа, полковник милиции.

Юшенков Сергей Николаевич — депутат Государственной думы, один из лидеров партии «Либеральная Россия».

Я

Яблочкин Александр — старший оперуполномоченный 3-го отдела УЭК ФСБ РФ, капитан.

Яковлев — зам. главного военного прокурора, генерал-лейтенант юстиции.

Япончик — Вячеслав Кириллович Иваньков, вор в законе, отбывает срок в США.

Ястржембский Сергей Владимирович — бывший посол РФ в Словакии, пресс-секретарь Б. Н. Ельцина (1996–1998), помощник президента Путина по чеченскому вопросу (с. 2000 г.).

Приложение 3. Сокращения

«Альфа» — Антитеррористическая группа ФСБ Российской Федерации.

АТЦ — Антитеррористический центр ФСБ Российской Федерации.

ВЧК — Всероссийская Чрезвычайная Комиссия.

ГВП — Главная военная прокуратура.

ГРУ ГШ МО РФ — Главное разведывательное управление Генерального штаба Министерства обороны Российской Федерации.

ГУВД — Главное управление внутренних дел.

ГУИН — Главное управление исполнения наказаний.

ГУОП — Главное управление по борьбе с организованной преступностью.

ДБТ — Департамент борьбы с терроризмом ФСБ РФ.

КГБ — Комитет государственной безопасности СССР.

КПРФ — Коммунистическая партия Российской Федерации.

ЛДПР — Либерально-демократическая партия России.

МБ — Министерство безопасности Российской Федерации.

МВД — Министерство внутренних дел Российской Федерации.

МУР — Московский уголовный розыск.

МЧС — Министерство по чрезвычайным ситуациям Российской Федерации.

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР.

ОБХСС — отдел борьбы с хищениями социалистической собственности.

ОВД — особо важные дела.

ОВКР — отдел военной контрразведки.

ОМОН — отряд милиции особого назначения.

ООН — отряд особого назначения.

ОПТ — организованная преступная группировка.

ОРУ — Оперативно-розыскное управление.

ОУ — Оперативное управление.

РОВД — районные управления внутренних дел.

РУОП — региональное Управление по борьбе с организованной преступностью Министерства внутренних дел Российской Федерации.

СБ РФ — Совет Безопасности Российской Федерации.

СЕЛ — Служба безопасности президента Российской Федерации.

СВР — Служба внешней разведки Российской Федерации.
СИЗО — следственный изолятор.
СОБР — специальный отряд быстрого реагирования.
УБКК — Управление по борьбе с контрабандой и коррупцией.
УБТ — Управление по борьбе с терроризмом.
УВКР — Управление военной контрразведки.
УОТМ — Управление оперативно-технических мероприятий.
УРПО — Управление разработки и пресечения деятельности преступных организаций ФСБ РФ.
УСБ — Управление собственной безопасности.
УУР — Управление уголовного розыска.
УФСБ — Управление ФСБ (территориальное).
УЭК — Управление экономической контрразведки.
ФАПСИ — федеральная служба правительственной связи и информации Российской Федерации.
ФСБ — Федеральная служба безопасности Российской Федерации.
ФСК — Федеральная служба контрразведки Российской Федерации.
ФСНП — Федеральная служба налоговой полиции Российской Федерации.
ФСО — Федеральная служба охраны Российской Федерации.
ЦОС — Центр общественной связи ФСБ Российской Федерации.
ЧОП — частное охранное предприятие.

notes

Примечания

1

На самом деле Брежнев умер в 1982 году— прим. Компромат. Ру